

игорь можейко

7и37 чудес

В книге рассказывается о памятниках культуры многих стран Азии и Африки, о многообразии и оригинальности восточных цивилизаций. Она построена в виде небольших очерков, каждый из которых посвящен истории создания, характерным чертам, значению того или иного памятника архитектуры или искусства.

- **Игорь Можейко**

- Вступление

- Часть 1. Первые семь чудес

- Чудо первое

- Чудо второе

- Чудо третье

- Чудо четвертое

- Чудо пятое

- Чудо шестое

- Чудо седьмое

- Часть 2. Ближний Восток и Средняя Азия

- Вавилонский зиккурат

- Бехистунская надпись

- Персеполь

- Баальбек

- Пальмира

- Нимруд-Даг

- Петра

- Хадрамаут

- Долина Гореме

- Шахи-Зинда

- Обсерватория Улугбека

- Хива

- Часть 3. Африка

- Фрески Тассили

- Карнак

- Абу-Симбел

- Тимгад

- Мероэ

- Аксум

- Лалибела и Кайласанатха

- Зимбабве

- Ифе и Бенин

- Часть 4.

- Колонна Чандрагупты
- Храм в Канараке
- Фатехпурсикри
- Тадж-Махал
- Анурадхапура
- Сигирия
- Часть 5. Юго-восточная Азия и Дальний Восток
  - Паган
  - Шведагон
  - Пагода Мингун
  - Мандалайский дворец
  - Ангкор
  - Боробудур
  - Дуньхуан
  - Китайская стена
  - Тодайдзи
- notes
  - 1

Игорь Можейко

7 и 37 чудес

Вступление

Чудес было семь: египетские пирамиды, Галикарнасский мавзолей, Колосс Родосский, Александрийский маяк, храм Дианы Эфесской, статуя Зевса Олимпийского и висячие сады Семирамиды.

Число их определялось магией цифры «семь», ограниченными возможностями человеческой памяти, пределами античного мира и, главное, устойчивостью традиций. Когда примерно в III веке до нашей эры кто-то провозгласил это семицветие эталоном чудес, часть человечества, обитавшая вокруг Средиземного моря, подчинилась авторитету, и лишь некоторые местные патриоты, не оспаривая самого принципа, старались внести поправки в частности. К примеру, римский поэт Марциал признавал седьмым чудом света Колизей, другие – Александрийскую библиотеку, третьи – Пергамский алтарь.

Через тысячу лет после падения Рима, когда вновь у людей возродился интерес к происходящему за пределами их маленького мирка, о чудесах света вспомнили, и сила античного авторитета была такова, что упомянутые семь чудес воспринимались уже как незыблемое целое, хотя некоторые из них полностью исчезли с лица земли, сохранившись лишь в древних рукописях и преданиях. Тогда-то и появилось известное выражение «восьмое чудо света».

Восьмым чудом света были Пальмира, Петербург, Венеция, даже Эйфелева башня. Девятого чуда не было и быть не могло. К семи чудесам можно было прибавить лишь одно, показав этим бесспорное его превосходство над всем, созданным людьми после утверждения канона.

Греки были замечательными путешественниками, но за пределы Средиземноморья выходили редко, поэтому они мало знали внутренние области Индии, Юго-Восточной Азии, тем более Китая, а также вряд ли имели представление об Африке южнее Сахары. Чудеса, родившиеся за пределами их мира, погибшие или забытые к тому времени, когда греки пустились в плавание по ближним морям, или появившиеся после строгого и весьма субъективного отбора, в «семерку» не попали. Так возникла историческая несправедливость, отражение которой ощущается и в попытках заменить какое-либо из известных чудес, и в рождении «восьмых» чудес света.

Любую историческую несправедливость, если она не повлекла уже за собой материальных потерь, можно исправить, тем более несправедливость столь условного характера. Не споря

с выбором древних, а лишь используя его в качестве исходной точки, я попытался дополнить список чудес памятниками, не попавшими в поле зрения древних эллинов.

За последние пять тысячелетий человечество строило и создавало много произведений искусства, причем делало это великолепно. Но что считать чудом? Очевидно, то, что по замыслу или исполнению значительно возможно, даже уникально, неповторимо для культуры народа, который его создал, и в то же время ценно для истории и культуры всех жителей Земли.

Однако даже такие критерии не дают возможности охватить все замечательные памятники человеческой культуры – их слишком много для одной, для двух, для десяти книг. Пришлось ограничивать себя, вводить дополнительные критерии и так далее... В результате в 1969 году в издательстве «Наука» вышла книга, которая называлась «Другие 27 чудес».

В ней были собраны рассказы о двадцати семи чудесах света, созданных в Азии. Азия – материк наиболее древних и разнообразных культур, во многом обусловивших дальнейшее развитие мировой культуры. Писать о чудесах всего мира – тема необъятная, тогда как памятники Азии (хотя их куда больше, чем 27) можно хотя бы вкратце обозреть в пределах одной книги. В силу драматических событий истории памятники азиатской культуры известны менее, нежели, скажем, памятники античного мира, тогда как интерес к Востоку все время растет и роль стран Востока в судьбах Земли сегодня куда важнее, чем столетие назад. Наконец, автору самому приходилось бывать в различных районах Востока и видеть многие из описанных памятников.

В некоторых случаях я придерживался общепринятых взглядов на культурную ценность того или иного памятника. Так в книге оказались Тадж-Махал, Боробудур, Ангкор. Другие памятники, вошедшие в книгу, такие, как Паган, Баальбек, Канарак, менее известны широкому читателю, но, бесспорно, принадлежат к числу чудес «мирового значения». Если же в моем распоряжении было два или более чем-то сходных замечательных памятников прошлого, то выбирался тот из них, история создания и последующая судьба которого, на мой взгляд, представлялись более интересными. Вряд ли разумно спорить, что прекрасней – фрески Сигирии или Аджанты, храм Канчипурам или Канарак, Тодайдзи или Камакура. И те и другие исключительно ценны, но приходится жертвовать многим, чтобы не превратить книгу, предназначенную для чтения, в аннотированный каталог. Поэтому выбор зачастую был субъективен и кому-то наверняка покажется неправильным. С этим приходится мириться.

Надо сказать и о другом: некоторым странам и районам повезло больше, другим – меньше. Например, в Бирме описаны четыре памятника, а Таиланд пропущен вовсе. Индия и Шри Ланка (Цейлон) выделены в отдельную часть, а в Японии описан лишь один памятник. Это связано с тем, что я долгое время жил в Бирме и знаком с ее памятниками куда лучше, чем с чудесами Японии и Таиланда. Тадж-Махал, колонну Чандрагупты и Фатехпурсикри я видел, в Средней Азии многократно бывал, на Ближнем Востоке тоже, а вот Китай знаю мало. Лучше писать о том, что знаешь. Это совсем не означает, что в Японии мало памятников культуры или в Таиланде нет ни одного, относящегося к категории «чудесных».

Когда через несколько лет после того, как книга «Другие 27 чудес» вышла в свет, мне предложили вернуться к этой теме, доработать и дополнить книгу, встал вопрос: оставаться ли в установленных ранее географических рамках или выйти за пределы Азии? Мне показалось более правильным расширить обозреваемый регион, включить в него области, входящие в общее понятие Востока и связанные с Азией как историей, так и культурой.

Включение памятников культуры Африки мне показалось тематически оправданным. Не говоря уже о том, что североафриканские и ближневосточные центры человеческой цивилизации не только близки, но и оказывали друг на друга определенное влияние, миграции народов и идей, пути военных походов, меняющиеся границы государств дают возможность создать последовательную картину взаимосвязанного, опутанного торговыми путями Востока, который охватывал Азию и Африку, свидетельством чему – индийские храмы в Юго-Восточной Азии, персидские – в Индии, осколки китайских чаш среди руин Зимбабве или документальные отчеты хроник о посольствах из Африки, достигших Китая.

Таким образом, настоящая книга – не только переиздание книги «Другие 27 чудес», она дополнена «африканским» разделом, отдельные главы других разделов переработаны, изменены или даже заменены новыми. Наконец, я счел нужным для сведения читателей добавить еще одну вступительную главу – об оригинальных семи чудесах. Большинство их было расположено в Азии, так или иначе связано с чудесами, описанными в книге. В то же время о некоторых из них, помимо названий, читателям мало что известно.

Когда я писал эту книгу, мною руководили не только познавательные цели, но и проблема исторической справедливости.

Азиатские и африканские страны, где в отдаленном или не очень отдаленном прошлом были созданы удивительные храмы, скульптуры, фрески, одна за другой превратились в колонии европейских держав. И колониями оставались многие десятилетия, а то и века, вплоть до середины нашего века. К тому моменту, когда туда пришли европейские завоеватели, зачастую уже забылось, кто и когда воздвиг Черную пагоду в Канараке или отлил железную колонну в Дели. История создания памятников была окутана легендами. И это открывало широкое поле для домыслов.

Ход рассуждений европейских историков и колониальных чиновников был элементарен: мы, европейцы, ничего подобного не создали, в то же время мы без труда покорили этот отсталый народ, следовательно, он ничего подобного и не мог создать. А кто же тогда?

Например, Бирма после ее покорения была включена в Британскую Индию в качестве одной из ее провинций и лишена даже права на обособленность в составе Британской империи. И храмы Пагана, древней столицы Бирмы, были единодушно объявлены копиями индийских храмов, хотя научных оснований к этому не существовало. Гигантские каменные сооружения Зимбабве казались слишком грандиозными, чтобы их могли возвести африканцы. На сцене тут же возникли царь Соломон и финикийцы, которые якобы и занимались строительством на юге Африки. Скульптуры Ифе были реалистичны, изысканны и, без сомнения, принадлежали к высокому искусству. Авторами их были объявлены древние греки или атланты.

Казалось бы, теперь археология, эпиграфика, история многое прояснили и рассуждения об «отсталых» бирманцах кажутся наивными. Но это не значит, что истина восторжествовала. Помимо рецидивов прошлого появилась новая опасность. На этот раз с неба.

В наши дни любители таинственного не могут удовлетвориться джиннами и ведьмами. Суеверия наших дней рядятся в наукообразные одежды. Так родились гипотезы о всемогущих пришельцах, которые прилетали в прошлом к нам из космоса, чтобы что-нибудь построить. И далее с убежденностью колониальных чиновников прошлого века современные апологеты пришельцев отчаянно грабят цивилизации Востока. Страницы книг и кадры кинофильмов изобилуют заявлениями о том, что нашим предкам не под силу было воздвигнуть пирамиды Египта, баальбекские храмы, отлить железную колонну в Дели и даже нарисовать фрески Тассили. Сила убеждения подобных гипотез зиждется на том, что далеко не все знают, как же и когда в

действительности был построен тот или иной храм или монумент. Ведь задумайтесь: приверженцам пришельцев не приходит в голову приписать им строительство Эйфелевой башни или Московского Кремля. Может быть, впрочем, жителю Индонезии, не знакомому с французской или русской историей, подобную версию и удалось бы внушить.

Будучи глубоко убежден, что все чудеса на Земле создали люди без помощи извне, как бы невероятны ни казались их умение и объем работы сегодняшнему обывателю, я хотел показать, что «подозреваемые» в неземном происхождении чудеса столь же земны, как и Тадж-Махал или любой минарет Хивы.

Наконец, следует сказать, что в книге понятие «чудо» трактуется так же широко, как его трактовали древние (особенно если иметь в виду такие «апокрифические» чудеса, как Александрийская библиотека). Среди чудес – и целые города, и даже местности, подобные Гореме в Турции. Здесь встретятся чудеса, раскинувшиеся на несколько тысяч километров – Великая китайская стена; чудеса в несколько десятков квадратных метров, как Бехистунская надпись или фрески Сигирии; чудеса, которые можно держать в руках, – скульптуры из Ифе. Ведь цель книги – дать представление о разнообразии и богатстве культур Востока и неопределимо важном их месте в истории человечества.

Несмотря на то, что памятники, о которых здесь говорится, созданы много столетий назад, история их не завершена. Даже в тех случаях, когда их уже не существует. Это объясняется тем, что наши знания о прошлом постоянно обогащаются.

За время, прошедшее после первого издания этой книги, стали известны новые эпиграфические и археологические данные, одни сомнения разрешились, другие возникли. Поэтому при переиздании автор внес минимальные, но необходимые поправки и дополнения, оставив неизменным число глав и структуру книги.

Часть 1. Первые семь чудес

К моменту изобретения долговечной формулы «семь чудес» (III век до нашей эры) все они существовали, в большинстве своем еще не тронутые временем и людьми, и, главное, были легкодоступны. Античный мир Средиземноморья, ставший особенно тесным и исхоженным после создания империи Александра Македонского и рождения эллинизма, позволял любознательному путешественнику обозреть все семь чудес максимум за несколько месяцев – благо, что ни одно из них (за исключением Вавилона) не было далеко от моря. Да и к Вавилону вело множество обжитых торговых путей.

Вскоре одно за другим чудеса стали исчезать. Уже римскому путешественнику не удалось бы увидеть все семь. А до наших дней дожило лишь одно из чудес, как ни парадоксально, самое древнее: египетские пирамиды.

Чудо первое

Египетские пирамиды

Египетские пирамиды – самые известные на Земле сооружения. Более знаменитых не сыщешь. Притом они и самые древние из знаменитых. Гигантские усыпальницы фараонов четвертой египетской династии – Хуфу (Хеопса) и Хафры (Хефрена) – возведены около пяти тысяч лет назад, и ни время, ни завоеватели не смогли ничего с ними поделать. Почти три тысячи лет существовало после этого египетское государство; сменялись на престоле фараоны и цари, но пирамиды, воздвигнутые в истоках египетской цивилизации, остались самыми могущественными сооружениями страны, да и всего мира. Когда мы говорим сегодня о том, что в 1889 году пирамида Хеопса перестала быть самым высоким зданием мира, уступив первенство Эйфелевой башне, мы прикрываем несоизмеримость сооружений абстракцией мертвых цифр. Высота – лишь одна из характеристик пирамиды. 137-метровая громада (раньше она достигала 147 метров, но вершина пирамиды обвалилась) сложена из 2 300 000 тщательно обработанных глыб известняка, каждая весом более двух тонн. Практически без всяких механизмов, с помощью лишь клиньев и кувалд, глыбы вырубали в каменоломнях на другом берегу Нила, обрабатывали на месте, затем перетаскивали папирусными канатами к воде, волокли на строительную площадку и по отлогому склону холма, который рос вместе с пирамидой, втаскивали на вершину. Геродот уверяет, что строили эту пирамиду двадцать лет, занято на строительстве было одновременно сто тысяч человек, которые менялись каждые три месяца, и, сколько их оставалось через эти три месяца в живых, знали лишь фараоновы писцы – до нас число жизней, принесенных в жертву пирамиде, прежде чем она стала усыпальницей одного человека, не дошло. Фараон увел с собой в темное царство смерти десятки, а скорее всего сотни тысяч подданных. Зато подлинно известно, что к этому двадцатилетнему подвигу народа, подвигу, на мой взгляд бессмысленному, но грандиозному, никакого отношения никто, кроме египтян и рабов из соседних стран, не имел. Каждый этап строительства был запечатлен художниками и в наши дни подтвержден археологами. При необходимости можно было бы выстроить эту пирамиду снова, скопировав в точности все действия строителей: в каменоломнях найдены папирусные канаты, с помощью которых оттуда вытаскивали глыбы, и инструменты каменотесов.

Мы воспринимаем египетские пирамиды как факт, не задумываясь о их происхождении. Мы можем объяснить их с точки зрения экономики: накапливался прибавочный продукт, общество в лице его правителей не видело лучшего ему применения, чем возвеличивание земной и небесной власти. Мы можем объяснить их появление психологически: фараон, живой бог, должен был получить место упокоения, полностью подавляющее воображение человека. Но почему именно пирамиды? Почему именно эта массивная гробница, внутри которой, как жучок в большом яблоке, спрятан саркофаг фараона? Ведь кто-то должен был придумать пирамиду, обосновать ее, сконструировать – не пришельцы же уговорили фараона на это предприятие?

Имя гения, пожалуй, первого гения, отмеченного в истории человечества, и даже его внешний облик известны. Его признали при жизни и помнили тысячелетия после смерти. А раз так, то и нам стоит помнить его имя – Имхотеп. У Леонардо да Винчи был достойный предшественник.

Имхотеп по призванию и по делам своим – гений универсальный и щедрый. Он был современником Джосера, основателя третьей династии (чуть менее трех тысяч лет до нашей эры). До этого времени в Египте, объединенном за четыре века до первой династии, почти не строилось каменных зданий. Жилые помещения сооружались из дерева, тростника или глины, а дворцы и *мастабы* – погребальные сооружения в форме спичечной коробки – из кирпича, сырцового, а частично и обожженного.

Джосер, как и положено фараону, тоже начал строить себе гробницу при жизни – солидную мастабу, которая частично сохранилась. Гробница была построена, но не использована по назначению.

Должно быть (а известно, что Джосер умер глубоким стариком и правил восемьдесят лет), Имхотеп был младше фараона или выдвинулся и стал известен лишь где-то в середине царствования Джосера, а когда пути фараона и архитектора скрестились, мастаба была почти завершена. Только так можно объяснить тот факт, что, забросив старую гробницу, фараон начинает все снова – и строит первую настоящую, изобретенную Имхотепом пирамиду. Строит ее из камня.

Пирамида выглядела так. На традиционную мастабу, правда невиданных ранее размеров, поставлена вторая, меньшая. И так далее, до шести уменьшающихся мастаб – вот и родилась ступенчатая пирамида высотой под семьдесят метров.

Второе изобретение Имхотепа в области строительства также

связано с пирамидой Джосера. Впервые вокруг усыпальницы фараона был создан храмовой комплекс, также возведенный из камня. Правда, Имхотеп не смог сразу разорвать связь с деревянной архитектурой: колонны, крыши, карнизы, стены этих зданий точно воспроизводят все структурные и орнаментальные детали традиционных деревянных и кирпичных форм египетской архитектуры. Потребуются еще столетия, чтобы камень полностью забыл о том, какими были здания раньше, и, забыв, нашел новые формы.

Гений Имхотепа не ограничивался лишь строительством. Будучи, как и многие выдающиеся люди древности, священнослужителем, Имхотеп остался в памяти потомков великим магом и волшебником, а вернее всего ученым: заря науки неизбежно связана с магией. Был он и писателем. «Поговорки» Имхотепа, восход древнеегипетской литературы, сохранились в фольклоре. Интересно воплощение его писательской славы. После смерти он превратился в бога – покровителя писцов. Прежде чем приступить к работе, писцы лили на пол воду из сосуда, принося таким образом бескровную жертву своему богу-покровителю. Имхотеп даже стал дважды богом. Его помнили и через два с половиной тысячелетия: за бога медицины его почитали древние греки. Статуя Имхотепа была, по-видимому, первой статуей ученого в мире, ее обломки найдены в заупокойном храме фараона – еще одно доказательство того, что истинный гений часто получает признание при жизни. Что касается поздних статуй, то трудно отыскать крупный музей в мире, где не было бы бронзовой либо каменной статуи Имхотепа. А в Мемфисе существовал храм в его честь.

Чудо второе

Сады Вавилона

Висячие сады Вавилона моложе пирамид. Они строились в те времена, когда уже существовала «Одиссея» и возводились греческие города. И в то же время сады куда ближе к египетскому древнему миру, нежели к миру греческому. Сады знаменуют собой закат ассиро-вавилонской державы, современницы древнего Египта, соперницы его. И если пирамиды пережили всех и живы сегодня, то висячие сады оказались недолговечными и пропали вместе с Вавилоном – величественным, но непрочным гигантом из глины. Сахарный город, снегурочка древности...

Вавилон уже катился к закату. Он перестал быть столицей великой державы и был превращен персидскими завоевателями в центр одной из сатрапий, когда туда вошли войска Александра Македонского – человека, хотя и не построившего ни одного из чудес света, но тем не менее героя этой книги, перетряхнувшего весь Восток и в той или иной мере повлиявшего на судьбы великих памятников прошлого, на их создание или гибель.

В 331 году до нашей эры жители Вавилона отправили к македонцу послов с приглашением войти в Вавилон с миром. Александр был поражен богатством и величием хотя и пришедшего в упадок, но еще крупнейшего города мира и задержался там. В Вавилоне Александра встретили как освободителя. А впереди лежал весь мир, который следовало покорить.

Не прошло и десяти лет, как круг замкнулся. Владыка Востока Александр, усталый, измученный нечеловеческим напряжением восьми последних лет, но полный планов и замыслов, возвратился в Вавилон. Он готов был уже к завоеванию Египта и походу на Запад, чтобы подчинить себе Карфаген, Италию и Испанию и дойти до предела тогдашнего мира – Геркулесовых столпов. Но в разгар приготовлений к походу занемог. Несколько дней Александр боролся с болезнью, совещался с полководцами, готовил к походу флот. В городе было жарко и пыльно. Летнее солнце сквозь марево накаляло рыжие стены многоэтажных домов. Днем затихали шумные базары, оглушенные невиданным потоком товаров – дешевых рабов и драгоценностей, привезенных воинами с индийских границ, – легко доставшейся, легко уходящей добычей. Жара и пыль проникали даже сквозь толстые стены дворца, и Александр задыхался – за все эти годы он так и не смог привыкнуть к жаре своих восточных владений. Он боялся умереть не потому, что

трепетал перед смертью – к ней, чужой да и своей, он присмотрелся в боях. Но смерть, понятная и даже допустимая десять лет назад, сейчас была немыслима для него, живого бога. Александр не хотел умирать здесь, в пыльной духоте чужого города, так далеко от тенистых дубрав Македонии, не завершив своей судьбы. Ведь если мир столь послушно ложился к ногам его коней, то, значит, вторая половина мира должна присоединиться к первой. Он не мог умереть, не увидев и не покорив Запада.

И когда владыке стало совсем худо, он вспомнил о том единственном месте в Вавилоне, где ему должно полегчать, потому что именно там он уловил, вспомнил – а вспомнив, удивился – аромат македонского, напоенного светлым солнцем, журчанием ручейка и запахом трав леса. Александр, еще великий, еще живой, в последней остановке на пути в бессмертие, приказал перенести себя в висячие сады...

Навуходоносор, создавший эти сады, руководствовался благородной причудой деспота, ибо у деспотов тоже бывают причуды благородные – для кого-то, но никогда для всех. Навуходоносор любил свою молодую жену – индийскую принцессу, тосковавшую, как и Александр, в пыльном и лишенном зелени Вавилоне по свежему воздуху и шелесту деревьев. Царь вавилонский не перенес столицу к зеленым холмам Мидии, а сделал то, что недоступно прочим смертным. Он перенес сюда, в центр жаркой долины, иллюзию тех холмов.

На строительство садов, приюта для царицы, были брошены все силы древнего царства, весь опыт его строителей и математиков. Вавилон доказал всему свету, что может создать первый в мире монумент в честь любви. И имя царицы сказочным образом смешалось в памяти потомков с именем иной, ассирийской правительницы, а сады стали известны как сады Семирамиды – может, это была ревность человеческой памяти, для которой великое деяние должно быть связано с великим именем. Царица Тамара никогда не жила в замке, названном ее именем, и никогда, будучи женщиной благочестивой, любящей своего второго мужа и детей, не помышляла о том, чтобы скидывать со скал незадачливых любовников. Но трагедия должна быть освящена великим именем: иначе ей недостает драматизма.

Сады, созданные строителями Вавилона, были четырехъярусными. Своды ярусов опирались на колонны высотой двадцать пять метров. Платформы ярусов, сложенные из плоских каменных плит, были устланы слоем камыша, залитого асфальтом и покрытого листами свинца, чтобы вода не просочилась в нижний ярус. Поверх этого был насыпан слой

земли, достаточный для того, чтобы здесь могли расти большие деревья. Ярусы, поднимаясь уступами, соединялись широкими пологими лестницами, выложенными цветной плиткой.

Еще шло строительство, еще дымили кирпичные заводы, где обжигались широкие плоские кирпичи, еще брели с низовьев Евфрата бесконечные караваны повозок с плодородным речным илом, а с севера уже прибыли семена редких трав и кустов, саженцы деревьев. Зимой, когда стало прохладнее, на тяжелых повозках, запряженных быками, начали прибывать в город большие деревья, тщательно завернутые во влажную рогожу.

Навуходоносор доказал свою любовь. Над стометровыми стенами Вавилона, настолько широкими, что на них могли разбегаться две колесницы, поднималась зеленая шапка деревьев сада. С верхнего яруса, нежась в тенистой прохладе, слушая журчание водяных струй – день и ночь рабы качали воду из Евфрата, – на много километров вокруг царица видела лишь скучную, плоскую землю своей державы. Была ли она счастлива в этих садах?

Александр не был счастлив. Он отчаянно боролся с болезнью. Он должен был вести свою армию дальше. И умер.

Но, может, перед смертью, когда под сенью деревьев мимо его ложа проходили старые товарищи, ему казалось, что он наконец вернулся в свою Македонию.

Со смертью Александра мгновенно рассыпалась его империя, растащенная на куски спесивыми полководцами. И Вавилону не пришлось вновь стать столицей мира. Он захирел, жизнь постепенно ушла из него. Наводнение разрушило дворец Навуходоносора, кирпичи спешно построенных садов оказались недостаточно обожженными, рухнули высокие колонны, обвалились платформы и лестницы. Правда, деревья и экзотические цветы погибли куда раньше: некому было день и ночь качать воду из Евфрата.

Сегодня гиды в Вавилоне показывают на один из глиняных бурых холмов, напичканный, как и все холмы Вавилона, обломками кирпичей и осколками изразцов, как на остатки садов Семирамиды.

Чудо третье

Храм Артемиды Эфесской

С храмом Артемиды Эфесской давно возникла путаница, и поэтому не совсем ясно, о котором из этих храмов писать: о последнем или предпоследнем? Издавна авторы, пишущие об этом чуде света, неточно представляют себе, что же сжег Герострат и что построил Херсифрон. Поэтому, очевидно, придется вкратце рассказать о двух храмах, двух зодчих и одном преступнике. Эта история драматична, трудно решить, что же здесь торжествует – зло или добро.

Эфес был одним из крупнейших греческих городов в Ионии, пожалуй самой развитой и богатой области греческого мира, обогащенного здесь культурой Востока. Именно из малоазийских городов выходили смелые мореплаватели и колонисты, державшие путь в Черное море и к африканским берегам. Богатые полисы Ионии много строили. В античном мире каждый знал о храме Геры на Самосе, храме Аполлона в Дидимах, близ Милета, о храме Артемиды в Эфесе...

Последний храм строился многократно. Но ранние деревянные здания приходили в ветхость, сгорали или гибли от нередких здесь землетрясений, и потому в середине VI века до нашей эры решено было построить, не жалея средств и времени, великолепное жилище для богини-покровительницы, тем более что удалось заручиться обещанием соседних городов и государств участвовать в столь солидном предприятии. Плиний в своем описании храма, сделанном, правда, через несколько столетий после его постройки, говорит, в частности: «...его окружают сто двадцать семь колонн, подаренных таким же количеством царей». Вряд ли нашлось столько благожелательно настроенных к Эфесу царей в округе, но очевидно, что строительство стало до какой-то степени общим делом соседей Эфеса. По крайней мере богатейший из деспотов – Крез, царь Лидии, внес щедрую лепту.

В архитекторах, художниках и скульпторах недостатка не было. Лучшим был признан проект знаменитого Херсифрона. Тот предложил строить храм из мрамора, причем по редкому тогда принципу ионического диптера, то есть окружить его двумя рядами мраморных колонн.

Печальный опыт прежнего строительства в Эфесе заставил архитектора задуматься над тем, как обеспечить храму долгую жизнь. Решение было смелым и нестандартным: ставить храм на болоте у реки. Херсифрон рассудил, что мягкая болотистая почва послужит амортизатором при будущих землетрясениях. А чтобы

под своей тяжестью мраморный колосс не погрузился в землю, был вырыт глубокий котлован, который заполнили смесью древесного угля и шерсти – подушкой толщиной в несколько метров. Эта подушка и в самом деле оправдала надежды архитектора и обеспечила долговечность храму. Правда, не этому, а другому...

Очевидно, строительство храма было сплошной инженерной головоломкой, о чем есть сведения в античных источниках. Не говоря уже о расчетах, которые приходилось вести для того, чтобы быть уверенным в столь неортодоксальном фундаменте, приходилось решать, например, проблему доставки по болоту многотонных колонн. Какие повозки ни конструировали строители, под тяжестью груза они неумолимо увязали. Херсифрон нашел гениально простое решение. В торцы стволов колонн вбили металлические стержни, а на них надели деревянные втулки, от которых шли к быкам оглобли. Колонны превратились в валики, колеса, послушно покотившиеся за упряжками из десятков пар быков.

Когда же сам великий Херсифрон оказывался бессильным, на помощь ему приходила Артемида: она была заинтересованным лицом. Несмотря на все усилия, Херсифрон не смог уложить на место каменную балку порога. Нервы архитектора после нескольких лет труда, борьбы с недобросовестными подрядчиками, отцами города, толпами туристов и завистливыми коллегами были на пределе. Он решил, что эта балка – последняя капля, и начал готовиться к самоубийству. Артемиде пришлось принять срочные меры: утром к запершемуся в «прорабской» архитектору прибежали горожане с криками, что за ночь балка самостоятельно опустилась в нужные пазы. Херсифрон не дожид до завершения храма. После его преждевременной смерти функции главного архитектора перешли к его сыну Метагену, а когда и тот скончался, храм достраивали Пеонит и Деметрий. Храм был закончен примерно в 450 году до нашей эры.

Как он был украшен, какие стояли в нем статуи и какие там были фрески и картины, как выглядела сама статуя Артемиды, мы не знаем. И лучше не верить тем авторам, которые подробно описывают убранство храма, его резные колонны, созданные замечательным скульптором Скопасом, статую Артемиды и так далее. Это к описанному храму отношения не имеет. Все, что сделал Херсифрон и его преемники, исчезло из-за Герострата.

История Герострата, пожалуй, одна из наиболее поучительных и драматических притч в истории нашей планеты. Человек, ничем не примечательный, решает добиться бессмертия, совершив преступление, равного которому не совершал еще

никто (по крайней мере если учесть, что Герострат обошелся без помощи армии, жрецов, аппарата принуждения и палачей). Именно ради славы, ради бессмертия он сжигает храм Артемиды, простоявший менее ста лет. Это случилось в 356 году до нашей эры. Кстати, именно в день, когда родился Александр Македонский.

Деревянные части просушенные солнцем храма, запасы зерна, сваленные в его подвалах, приношения, картины и одежды жрецов – все это оказалось отличной пищей для огня. С треском лопались балки перекрытий, падали, раскалываясь, колонны – храм перестал существовать.

И вот перед соотечественниками Герострата встает проблема: какую страшную казнь придумать негодяю, дабы ни у кого более не возникло подобной идеи?

Возможно, если бы эфесцы не были одарены богатой фантазией, если бы не оказалось там философов и поэтов, ломавших себе голову над этой проблемой и ощущавших ответственность перед будущими поколениями, казнили бы Герострата, и дело с концом. Еще несколько лет обыватели говорили бы: «Был один безумец, сжег наш прекрасный храм... только как его звали, дай Зевс памяти...» И мы бы забыли Герострата.

Но эфесцы решили покончить с притязаниями Герострата одним ударом и совершили трагическую ошибку. Они постановили забыть Герострата. Не упоминать его имени нигде и никогда – наказать забвением человека, мечтавшего о бессмертной славе.

Боги посмеялись над мудрыми эфесцами. По всей Ионии, в Элладе, в Египте, в Персии – всюду люди рассказывали: «А знаете какую удивительную казнь придумали в Эфесе этому поджигателю? Его теперь навсегда забудут. Никто не будет знать его имени. А кстати, как его звали? Герострат? Да, этого Герострата мы обязательно забудем».

И, разумеется, не забыли.

А храм эфесцы решили построить вновь. Второй храм строил архитектор Хейроkrat, знаменитый выдумщик, которому приписывают, планировку Александрии, образцового города эллинского мира, и идею превратить гору Афон в статую Александра Македонского с сосудом в руке, из которого изливается река.

Правда, на этот раз строительство заняло считанные годы. И заслуга в том давно уже умершего Херсифрона. Теперь не было загадок и технических изобретений. Путь был проторен. Следовало только повторить сделанное ранее. Так и поступили.

Правда, в еще больших масштабах, чем прежде. Новый храм достигал 109 метров в длину, 50 – в ширину. 127 двадцатиметровых колонн окружали его в два ряда, причем часть колонн были резными, барельефы на них выполнял знаменитый скульптор Скопас...

Этот храм и был признан чудом света, хотя, может быть, больше оснований к этому званию имел первый, построенный Херсифроном.

История возобновления храма и события последующих лет стали предметом сплетен, пересудов и слухов во всем античном мире. Друзья и недоброжелатели эфесцев скрещивали словесные копья на площадях...

«После того как некий Герострат сжег храм, граждане воздвигли другой, более красивый, собрав для этого женские украшения, пожертвовав свое собственное имущество и продав колонны прежнего храма», – пишет Страбон. Его информация шла из благожелательных источников. А вот Тимей из Тавромения утверждал, как сообщает Артемидор, что «эфесцы отстроили храм на средства, отданные им персами на хранение». Тот же Артемидор с гневом отвергает подобное подозрение. «У них не было в это время никаких денег на хранении! – восклицает он. – А если бы они и были, то сгорели бы вместе с храмом. Ведь после пожара, когда крыша была разрушена, кто захотел бы держать деньги под открытым небом?»

В разгар этих событий к Эфесу подошел Александр Македонский. Он умел поспевать вовремя. Взглянув на строительство и желая засвидетельствовать свое уважение святилищу, а заодно и заработать политический капитал, Александр тут же предложил покрыть все прошлые и будущие издержки по строительству при одном условии: чтобы в посвяtitельной надписи значилось его имя. Положение было деликатное. Как откажешься от благодеяния, за которым стоят закаленные фаланги македонцев? А любимые женщины ходят без украшений, да и серебряная посуда продана соседям... Надо полагать, что в городе шли лихорадочные тайные совещания: как ни хорош македонец, честь города дороже.

И нашелся один хитроумный гражданин в славном Эфесе.

– Александр, – сказал он. – Не подобает богу воздвигать храмы другим богам.

Улыбнулся полководец, пожал плечами и ответил: «Ну, как знаете...»

Внутри храм был украшен замечательными статуями работы Праксителя и Скопаса, но еще более великолепными были картины этого храма.

В нашем воображении греческое античное искусство – это в первую очередь скульптура, затем архитектура. А вот греческой живописи, за исключением нескольких фресок, мы почти не знаем. Но живопись существовала, была широко распространена, высоко ценилась современниками и, если верить отзывам ценителей, которых никак нельзя заподозрить в невежестве, зачастую превосходила скульптуру. Можно предположить, что живопись Эллады и Ионии, не дошедшая до наших дней, – одна из самых больших и горьких потерь, которые пришлось понести мировому искусству.

Чтобы загладить обиду, нанесенную Александру, эфесцы заказали для храма его портрет художнику Апеллесу, который изобразил полководца с молнией в руке, подобно Зевсу. Когда заказчики пришли принимать полотно, они были столь поражены совершенством картины и оптическим эффектом (казалось, что рука с молнией выступает из полотна), что заплатили автору двадцать пять золотых талантов – пожалуй, за последующие двадцать три века ни одному из художников не удавалось получить такого гонорара за одну картину.

Там же в храме находилась картина, на которой Одиссей в припадке безумия запрягал вола с лошадью, картины, изображавшие мужчин, погруженных в раздумье, воина, вкладывающего меч в ножны, и другие полотна...

Расчеты архитекторов, построивших храм на болоте, оказались точными. Храм простоял еще половину тысячелетия. Римляне высоко ценили его и богатыми дарами способствовали его славе и богатству. Известно, что Вибий Салютарий подарил храму, более известному в Римской империи под названием храма Дианы, много золотых и серебряных статуй, которые в дни больших праздников выносили в театр для всеобщего обозрения.

Слава храма во многом послужила причиной его гибели во времена раннего христианства. Эфес долго оставался оплотом язычников: Артемида не желала уступать славу и богатство новому богу. Говорят, что эфесцы изгнали из своего города апостола Павла и его сторонников. Такие прегрешения не могли остаться безнаказанными. Новый бог наслал на Эфес гатов, разграбивших святилище Артемиды в 263 году. Крепнувшее христианство продолжало ненавидеть и опустевший храм. Проповедники поднимали толпы фанатиков против этого олицетворения прошлого, но храм все еще стоял.

Когда Эфес попал под власть христианской Византии, наступил следующий этап его гибели. Мраморную облицовку с него стали растаскивать на разные постройки, была разобрана и крыша, нарушено единство конструкции. И когда начали падать

колонны, то их обломки засасывало тем же болотом, что спасало храм от гибели ранее. А еще через несколько десятилетий под жижей и наносами реки скрылись последние следы лучшего храма Ионии. Даже место, где он стоял, постепенно забылось.

Долгие месяцы потребовались английскому археологу Вуду, чтобы отыскать следы храма. 31 октября 1869 года ему повезло. Полностью фундамент храма был вскрыт только в нашем веке. Под ним – следы храма, сожженного Геростратом.

Чудо четвертое

Галикарнасский мавзолей

Мавзолей в Галикарнасе был современником второго храма Артемиды. Более того, одни и те же мастера принимали участие в строительстве и украшении их. Лучшие мастера того времени.

Формально говоря, этот мавзолей также памятник любви, как Вавилонские сады или индийский Тадж-Махал. Но если мидийская царица вряд ли могла принести вред человечеству, даже если бы и хотела, и приятнее нам думать, что она была мила, добра и достойна такого памятника, то в отношении Мавсола давно уже возникали тяжкие подозрения. Проспер Мериме, говоря о Галикарнасе, столице Карий, славном городе, знаменитом тем, что там родился Геродот, писал: «Мавзол умел выжимать соки из подвластных ему народов, и ни один пастырь народа, выражаясь языком Гомера, не умел глаже стричь свое стадо. В своих владениях он извлекал доходы из всего: даже на погребение он установил особый налог... Он ввел налог на волосы. Он накопил огромные богатства. Этими-то богатствами и постоянными сношениями карийцев с греками объясняется, почему гробница Мавсола была причислена последними к семи чудесам света».

Но в Карий был все-таки один человек, любивший царя, – его родная сестра и жена (нередкий обычай – также бывало в древнем Египте) Артемисия. И когда, процарствовав двадцать четыре года, Мавсол умер, Артемисия была убита горем.

«Говорят, что Артемисия питала к своему супругу необыкновенную любовь, – писал Авл Геллий, – любовь, не поддающуюся описанию, любовь беспримерную в летописях мира... Когда он умер, Артемисия, обнимая труп и проливая над ним слезы, приказала перенести его с невероятной торжественностью в гробницу, где он и был сожжен. В порыве величайшей горести Артемисия приказала затем смешать пепел с благовониями и истолочь в порошок, порошок этот высыпала в чашу с водой и выпила. Кроме того, ее пламенная любовь к усопшему выразилась еще иначе. Не считаясь ни с какими издержками, она воздвигла в память своего покойного супруга замечательную гробницу, которая была причислена к семи чудесам света».

Очевидно, римский историк не совсем точен. Дело в том, что Артемисия умерла через два года после Мавсола. Последние месяцы ее царствования прошли в непрерывных войнах, где она показала себя отличной военачальницей и, несмотря на

сложность положения маленькой Карий, окруженной врагами, смогла сохранить царство мужа. В то же время известно, что Александр Македонский спустя двадцать лет после смерти Мавсола, ознаменовавшихся в Карий отчаянной борьбой за власть, смутой и дворцовыми переворотами, осматривал мавзолей готовым и полностью украшенным. Вернее предположить, что мавзолей начали строить при жизни Мавсола и Артемисия лишь завершила его. Ведь сооружение такого масштаба должно было занять несколько лет.

В отличие от храма Артемиды Эфесской и других подобных зданий Малой Азии Галикарнасский мавзолей, сохраняя во многом греческие традиции и строительные приемы, несет в себе явное влияние восточной архитектуры – прототипов ему в греческой архитектуре нет, зато последователей у мавзолея оказалось множество: подобного рода сооружения впоследствии возводились в разных районах Ближнего Востока.

Архитекторы построили усыпальницу галикарнасскому тирану в виде почти квадратного здания, первый этаж которого был собственно усыпальницей Мавсола и Артемисии. Снаружи эта громадная погребальная камера, площадью 5000 квадратных метров и высотой около 20 метров, была обложена плитами белого мрамора, отесанными и отполированными на персидский манер. По верху первого этажа шел фриз – битва эллинов с амазонками – «Амазономахия» работы великого Скопаса. Кроме Скопаса там работали, по словам Плиния, Леохар, Бриаксид и Тимофей. Во втором этаже, окруженном колоннадой, хранились жертвоприношения, крышей же мавзолея служила пирамида, увенчанная мраморной квадригой: в колеснице, запряженной четверкой коней, стояли статуи Мавсола и Артемисии. Вокруг гробницы располагались статуи львов и скачущих всадников.

Мавзолей знаменовал собой закат классического греческого искусства. Очевидно, он был слишком богат и торжествен, чтобы стать по-настоящему красивым. Даже на рисунках-реконструкциях он кажется таким же тяжелым и статичным, как персидские гробницы, – в нем больше Востока, чем Греции. Возможно, виной тому пирамида, возможно, глухие высокие стены нижнего этажа. Впервые в греческом искусстве в одном здании были объединены все три знаменитых ордера. Нижний этаж поддерживался пятнадцатью дорическими колоннами, внутренние колонны верхнего этажа были коринфскими, а внешние – ионическими.

Плиний утверждает, что мавзолей достигал в высоту ста двадцати пяти локтей, то есть шестидесяти метров, другие авторы дают большие либо меньшие цифры.

Мавзолей стоял в центре города, спускавшегося к морю. Поэтому с моря он был виден издалека и выгодно смотрелся рядом с другими храмами Галикарнаса – колоссальным святилищем Ареса, храмами Афродиты и Гермеса, которые стояли выше, на холме, по сторонам мавзолея.

По всему античному миру строились копии и подражания мавзолею в Галикарнасе, но, как и положено копиям, они были менее удачны и поэтому вскоре забыты. Он стал так знаменит, что римляне называли мавзолеями все крупные усыпальницы. Построен мавзолей был столь прочно, что, хотя и обветшал, простоял почти две тысячи лет. А о том, как мавзолей погиб, известно из хроники историка позднего средневековья, где говорится о последних днях ордена иоаннитов на острове Родос.

«В 1522 году, когда султан Сулейман готовился к нападению на родосцев, ве. шкий магистр ввиду предупреждения опасности послал нескольких рыцарей, чтобы привести в порядок укрепления и насколько возможно воспрепятствовать высадке неприятеля. Прибыв в Мезину (так именовался тогда Галикарнас – И. М.), рыцари тут же принялись за укрепление замка. За неимением подходящих материалов они воспользовались мраморными плитами и глыбами, из которых состояла древняя, полуразрушенная постройка вблизи гавани. Снимая глыбу за глыбой, они спустя несколько дней добрались до какой-то пещеры. Они зажгли свечи и вошли внутрь. Они увидели прекрасную четырехугольную залу, украшенную мраморными колоннами, карнизами и различными орнаментами. Промежутки между колоннами были заполнены украшениями из разноцветных мраморов, по стенам и на потолке виднелись мраморные же рельефы, изображавшие различные сцены и даже целые сражения. Подивившись всему этому, рыцари, однако, воспользовались и этим материалом, так же как наружными глыбами. За этой залой они нашли еще другую, меньшую, в которую вела низенькая дверь. В этой второй зале они увидели четырехугольный мраморный надгробный памятник со стоящей на нем урной. Памятник этот был сделан очень искусно из белого мрамора, дивно светившегося в темноте. Вошедшие рыцари не имели возможности оставаться там дольше, так как в это время ударил призывный колокол. Вернувшись на другой день, они увидели памятник разрушенным и могилу открытой. На земле были разбросаны кусочки золотой парчи и золотые пластинки. Это заставило их предположить, что пираты, сновавшие у побережья, ночью проникли туда и нашли много драгоценностей...»

Так до нас дошло единственное достоверное описание погребального зала мавзолея, сделанного со слов археологов

«наоборот» – последних, кто видел мавзолеем стоящим, и сделавших все, чтобы от памятника ничего не осталось.

В середине XIX века путешественники по Малой Азии обращали внимание на то, что стены турецкой крепостцы Будрун, перестроенной из иоаннитского замка святого Петра, сложены не столько из каменных глыб, сколько из мрамора. Это неудивительно: остатки античных городов всегда служили строительным материалом сначала византийцам, а затем арабам и туркам. Но уж очень красивы и необычны были мраморные плиты стен Будруна: неизвестный гений населил их барельефы неистовыми людьми и богами.

Когда слухи об этом дошли до английского посла в Турции, он приехал в Будрун и после длительных переговоров и множества взяток купил разрешение выломать из стен двенадцать плит и перевезти их в Британский музей. Английские ученые по сохранившимся описаниям и отзывам современников вскоре догадались, что перед ними части знаменитого фриза Скопаса – «Амазономахии».

Убедившись в том, что Галикарнасский мавзолей надо искать в Будруне, сэр Ньютон, хранитель Британского музея, поспешил туда. Первое, что он увидел, высадившись на берег, были два мраморных льва, вставленные в стену крепости мордами к морю. Львы тоже были когда-то позаимствованы крестоносцами для военного строительства. Ньютон не тратил времени даром. Он облазил всю крепость, отыскивая и определяя «ворованные» плиты и статуи. В ожидании, как всегда нескорого, разрешения на изъятие плит он начал искать то место, где когда-то стоял мавзолей, который должен был находиться недалеко от крепости. Иначе бы иоаннитам не было смысла таскать оттуда плиты и глыбы.

За девять месяцев, проведенных в Будруне, Ньютон отыскал обломки мавзолея, а под слоем земли и мусора – еще четыре плиты Скопаса. Когда же раскопки подходили к концу, обнаружили самую главную находку – расколотые на множество частей двухметровые статуи Мавсола и Артемисии, стоявшие прежде в колеснице, на вершине мавзолея, и разрешавшую все сомнения почти целую мраморную лошадиную голову в метр длиной, с бронзовой позолоченной уздечкой и подвесками – украшениями. Удивительно то, что голова оказалась деформированной. Ньютон догадался, что лошади, запряженные в колесницу карийских монархов, стояли на шестидесятиметровой высоте. Этим-то и объяснялась несоразмерность: на лошадей следовало смотреть издали и снизу.

Чудо пятое

Колосс Родосский

Колосс Родосский – младший современник мавзолея и храма Артемиды. Идея создать его родилась весной 304 года до нашей эры, когда жители небольшого острова, лежащего у самого берега Малой Азии, стоя на истерзанных долгой осадой стенах, смотрели, как скрываются в море корабли одного из наследников державы Александра Македонского – сына правителя Передней Азии и Сирии Деметрия Полиоркета.

Чтобы покорить родосцев, Полиоркет привез к городу осадные машины – последнее слово весьма развитой для того времени военной техники. Гордостью осаждавшей армии была гелеополида – осадная башня с таранами и перекидным мостом, катапультами, площадками для десанта. Гелеополиду, обитую железом, приводили в движение три тысячи четырехста воинов.

Покидая после неудачной осады остров, Полиоркет бросил на берегу огромную гелеополиду – это в некотором роде чудо света, – не выполнившую своего предназначения. Она-то и принесла городу не только выгоду, но и славу. Купцы, собравшиеся в городе после победы, предложили купить гелеополиду «на металлолом», предлагая за железо триста талантов – сказочную по тем временам сумму. В знак избавления города и на деньги от продажи башни решено было возвести статую Гелиоса – покровителя Родоса. Родосцы верили, что остров поднят со дна моря по просьбе этого бога.

Статую решили поручить изваять скульптору Харесу, ученику Лисиппа. Харес предложил сделать Гелиоса стоящим. В левой руке он держал ниспадающее до земли покрывало, правую приложил ко лбу, глядя в даль. Правда, такая поза не соответствовала канонам, но Харес понимал, что колосс не удержится, если бог протянет руку вперед.

Основой тридцатишестиметровой статуи послужили три массивных каменных столба, скрепленные железными балками на уровне плеч. Основания столбов были в ногах статуи и в покрывале. На высоте плеч и на поясе столбы соединялись поперечными балками. На столбы и балки крепился железный каркас, который покрыли чеканными листами бронзы.

Колосс рос на берегу гавани на облицованном белым мрамором искусственном холме. Двенадцать лет никто не видел статуи, потому что, как только на каркас прикреплялся очередной пояс бронзовых листов, подсыпали окружающую колосс насыпь, чтобы мастерам удобнее было подниматься вверх. И только

когда насыпь была убрана, родосцы увидели своего бога-покровителя, голову которого украшал лучистый венец.

Сверкающий бог был виден за много километров от Родоса, и вскоре молва о нем распространилась по всему античному миру. Но уже через полвека сильное землетрясение, разрушившее Родос, повалило колосса на землю, самым уязвимым местом статуи оказались колени. Отсюда и пошло выражение «колосс на глиняных ногах».

Родосцы пытались поднять колосса. Известны благородные попытки соседей помочь им в этом деле. Египетский царь прислал несколько сот талантов меди и мастеров. Но ничего не вышло.

Так и лежал на берегу бухты колосс – главная туристская достопримечательность острова. Поверженного гиганта видел Плиний Старший, приезжавший туда в I веке нашей эры. Плиния больше всего поразило то, что лишь немногие люди могли обхватить руками большой палец статуи.

Лежавший на земле колосс обростал патиной и легендами. В рассказах очевидцев он казался куда больше, чем был на самом деле. В римской литературе появились легенды о том, что он первоначально возвышался над входом в гавань и был так велик, что между его ног проходили к городу корабли.

Тысячу лет лежал расколотый колосс у Родоса, пока в 977 году нуждавшийся в деньгах арабский наместник не продал его одному купцу. Купец, чтобы отвезти колосса на переплавку, разрезал его на части и нагрузил бронзой 900 верблюдов.

Чудо шестое

Александрийский маяк

Последнее из классических чудес, так или иначе связанных с именем Александра Македонского, – Александрийский маяк.

Александрия, основанная в 332 году, раскинулась в дельте Нила, на месте египетского городка Ракотиса. Это был один из первых городов эпохи эллинизма, сооруженных по единому плану. В Александрии стоял саркофаг Александра Великого, здесь же находился мусейон – обиталище муз, центр искусств и науки. Так вот и прокладывается этимологическая ниточка от муз к современному слову «музей». Мусейон – сразу и академия наук, и общежитие для ученых, и технический центр, и школа, и величайшая в мире библиотека, в которой было до полумиллиона свитков. Даже сегодня, при информационном взрыве, о котором так приятно поговорить, в мире не очень много библиотек такого масштаба. Двести лет назад не было ни одной.

Страстный книжник и тщеславный человек, царь Птолемей II страдал оттого, что в библиотеке не было некоторых уникальных рукописей греческих драматургов. Он направил посольство в Афины, чтобы афиняне одолжили свитки на время, скопировать. Спесивые Афины потребовали баснословный залог – 15 талантов, почти полтонны, серебра. Птолемей принял вызов. Серебро было доставлено в Афины, и пришлось скрепя сердце выполнять договор. Но Птолемей не простил такого недоверия его библиофильским наклонностям и его честному слову. Он оставил залог афинянам, а рукописи – себе.

Гавань Александрии, пожалуй самая оживленная и деловитая во всем мире, была неудобной. Нил несет массу ила, на мелководье среди камней и мелей требуются умелые лоцманы. Чтобы обезопасить мореплавание, решено было построить маяк на острове Фарос, на подходе к Александрии. В 285 году до нашей эры остров соединили с материком дамбой, и архитектор Сострат Книдский приступил к работам. Строительство заняло всего пять лет: Александрия была передовым техническим центром и самым богатым городом тогдашнего мира, к услугам строителей были громадный флот, каменоломни и достижения мусейонских академиков. Маяк получился в виде трехэтажной башни высотой 120 метров (первый и самый опасный «соперник» египетским пирамидам). В основании он был квадратом со стороной тридцать метров, первый шестидесятиметровый этаж башни был сложен из каменных плит и поддерживал сорокаметровую восьмигранную башню, облицованную белым

мрамором. На третьем этаже, в круглой, обнесённой колоннами башне, вечно горел громадный костер, отражавшийся сложной системой зеркал. Дрова для костра доставлялись наверх по спиральной лестнице, такой пологой и широкой, что по ней на стометровую высоту въезжали повозки, запряженные ослами.

Маяк был и крепостью – форпостом Александрии и наблюдательным постом: с его вершины можно было разглядеть вражеский флот задолго до того, как тот приближался к городу.

На башне находилось множество остроумных технических приспособлений: флюгера, астрономические приборы, часы.

Маяк был настолько великолепен, что Сострат Книдский, страшась забвения, пошел на рискованное нарушение указов Птолемеев. В основании маяка он высек надпись: «Сострат, сын Дексифона из Книды, посвятил богам-спасителям ради мореплавателей». Надпись он прикрыл слоем штукатурки, на которой было вырезано имя Птолемея Сотера. Сострат не надеялся дожить до того времени, когда осыплется штукатурка, да и не в его интересах было узнать реакцию правителя на этот поступок. Но в будущем...

Надпись Сострата видели римские путешественники. В то время маяк еще функционировал. С падением Римской империи он перестал светить, обвалилась обветшавшая за столетия верхняя башня, но долго еще стояли стены нижнего этажа, которые разрушились от землетрясения в XIV веке. Руины древнего маяка были встроены в турецкую крепость и в ней существуют поныне.

Реконструкции Александрийского маяка немного похожи на нью-йоркский небоскреб Эмпайр Стейтс Билдинг.

Чудо седьмое

Статуя Зевса Олимпийского

Статуя Зевса Олимпийского – единственное чудо света, оказавшееся на Европейском материке.

Ни один из храмов Эллады не показался грекам достойным звания чуда. И, выбрав в качестве чуда Олимпию, они запомнили не храм, не святилище, а только статую, стоявшую внутри.

Зевс имел к Олимпии самое прямое отношение. Каждый житель тех мест отлично помнил, что именно здесь Зевс победил кровожадного Крона, родного своего отца, который в страхе, что сыновья отнимут у него власть, принялся их пожирать. Зевс спасся так же, как спасались сказочные герои всех народов: всегда найдется добрая душа, которая пожалеет младенца. Вот и жена Крона, Рея, подсунула мужу вместо Зевса крупный камень, который тот и проглотил. Очевидно, Крон своих детей заглатывал целиком.

Когда Зевс подрос и победил отца, он заставил его отрыгнуть всех своих братьев и сестер, включая злополучный камень. Жестокие времена, жестокие нравы!

Олимпийские игры, в частности, были учреждены в честь этого события и начинались жертвоприношениями Зевсу.

Главной святыней Олимпии был храм Зевса с его статуей работы великого Фидия. Фидий был знаменит не только статуей Зевса Олимпийского, но и статуей Афины в Парфеноне и рельефами на его стенах. Вместе с Периклом Фидий разработал план перестройки и украшения Афин, что, правда, дорого обошлось Фидию: враги его могущественного друга и покровителя стали врагами скульптора. Месть их была банальной и грязной, но обыватели жаждали скандала: Фидий был обвинен в том, что утаивал золото и слоновую кость при сооружении статуи Афины в Парфеноне.

Слава скульптора оказалась сильнее злопыхателей. Жители Элиды внесли залог за заключенного, и афиняне сочли этот предлог достаточным, чтобы отпустить Фидия работать в Олимпию. Несколько лет Фидий оставался в Олимпии, сооружая статую – синкретическую по материалу и известную нам по описаниям и изображениям на монетах.

Статуя Зевса находилась в храме, длина которого достигала 64 метров, ширина – 28, а высота внутреннего помещения была около 20 метров. Сидящий в конце зала на троне Зевс подпирал головой потолок. Обнаженный до пояса Зевс был изготовлен из дерева. Тело его покрывали пластины розовой, теплой слоновой

кости, одежду – золотые листы, в одной руке он держал золотую статую Ники – богини победы, другой опирался на высокий жезл. Зевс был столь величествен, что, когда Фидий завершил свой труд, он подошел к статуе, как бы плывущей над черным мраморным полом храма, и спросил:

– Ты доволен, Зевс?

В ответ раздался удар грома, и пол у ног статуи треснул. Зевс был доволен.

Остались описания кресла Зевса, которое было украшено барельефами из слоновой кости и золотыми статуями богов. Боковые стенки трона были расписаны художником Панэном, родственником и помощником Фидия.

Впоследствии византийские императоры перевезли со всеми предосторожностями статую в Константинополь. Хотя они и были христианами, рука на Зевса ни у кого не поднялась. Даже христианские фанатики, враги языческой красоты, не посмели разрушить статую. Византийские императоры на первых порах позволяли себе ценить высокое искусство. Но, к глубокому удовлетворению христианских проповедников, бог покарал своего языческого соперника, наказав тем самым сошедших с праведного пути императоров. В V веке нашей эры дворец императора Феодосия II сгорел. Деревянный колосс стал добычей огня: лишь несколько обугленных костяных пластинок да блески расплавленного золота остались от творения Фидия.

Так погибло и седьмое чудо света...

Когда от памятника не остается и следа, появляется соблазн (часто мотивированный) приписать его существование человеческому воображению. Подобная участь не миновала и статую Зевса, тем более что от нее не сохранилось копий.

Для того чтобы убедиться, что статуя существовала и была именно такой, как описывали современники, следовало отыскать хотя бы косвенные свидетельства ее создания.

Уже в наше время была сделана попытка найти мастерскую Фидия. Сооружение такой статуи требовало многих лет работы, и поэтому Фидию и его многочисленным помощникам необходимо было солидное помещение. Статуя Зевса – не мраморная глыба, которую можно оставить на зиму под открытым небом.

Внимание немецких археологов, проводивших раскопки в Олимпии, привлекли остатки античного здания, перестроенного в византийскую христианскую церковь. Обследовав здание, они убедились в том, что именно здесь располагалась мастерская – каменное сооружение, немногим уступавшее по размеру самому храму. В нем, в частности, нашли орудия труда скульпторов и ювелиров и остатки литейного «цеха». Но самые интересные

находки сделаны по соседству с мастерской – в яме, куда в течение многих сотен лет мастера сбрасывали отходы и отбракованные детали статуй. Там удалось отыскать отлитые формы тоги Зевса, множество пластин слоновой кости, сколы полудрагоценных камней, бронзовые и железные гвозди – в общем, полное и бесспорное подтверждение тому, что именно в этой мастерской Фидий изготовил статую Зевса, причем именно такую, как рассказывали древние. И в довершение всех доказательств в груде отбросов археологи нашли и донышко кувшина, на котором были выцарапаны слова: «Принадлежу Фидию».

Можно подумать, что рок был особо немилостив именно к чудесам света, судьба которых сложилась столь трагически. Это не так. Груды мусора, высоченные холмы, поднимающиеся на Ближнем Востоке, в Средней Азии, в Индии, Китае, – следы существовавших там некогда и полностью исчезнувших с лица земли городов, от которых не осталось ни одного дома или храма, а зачастую и названия. Каждый год приносит известия о новых замечательных открытиях археологов, как правило несущих в себе и нотку печали. Настенные росписи в Пенджикенте рассказали о дворце в этом городе, которого никто никогда не увидит; статуя лежащего Будды, открытая в Средней Азии, поведала о многих буддийских храмах, от которых не осталось и следа; львиные капители колонн и остатки массивных алтарей в городе-храме, найденном в Колхиде, повествуют о зданиях и скульптурах, погибших безвозвратно...

Если свести воедино все выдающиеся памятники древности, окажется, что вряд ли один из ста дожил до наших дней.

К счастью, это никогда не удерживало людей от новых попыток построить, вылепить, вытесать, нарисовать – выразить себя и свое время в высоком искусстве.

И то небольшое, что сохранилось до наших дней, дает возможность представить себе искусство Востока, дает нам право гордиться великими мастерами прошлого, где бы они ни творили – в Индии, Сирии, Японии, Бирме, Эфиопии...

Часть 2. Ближний Восток и Средняя Азия

Вавилонский зиккурат

Была ли башня!

Попробуйте провести несложный эксперимент: попросите кого-нибудь перечислить семь чудес света. Вернее всего сначала вам назовут египетские пирамиды. Потом вспомнят о висячих садах Семирамиды и почти наверняка назовут Вавилонскую башню. И ошибутся. Вавилонской башни не было. В Библии написано, что башню начали строить, но руководство строительства не смогло найти должного числа переводчиков, и ввиду языковых преград работы были прерваны.

Все это так. Если, конечно, верить Библии.

Ну а если не верить? Если попробовать выяснить, что же было там, в Вавилоне, на самом деле?

Сначала перелистаем страницы истории и посмотрим, как представляли себе люди эту загадочную Вавилонскую башню, как понемногу менялся ее образ...

Самое раннее из дошедших до нас изображений Вавилонской башни сохранилось на барельефе в Салернском соборе, на юге Италии. Оно относится к XI веку. Там изображено небольшое, в два человеческих роста, прямоугольное сооружение, похожее на недостроенную европейскую крепостную башню. Два человека снизу подают плоску с раствором, и третий, еле уместившийся на верхней площадке, протянул руки, чтоб эту плоску принять. А слева от башни ростом с нее – строители достают ему только до пояса – стоит сам бог. Он назидательно протянул руку к башне. Автор барельефа не обладал большим воображением. Его он оставил на долю зрителей, которые должны были поверить, что из-за такого невзрачного сооружения могло начаться вавилонское столпотворение.

За последующие сто лет образ Вавилонской башни претерпел не много изменений. На сицилийской мозаике XII века башня не подросла, добавились лишь детали: дверь и строительные леса рядом. Нагляднее башня была изображена в иллюстрации к пражской Велиславской библии (XIV век). По ней можно изучать крепостное строительство средневековой Чехии. Башня здесь уже с двухэтажный дом, и художник даже нашел место для изображения самого вавилонского столпотворения. Из облака сверху высунулся по пояс господь-бог. Он уцепился клюкой за только что положенный кирпич и пытается его выломать. Из облаков торчат также руки ангелов, которые сталкивают с башни пораженных каменщиков. Остальные строители продолжают как ни в чем не бывало заниматься своим делом.

Прошло еще сто лет. В Европе начиналось Возрождение. Люди не только стали интересоваться тем, что происходит в непосредственной близости от них, но и открыли для себя другие страны и другие времена и даже поняли, что эти страны и времена не хуже, чем те, в которых они проживают. Изображения Вавилонской башни XV века не так примитивны. Башня вырастает на рисунках настолько, что о ней уже можно говорить с уважением. Появляются новые интересные детали. Французский художник середины XV века изобразил рядом с башней нагруженного верблюда – указание на то, что действие происходит на Востоке. На окружающих холмах стоят ветряные мельницы, возведены леса, чтобы удобнее восходить на башню и поднимать грузы, и число рабочих достигает двух десятков человек.

Но истинную революцию в воспроизведении Вавилонской башни совершил знаменитый фламандский художник Питер Брейгель Старший в 1563 году. Именно ему пришла в голову мысль о том, что Вавилонская башня должна в самом деле быть невероятно большим и необычным сооружением, чтобы всем видом своим отражать борьбу людей и бога, и не только величие бога, но и величие людей, с богом поспоривших.

Брейгель был вдохновлен образом римского Колизея, увиденным им в путешествии по Италии. Он увеличил Колизей во много раз, вытянул его кверху и не только изобразил башню снаружи, но и показал ее в разрезе. Это была первая действительно «вавилонская» башня, и корабли казались игрушечными рядом с ней.

Еще через столетие «реконструкции» Вавилонской башни стали совсем уже умозрительными. Наивность средневековья и поэтичность Возрождения уступили место новому, трезвому и деловому подходу. Вавилонские башни XVII–XVIII веков были инженерными конструкциями – башня изображалась такой, какой автор, если бы ему довелось, вероятно, сам спроектировал бы ее. Выше всех были башни Афанасия Кирхера. Даже в недостроенном виде его башни возвышались над землей на высоту телевизионной вышки в Останкино.

За тысячелетия люди, никогда не видевшие Вавилонской башни и имевшие самое поверхностное представление о Вавилоне, а чаще и вообще никакого, множество раз изображали ее, но ни один из художников не угадал, какой она была на самом деле.

...Геродот, написавший о семи чудесах, побывал в Вавилоне. Больше того, он видел эту легендарную и вроде бы вовсе не существовавшую башню. Случилось это за четыре с половиной

века до нашей эры. Хотя Геродот и не включил башню в число чудес, но оставил ее краткое описание: башня возвышается над городом, она восьмиэтажная, и каждый этаж меньше предыдущего. Именно поэтому художники, знакомые с описанием Геродота, начиная с Брейгеля, старались сделать в башне восемь этажей.

Геродот писал, что видел башню неповрежденной. Когда через несколько десятков лет в Вавилон вошел со своими войсками Александр Македонский, он обнаружил, что башня разрушается... и приказал снести развалины. Нет, он не хотел уничтожить башню. Наоборот, Александр Македонский решил восстановить ее, сделать центром своей новой столицы, где должно было найтись место всем великим богам Востока, но умер в самом начале работ.

...Вдоль дороги бредут цепочкой верблюды. Они покрашены в цвет степи, горбы их потерты и свисают набок. Пыль от пролетающих машин окутывает их облаком, и верблюды равнодушно отворачиваются. Степь, серая, скучная... сливается на горизонте с таким же серым и скучным небом. Ни холмика, ни низины. Именно здесь когда-то давным-давно люди решили, что Земля плоская.

Дорога ведет с юга Ирака к Багдаду – его столице. Позади пустыня, нефтяные вышки, факелы горящего газа и черные палатки кочевников. До столицы километров сто.

За городом Хилла дорога оживает. Встречается все больше машин. К крыше каждой второй привязан гроб. Машины едут к Кербеле, священному городу мусульман. Многие почитают за честь быть похороненными рядом с мечетями Кербелы и Неджеда.

Вдруг стрелка – поворот налево. Обычный дорожный указатель, даже не угадываешь сначала всего значения написанного на нем слова: «Вавилон».

И тут начинаются холмы. Невысокие, округлые, как спины китов. Они скрывают под собой руины величайшего города в мире – Вавилона.

И ничего не видно, кроме холмов, – ни Вавилонской башни, ни садов Семирамиды, ни дворцов, ни одной колонны, ни одной стены – города нет, единственным вещественным доказательством его существования является дощечка-указатель.

Дорога кончается у двухэтажного здания, спрятанного в тени финиковых пальм. На здании написано: «Музей».

Старый араб открыл дверь музея – единственной длинной комнаты – и заученной скороговоркой отрапортовал все, что положено знать туристу о царе Хаммурапи и Вавилонской башне, «которая не сохранилась до наших дней ввиду исторических и

природных условий».

Музею Вавилона не повезло. Раскопки велись здесь в основном европейскими экспедициями до того, как Ирак стал самостоятельным государством, и поэтому самые интересные находки перекочевали в музеи европейских столиц.

Если взобраться на холм за музеем, увидишь весь Вавилон, то есть те части его, что раскопали археологи. Холмы вскрыты, разрезаны траншеями разной глубины и ширины, одни появились пятьдесят или сто лет назад, другие – недавно. Город кажется перевернутым вниз головой – сверху он почти ровен, а в глубину просматриваются дома различной высоты. Из холмов выглядывают арки дворцов, остатки стен, пещеры подвалов...

– Вот, – говорит старый араб, показывая на гряде холмов, ничем не отличающихся от других, – висячие сады Семирамиды. А теперь пройдем по улице Процессий.

Он делает несколько шагов и зовет нас.

...Под ногами разверзлась пропасть.

Улицу тщательно раскопали до самого дна, до ее настоящей мостовой, и скрытые тысячелетиями под слоем городских остатков и песка стены, будто вчера сложенные из ровных кирпичей, украшенные барельефами сказочных зверей, уходят на много метров вниз.

От улицы Процессий недалеко до площади, изрытой, как лабиринт, узкими неглубокими траншеями. Лаконичный старик, которому уже надоело таскаться по жаре, говорит:

– Вавилонская башня.

И вот тогда воочию убеждаешься, что башни нет, ни кирпичика от нее не сохранилось. Александр Македонский намеревался восстановить башню, но масштаб работ испугал даже его. По подсчетам греческого географа Страбона потребовалось бы десять тысяч рабочих, чтобы расчистить площадку. И трудиться им пришлось бы два месяца.

Вавилонскую башню разыскивали и первые археологи, и просто искатели сокровищ, попавшие к холмам Вавилона. Раскопки в Вавилоне ведутся уже двести лет, и первые десятилетия были посвящены поискам именно башни. Археологом, обнаружившим место, где стояла башня, и открывшим ее основание, был Колдевей, который начал копать в 1899 году в составе немецкой археологической экспедиции.

В первую же неделю раскопок холмов, представлявших собой груды кирпичей, черепков и пыли, Колдевей наткнулся на колоссальную стену. Ему повезло, он попал на ту самую стену, о которой Геродот писал, что на ней могут разъехаться две колесницы, запряженные четверками лошадей. Но дальнейшие

раскопки продвигались не так гладко, как хотелось бы. И это понятно: Вавилон прикрыт слоем земли и обломков толщиной от двенадцати до двадцати метров. Для того чтобы выяснить, что находилось в нижних слоях, приходилось поднимать тысячи тонн земли и мусора.

Стена, обнаруженная Колдеем, – самое крупное из городских укреплений древности. На ней насчитывалось триста шестьдесят башен, расстояние между которыми достигало пятидесяти метров. Значит, длина стены – восемнадцать километров.

Кирпичный город, постепенно разрушенный случайными ливнями, землетрясениями, песчаными бурями, в течение двух тысячелетий служил строительным складом окрестным жителям. Они разбирали руины на кирпичи и строили из них свои жилища. И сегодня в стенах домов города Хиллы и окрестных деревень можно увидеть кирпичи с клеймом вавилонского царя Навуходоносора.

Колдевей нашел Вавилонскую башню, вернее, основание Вавилонского зиккурата – Э-Темен-ан-Ки («дома основы Небес и Земли»), как называли его вавилоняне, полагавшие, что на вершине башни обитает сам великий бог Мардук. Но для этого Колдевею пришлось работать в Вавилоне кроме той, первой недели, когда он нашел городскую стену, еще одиннадцать лет. Колдевей даже оставил примерное описание башни и сделал это на основе одиннадцатилетнего изучения города, его архитектуры и методов строительства.

Крупные открытия в любой науке, в том числе и в археологии, обычно делаются не одиночками. И всегда остается место для ученого, который дополнит открытое и скажет свое слово.

Английский археолог Леонард Вулли раскопал зиккурат в городе Уре, на юге Вавилонской империи. Тот в отличие от Вавилонской башни сохранился настолько, что можно было с уверенностью говорить о том, каким он был первоначально. И Вулли смог точно реконструировать Урский зиккурат. Его рисунок почти полностью совпал с реконструкцией Колдевея. Таким образом завершился тысячелетний труд художников, рисовавших Вавилонскую башню.

Вавилонский зиккурат был самым большим из многочисленных зиккуратов Двуречья. Он представлял собой семиступенчатую пирамиду, на вершине которой стоял маленький храм. Первая терраса была в плане квадратом со стороной девяносто метров. В высоту она достигала тридцати трех метров. Второй этаж мало уступал первому по площади, но

был значительно ниже – всего восемнадцать метров, издали обе первые террасы казались одним каменным кубом. Следующие этажи были еще ниже – по шесть метров. Наконец, на верхней площадке стоял пятнадцатиметровый храм Мардука. Он был покрыт золотом и облицован голубым глазурованным кирпичом. Общая высота башни равнялась длине стороны основания – девяноста метрам.

Пирамида Хеопса своей формой скрадывает собственный размер. Она сходит на нет постепенно. Четкие же формы зиккурата не давали глазу скользят по его откосам, взгляд неизбежно передвигался рывками, зритель вынужден был осознавать грандиозность сооружения, и пятнадцатиметровый храм на вершине зиккурата, сверкающий и видный за десятки километров, был настолько величествен, что бедные кочевники-иудеи почитали его за воплощение людского могущества, богатства, знатности и спеси. И, почитая так, осуждали изнеженных и богатых жителей города, говоривших на непонятном им языке и презиравших скотоводов. А осуждая, мечтали о том, чтобы их бог, такой же суровый и бедный, как они, покарал и сам Вавилон, и воплощение его – зиккурат Мардука – Вавилонскую башню.

А когда очень хочешь чего-нибудь, принимаешь желаемое за действительное. Сначала была сказка о том, как бог накажет вавилонян. А потом, когда прошли столетия и башня, пощаженная Киром, разрушенная Ксерксом и сровненная с землей Александром, перестала существовать, сказка о гибели Вавилонской башни получила документальное подтверждение.

Зиккурат в Вавилоне считался главной святыней царства. Моления начинались внизу, у золотой статуи Мардука, весившей, если верить Геродоту, двадцать четыре тонны. Треугольником к башне была приставлена каменная лестница, которая вела прямо на третий этаж. Оттуда, с террасы на террасу, пилигримы поднимались на верхнюю площадку, где стоял голубой храм и откуда была видна страна на много километров вокруг. В голубой храм не мог войти никто, кроме жрецов. В нем обитал сам Мардук. Там стояли его ложе и позолоченный стол.

Площадь зиккурата окружали большие здания, где жили паломники, здесь же стояли дома жрецов – самых могущественных людей в империи. А дальше шумел миллионный город, уверенный в вечности и нерушимости своих стен.

Кстати, несмотря на то что Вавилонской башни нет, ее все-таки можно увидеть и сегодня, достаточно лишь отъехать от Багдада на тридцать километров. Над серой просоленной равниной возвышается странное сооружение, более всего схожее с

сахарной головой гигантских размеров.

Это зиккурат в Агар-Гуфе, вернее, его развалины.

Зиккурат так велик, что некоторые путешественники полагали, что это и есть Вавилонская башня, недостроенная и потому принявшая столь странную форму.

Когда, миновав схожие с вавилонскими, пологие, насыщенные черепками и обломками кирпича холмы и траншеи, оставшиеся от недавних раскопок, проводимых здесь иракским Археологическим управлением, подходишь к холму, образованному сползшей с зиккурата глиной, становится понятным происхождение столь странной округлой формы колосса. Это ветры и время развели основание башни, как бы перетянув ее у земли нитью. Если подняться по пологому склону к «перетяжке», увидишь нависающие сверху кирпичи. Между ними сохранились черные прослойки асфальта и пальмовые листья, которыми строители переложили кладку.

Археологи установили, что зиккурат находился в столице касситского государства – городе Дур-Куригалзу – и построен примерно за пятнадцать веков до нашей эры. По размеру агургуфский зиккурат несколько уступал храму Мардука в Вавилоне, размеры его в основании – шестьдесят девять на шестьдесят семь метров, но по форме и предназначению он был точно таким же храмом – археологам даже удалось отыскать следы тройной лестницы, которая вела на вершину, к жилищу бога. А окружающие храмы, склады, жилища жрецов и царский дворец, обнаруженные при раскопках, позволили еще раз убедиться в правильности выводов пионеров вавилонской археологии. И сегодня уже никто не сомневается в том, как выглядела та, самая главная, Вавилонская башня.

Бехистунская надпись

Предусмотрительный царь

Царь царей Дараявауш, царь персов, властитель многих народов, которого враги его – греки – называли Дарием, первым выбрал для монумента себе лучшее место, какое только можно придумать.

По долине Керманшаха тянется узкий хребет, который оканчивается двухголовой горой в том месте, где проходил караванный путь из Хамадана в Вавилон. У подножия крутой горы чистые источники вливаются в озеро. Из озера вытекает ручей, минует деревеньку Бехистун и убегает в долину.

Гора тоже называется Бехистун.

Караваны всегда останавливаются около источников, и старые верблюды уже за несколько километров знали, что предстоит отдых, и спешили к воде, к купе деревьев под скалой. Останавливались здесь отдохнуть и армии, проходившие через Персию, и солдаты надолго запоминали двуглавую скалу над тихой долиной и чистый, прохладный ручей.

Дарий решил поставить себе монумент при жизни, ибо, хотя был уверен в прочности и незыблемости своей державы, не доверял благодарности потомков. Он задумал создать памятник неповторимый, вечный, и ему удалось это лучше, чем подавляющему большинству деспотов как до него, так и после.

Когда Дарий вступал на престол в 521 году до нашей эры, ему противостояли девять других претендентов. Он жестоко расправился с соперниками и стал после бога, мудрого Ахурамазды, вторым по могуществу во вселенной. Вот эту борьбу за престол Дарий и повелел отразить в монументе.

Для исполнения воли царя скульпторы выбрали отвесный участок скалы и вытесали на нем огромный ровный прямоугольник. От нижней стороны прямоугольника до земли пятьдесят метров, и потому монумент этот можно разглядывать только издали. После того как скульпторы Дария убрали леса, никто не приближался к монументу в течение двух с половиной тысячелетий. За одним исключением, о котором будет рассказано дальше.

На каменном полотне вырубили барельеф: несколько фигур в человеческий рост. Крупнее всех – сам Дарий: скульпторы строго соблюдали каноны. У него большие глаза и брови дугой, борода завитая, а на голове корона воина, вырезанная тонко и тщательно: Дарий требовал точности в деталях. Корона, как известно, была из золота и усыпана овальными драгоценными камнями.

Дарий поднял руку к крылатому богу, реющему над царем, а ногой поправил главного из своих врагов – Гаумату. Нога царя тяжело надавила на живот Гауматы, и тот скорчился от боли и унижения.

За спиной Дария стоят двое придворных. Они держат его лук и копье. Лицом к царю, побежденные и понурые, выстроились остальные восемь злополучных претендентов. Руки их связаны, а шеи стянуты общей веревкой.

Но Дарий был предусмотрителен и, возможно, предполагал, что без надписи значение гордой картины будет потомкам непонятно. Он приказал остальную площадь стены заполнить надписью на трех языках. На древнеперсидском – языке царя и двора, на аккадском (вавилонском) – языке государства, хотя и разгромленного, но настолько великого и известного, что язык его продолжал пользоваться признанием в древней Персии, и, наконец, на эламском языке. И тут произошла накладка.

Только скульпторы окончили работу, каллиграфы выбили длинную надпись, как Дарий, который не сидел все это время сложа руки в своем дворце, вернулся из очередного похода, победив скифского царя, «носившего остроконечную шапку». Последовал приказ: прибавить к разбитым царям и царя скифского.

Руководители работ всполошились. Уж не говоря о том, что работа, которую они завершили, была невероятно трудной, не говоря о том, что только что сняты леса и свернут лагерь и придется снова возить в степь рабочих и художников, не говоря обо всем этом, скифского царя некуда было помещать на монументе. Все свободное пространство было заполнено надписью.

Наверное, Дарий так и не узнал об этих трудностях. Деспоты не терпят возражений, и не исключено, что вопрос решался на более низком уровне. Снова потянулись к Бехистуну караваны, снова возводились грандиозные леса, и снова скульпторы, пользуясь привезенными из столицы портретами скифа в высокой остроконечной шапке, принялись за работу. Пришлось срубить эламский текст и на его месте последним в цепи царей пристроить скифа. Барельеф получился более плоским, чем другие, но не беда: снизу разница была незаметна. А частично срубленную надпись выбили снова в другом месте.

Царь осмотрел монумент и остался доволен.

На всякий случай в надпись включили слова, запрещающие повреждение монумента под страхом сурового наказания. Но для того чтобы повредить монумент, до него нужно добраться, а это никому не под силу. Снизу же надпись ни за что не прочтешь. И

даже не узнать, что портить ее не разрешает сам Дарий, царь царей и царь персов.

Шли годы. Умер Дарий, рухнула империя, погибли дворцы Персеполя, могучей столицы Ахеменидов. Забылись языки, надписи, но сам монумент остался нерушим, ибо он вырублен на твердой и недоступной скале.

Караваны все реже и реже проходили под скалой, армии все реже останавливались у источника. И никто, ни один человек на свете, не умел читать клинописных текстов.

Первым, обратившим внимание на клинопись, был итальянский путешественник, один из последних гуманистов Возрождения, Пьетро делла Балле. Путешествуя в XVII веке по Ближнему Востоку, он увидел клинописный текст и даже скопировал часть его в своей книге. После него многие путешественники видели эти знаки на забытых памятниках и гробницах, на обожженных глиняных табличках, в изобилии встречающихся среди древних развалин. Наиболее известен из них Нибур, немецкий ученый, отправленный в числе других историков на Восток датским королем Фридрихом в 1760 году. Через год после начала путешествия все его участники, кроме Нибура, умерли. Ему бы самое время испугаться и бежать домой, в Европу, но Нибур продолжал путешествовать в одиночестве и еще шесть лет ездил из страны в страну. Он издал книгу «Описание Аравии». Книга пользовалась громадной популярностью, выдержала множество изданий. Ведь автор ее был первым ученым, посетившим места, где до него со времен крестоносцев не было ни одного европейца. А в Европе об этих полусказочных странах хотели знать: Европа стремилась на Восток. И неудивительно, что, отправившись в египетскую экспедицию, Наполеон Бонапарт взял книгу Нибура с собой и не расставался с ней, с этой энциклопедией Ближнего Востока. Нибур тоже писал о клинописных текстах и связывал их с развалинами Персеполя – древней столицы Персии, о которой говорили греческие авторы. Там, как и в развалинах Вавилона и в других городах Двуречья, было найдено множество табличек с клинописью.

Первый шаг к раскрытию тайны клинописи сделал Георг Гротефенд, человек, которого вполне можно отнести к «гениям одной ночи». Долгая жизнь его внешне являет собой пример педантичности, а карьера – от помощника учителя гимназии до директора лицея – может служить образцом для поклонников «золотой середины». Даже научные начинания Гротефенда (он основал общество изучения немецкого языка и написал ряд статей по немецкой филологии) никогда не поднимались над

средним уровнем подобных работ и были преданы забвению вскоре после своего появления на свет. И надо же было случиться, что Георг Гротефенд, когда ему стукнуло двадцать семь лет, поспорил с приятелями, что расшифрует загадочные клинописные значки, о которых столько говорят и пишут. Это случилось в 1802 году.

Гротефенд был человеком чрезвычайно ответственным и серьезным. Если он обещал что-то сделать, он делал. И вот ему волей-неволей пришлось стать гением, потому что только гению было под силу за несколько дней решить, казалось бы, неразрешимую задачу. По нескольким плохо скопированным обрывкам клинописных текстов, не имея никакого представления о строе языка, не будучи даже твердо уверенным, что в его распоряжении надписи, а не орнаменты, не зная буквы изображают эти знаки или понятия, как китайские иероглифы, не зная ровным счетом ничего, Гротефенд установил, что надписи сделаны на древнеперсидском языке, что клинопись читается слева направо, а тексты, попавшие к нему – надгробные надписи Дария и Ксеркса.

Выиграв пари, Гротефенд сделал об этом прошедший почти незамеченным доклад в Геттингенской академии и вернулся к учительской работе и проблемам немецкой философии.

В распоряжении Гротефенда были лишь маленькие обрывки надписей, и причем только на одном из основных языков клинописи – на древнеперсидском. Для того чтобы проверить его открытие и завершить составление древнеперсидского алфавита, нужен был длинный текст. Этим текстом оказалась надпись Бехистунского монумента. Она состоит из 515 строчек на древнеперсидском, 141 строчки на вавилонском и 650 строк на эламском языке. Но об этом еще никто не знал...

После того как слухи о существовании монумента и большой клинописной надписи дошли до Европы, французские исследователи пытались скопировать ее. Несколько дней они провели у Бехистуна, ободрали в кровь ладони, разбили колени, вколотили в скалу множество кольев, а в результате вернулись обратно во Францию с официальным заявлением о том, что до надписи добраться невозможно. Французы не знали, что к тому времени, когда они в полном отчаянии покинули надпись, она была уже тщательно скопирована и человек, совершивший этот альпинистский и научный подвиг, сидит неподалеку от них, стараясь расшифровать текст. Этим человеком был Раулинсон.

Открытие Гротефенда было только самым началом исследования клинописи. Дальнейшие шаги в этом направлении связаны с именем Г. Раулинсона. Раулинсон был английским

офицером, который имел счастье в семнадцатилетнем возрасте встретить на корабле, плывущем в Индию, Джона Малькольма, губернатора Бомбея и известного ориенталиста. Губернатор за долгие недели плавания смог внушить юноше страсть к исследованиям Востока. Пути Раулинсона и Дария скрестились в 1837 году у деревни Бехистун, где на скале выбит знакомый нам уже монумент. В тот день началась история научного исследования древней Персии и Вавилона.

Раулинсон, переведенный из Индии в Персию, узнал о Бехистунской надписи от местных жителей. Когда же он взял краткий отпуск и приехал к Бехистуну, он сразу понял, что именно этот текст может помочь дешифровать клинопись. Причем здесь следует обязательно оговориться: Раулинсон еще не знал ни об открытии Гротефенда, ни о французской экспедиции, которая уже укладывала в Париже многочисленные чемоданы.

Все попытки Раулинсона добраться до надписи снизу, путем, избранным вскоре французами, были безуспешны. Но Раулинсон не собирался сдаваться. Сто метров от ручья до надписи. Пятьдесят метров вертикальной скалы. Нет, так ему надпись не скопировать. Но если не снизу, то, может быть, сверху? И Раулинсон запасся веревкой, совершил нелегкое восхождение по обратной стороне крутой скалы, и вот через несколько часов он стоит на ее вершине. Внизу, в трехстах метрах, невидимые сверху Дарий и его враги.

Раулинсон спускался к надписи по веревке, привязав к спине рулоны бумаги. Достигнув надписи, он, то раскачиваясь над пропастью, то примостившись на узком карнизе, час за часом, обливаясь потом, рискуя в любой момент сорваться, копировал знаки. Зарисовав девять из тринадцати колонок текста, Раулинсон смотал веревки и рулоны бумаги, вернулся в Тегеран и уселся за дешифровку. К тому времени он получил и журнал с докладом Гротефенда, который ему во многом помог.

Через несколько лет работы Раулинсон, к тому времени уже консул Великобритании в Персии, известный исследователь Востока, представил Лондонскому азиатскому обществу не только копию большей части Бехистунской надписи, но и ее перевод.

Разумеется, на этом исследования надписи не прекратились. Ведь Раулинсон перевел только один из ее текстов – древнеперсидский. С остальными двумя пришлось повозиться, тем более что вавилонский язык оказался не буквенным, как древнеперсидский, а весьма сложной системой, в которой один и тот же знак в зависимости от положения мог означать и букву, и слог, и слово. В среде ученых произошло некоторое замешательство, но кое-кто, а среди них и Раулинсон, верил, что

и эту языковую систему разгадать можно. Так и случилось. Через несколько лет были найдены глиняные таблички – школьные учебники, в которых для школьников древней Персии давался перевод этой системы письма в буквенную. находка оказалась такой своевременной и так кстати, что нашлись скептики, которые ставили под сомнение ее подлинность и уверяли, что с помощью «словарей» никакого текста прочесть нельзя.

Тогда Лондонское азиатское общество пошло на редкий эксперимент. Вновь найденную вавилонскую надпись послали четырем различным специалистам, в том числе Раулинсону. Каждого попросили перевести текст, пользуясь древними словарями. Причем ни один из четырех не знал, что тот же текст получен тремя его коллегами. Ученые выполнили просьбу Общества, и, когда ответы сличили, оказалось, что они практически идентичны.

Так завершился первый этап дешифровки клинописи.

Исследователи еще не могли сказать, что знают о клинописи все. Количество текстов – древнеперсидских, вавилонских, ассирийских, шумерских, эламских – росло лавиной: каждая новая экспедиция привозила тысячи табличек. В музеях мира их сейчас насчитывается чуть ли не сотни тысяч, а находки продолжают: древние обитатели Месопотамии были людьми образованными и пишущими. Все, вплоть до чеков в магазинах Вавилона, выписывалось на глиняных табличках и обжигалось. За тысячи лет своего существования великие и древние цивилизации оставили их несметное число.

Казалось бы, ученым уже давно не до Бехистунской надписи. Но вновь и вновь к скале приезжали экспедиции, разбивали лагерь у родника и разворачивали сложное альпинистское снаряжение...

Большие экспедиции Джексона в 1903 году и Уильяма Кинга в 1904 году снимали копии с надписей, стараясь разгадать сомнительные и выветривавшиеся строки. Последняя из крупных «копировальных» экспедиций под руководством профессора Камерона пришла к скале в 1948 году. Историки с помощью нефтяников вбили в скалу множество крючьев, соорудили лестницы до самого монумента и изготовили люльки наподобие малярных, в которых можно было более или менее свободно передвигаться вдоль надписи. Эта экспедиция не перерисовывала надписи, а снимала с них слепки.

Свыше ста лет продолжалось изучение монумента. Поистине надо отдать должное Дарию: он задал ученым нелегкую задачу. Но они отнеслись с уважением к его просьбе: насколько известно, никаких попыток повредить гордую надпись, повествующую о

победах древнего царя над соперниками, не было.

Персеполь

Лес колонн

Если Бехистунская надпись – памятник апофеоза персидской державы Ахеменидов, то драматические события, связанные с Персеполем, знаменуют конец не только этой державы, но и того древнего мира, возникшего на берегах Нила и Евфрата, который медленно и высоко поднялся в пирамидах и храмах Карнака, Ниневии и Вавилона и рассыпался от яростного удара небольшой армии македонского полководца. Еще будет доживать свой век Вавилон и будут сменяться владыки на египетском троне (правда, из соратников того же Александра), но огонь, сожравший персепольский дворец, ознаменовал не только гибель этого великолепного памятника архитектуры. Тогда, как пишет английский археолог Мортимер Уилер, «погибла вся средневосточная цивилизация, для которой прошли времена творческих порывов...».

Персепольский дворец – ровесник Бехистунской надписи. В те же годы, когда Дарий, уничтожив соперников, добился безграничной власти в ахеменидской империи, он, отлично сознавая важность парадного оформления власти в объединенном благодаря лишь военной силе государстве, раскинувшемся от Кавказских гор до Египта, задался и проблемой создания достойного центра империи.

Сузы, столица империи, хотя и были большим и богатым городом, но уступали, очевидно, и Вавилону, и Фивам, и, возможно, некоторым эллинским городам, таким, как Эфес или Милет. Однако Дарию был не столько важен размер города, сколько соответствие центра империи всемогущему ее монарху. Поэтому для новой столицы он не стал брать за образец существующие города, а пошел по стопам своего предшественника, Кира II, который замыслил строительство в Пасаргадах мемориала в честь своей победы над мидийцами – решающей битвы за владычество над Ближним Востоком. Там же и был похоронен Кир, погибший в 530 году до нашей эры.

Очевидно, Пасаргады и не предназначались для постоянной жизни там царя и двора. Раскопки на этом холме обнаружили громадную каменную платформу, к которой из долины поднимаются две широкие лестницы. У подножия холма найдены остатки небольшого дворца и башни, известной в тех местах под названием «тюрьма Соломона» (еще одно свидетельство стремления приписывать все непонятное знаменитым именам). К югу от Пасаргад, посреди пустынной равнины, стоит простое

каменное строение на ступенчатом основании. Это гробница Кира.

Остатки дворца в Пасаргадах говорят о том, что он был временным жилищем. Вернее всего, Кир намеревался построить там настоящий дворец, но за войнами и походами было недосуг. Сын его Камбиз покорял Египет и старался сохранить империю отца – ему тоже некогда было достраивать Пасаргады. Добившись власти, Дарий сначала обратил внимание на Пасаргады и начал строительство там, но, построив временный дворец из сырцового кирпича, забросил работы.

Прошло несколько лет, прежде чем Дарий отыскал другое место для дворца: величественные террасы, спускающиеся от горы Рахмед к реке Пульвар, в пятидесяти километрах от нынешнего Шираза.

Там был храм и, возможно, небольшой город, основанный Киром. Имя «Персеполь» – «город персов» – дано новой столице греками, и известно оно нам из записок Клитарха, историка Александра Македонского. Персы, очевидно, называли его Парсой.

Древний персидский обычай возводить святилища на холмах соблюден и в Персеполе. Террасы, на которых расположен город-дворец, город-святилище живого бога – царя царей, укреплены громадными каменными глыбами, выровнены, замощены и соединены широкими мраморными полированными лестницами, обрамленными барельефами – однообразными, скучными, но величественными. Все здесь подчинено одной цели – подавить зрителя не только богатством и могуществом царя царей, но и организованностью, порядком этого государства, где все подчинено единому плану, единой воле.

В ахеменидской Персии трудилось множество художников и ремесленников, свезенных со всех концов мира. Когда Александр Великий подошел к Персеполю, он увидел у дороги громадную толпу изувеченных людей – это были попавшие в плен к персам греческие художники, скульпторы, резчики. Чтобы они не убежали, их жестоко калечили: лишали части тела или лица, ненужной при работе. У одних художников были отрублены левые руки, у других – ступни ног, носы, уши. Изуродованных греческих мастеров в Персеполе оказалось более восьмисот. А ведь кроме них на строительстве дворца работали египтяне, мидийцы, вавилоняне, иудеи, набатейцы, армяне – все те племена и народы, чья судьба была сломлена персидским завоеванием. Но вряд ли найдется другой дворец в мире, в котором столь четко и последовательно проводилась бы центральная идея – идея персидского могущества. Здесь воля иноземных художников была

начисто подавлена главной задачей, и нетрудно представить себе, что помимо мук физических изуродованные художники испытывали муки моральные: заказчику и хозяину нужны были лишь их техническое умение и ремесло, но никак не творческое начало. Следствие этого – пилоны и стены лестниц, украшенные бесконечными, мастерски и точно выполненными, но однообразными барельефами, которые повторяют в основном один и тот же мотив: царь царей на троне и вереница одинаковых воинов, одинаковых данников, одинаковых подданных. Даже по тому, что сохранилось от Персеполя, очевидно полное торжество ранжира, порядка и солдатского строя.

Последовательность идеи более всего проявляется в главных зданиях сооружений Персеполя – зале приемов – ападане – и тронном зале.

Ападана – квадратный зал, настолько громадный, что во время торжественных аудиенций в нем размещалось десять тысяч человек. Кровля зала, находившаяся на недостижимой высоте семизэтажного дома, поддерживалась семьюдесятью двумя колоннами. Колонны персепольского дворца были изобретением ахеменидских архитекторов – Египет или Эллада подобных им не знают. Это прямые каменные столбы, вырастающие из высоких мягко скругленных баз и заканчивающиеся в высоте импостами – капителями в виде львиных или бычьих фигур, соединенных спинами. Колонны не отступали к сторонам, как принято, чтобы открыть перспективу пространственного объема. Они стояли равномерно по всему залу, подобно лесу, отчего терялась перспектива и получался застывший, окаменевший лес, который придавал дополнительную статичность дворцу, где время должно было послушно остановиться у ног владыки мира.

Неудивительно, что археологи не могут до сих пор найти ответа на, казалось бы, элементарный вопрос: а где же в этом зале место царского трона? Зал одинаков со всех сторон, он сам по себе мир без конца и начала, трон мог стоять везде и нигде. Высказывались даже предположения, что залы Персеполя – сокровищницы, как бы музеи награбленного и свезенного со всего мира добра.

Дарий не достроил персепольский дворец. Строительство продолжалось Ксерксом и Артаксерксом, о чем эти цари оставили соответствующие надписи. Строительство заняло несколько десятилетий. Не удовлетворившись залом Дария, Ксеркс и Артаксеркс пристраивают к нему второй. Но, за исключением большего размера зала и несколько иных барельефов, ничего не изменилось. Идея торжествовала.

В то время, когда разноплеменные мастера обтесывали

бесчисленные однообразные стволы колонн для мертвого леса и вырезали одинаковые барельефы, повелитель персидской державы Ксеркс, пытаясь завоевать Элладу и осчастливить ее принадлежностью к миру порядка, сжег Афины. Это случилось в 480 году до нашей эры. Грецию покорить не удалось: персидский флот погиб при Саламине, и Ксеркс отступил, но гибель Афин оказалась настолько живучей в памяти греков, что гибель Персеполя почти всеми без исключения античными авторами связывается именно с этим событием.

У эллинов противоборство с Персией Ахеменидов приняло характер принципиального конфликта. Это была не просто война, каких немало выпало на долю Греции, это был смертельный конфликт двух миров. Память о пожаре Афин жила и спустя полтора столетия, когда Александр Македонский переправлялся на азиатский берег для того, чтобы уничтожить армии очередного Дария, очередного царя царей застывшей, каменной, но одряхлевшей и уже нежизнеспособной ахеменидской державы. Возможно, конфликт, описания которого дошли до нас через призму греческого восприятия, идеализируется нами, но когда Диодор Сицилийский пишет о том, что Александр решил совершенно уничтожить Персеполь, то это намерение македонца в нашем воображении связано с драматической сценой встречи Александра с восемьюстами клейменными художниками; Александр искренне отказывал в праве на существование городу казарменных барельефов, который калечит художников.

Мне не верится в случайность пожара и гибели Персеполя, хотя многие авторы, должно быть оберегая репутацию великого человека, подчеркивают случайность в рассказах о последнем дне ахеменидской столицы.

Версия о буйном пире в Персеполе, где возлюбленная Птолемея, афинянка Фаида, хватает факел и требует уничтожить Персеполь в отместку за гибель Афин и Александр, подчиняясь общему настроению, первым бросает факел в каменный лес тронного зала, кажется драматическим апокрифом. Александр расчетлив и трезв. Все, что он делает до дня пожара, говорит о том, что прав Диодор Сицилийский, уверяющий в заблаговременности решения Александра. Иначе зачем он за несколько дней до пожара приказал вывезти из Персеполя в Сузы всю сокровищницу персидских царей, почему он отдал город на полное разграбление своим солдатам, несмотря на то что тот сдался без боя? И к моменту пожара город был пуст, мертв и безлюден.

Как бы то ни было, дворцы сгорели. Пожар кончился к утру. Обвалилась кровля тронного зала, сгорели окружающие строения,

и лишь мертвый лес колонн остался посреди пепелища.

И хотя с тех пор прошло уже более тысячи лет, лес колонн, поредев от времени, все еще стоит. И остатки барельефов заставляют остановиться перед грозным строем солдат и пленников, шагающих в неизвестность, шагающих тысячелетиями, хотя нет ни армий, ни дворцов. Античные истории рассказывают, что Дарий, умирая от руки своего же сатрапа, смог найти среди окружавших его в последние минуты жизни лишь одно лицо, тронутое сочувствием, – лицо догнавшего его наконец Александра Македонского. И именно к нему обратился умирающий Дарий с мольбой – позаботиться о его семье.

Александр накрыл тело царя царей своим плащом и приказал похоронить его в сожженном Персеполе.

Правда, существует и другая версия: Александр опоздал. Когда он настиг царский караван, Дарий был мертв.

Баальбек

Фантастические плиты

Начнем с длинной цитаты:

«В некоторых пунктах Земли сохранились остатки древних сооружений, которые поражают своими масштабами, особенностью конструкций и другими „загадочными" деталями. Трилитоны Баальбекской террасы, например, расположенные у подножия горы Антиливан, представляют собой гигантские, грубо обработанные глыбы длиной до 20 метров и весом около тысячи тонн. Эти глыбы привезены из каменоломни и подняты на высоту до 7 метров – задача, которую трудно разрешить даже при помощи мощных средств современной техники. В самой каменоломне остался огромный, отесанный, но еще не отделенный от скалы камень. Его длина – 21 метр, ширина – 4,8 метра и высота – 4,2 метра. Потребовались бы соединенные усилия 40 тысяч человек, чтобы сдвинуть такую глыбу с места.

До сих пор нельзя считать решенными вопросы: кем, когда и для каких целей были высечены эти „циклопические" плиты?»

Все, что сказано выше, заимствовано мной из статьи М. Агреста «Космонавты древности», в которой выдвигается мысль: не пришельцами ли с далеких планет построены такие сооружения, как Баальбек, не ими ли при взлете уничтожены Содом и Гоморра? В отношении Баальбека эта гипотеза выглядит так:

«Можно допустить, что обследование Солнечной системы космонавты производили малыми кораблями, стартуя с Земли. Для этих целей им, возможно, понадобится добыть на Земле добавочное ядерное горючее и построить специальные площадки и хранилища. Они также, несомненно, должны были оставить память о своем пребывании на Земле. Не относятся ли названные отличительные сооружения, как, например, терраса Баальбека, к этим памятникам?»

Итак, у горы (вернее, у хребта) Антиливан, на юге Ливана, находится загадочная Баальбекская терраса, возможно построенная космонавтами как посадочная площадка для малых ракет. А если нет, то «нельзя считать решенными вопросы: кем, когда и для каких целей были высечены эти «циклопические» плиты?»

Давайте же совершим путешествие в те края и посмотрим на месте, что собой представляет Баальбекская терраса.

Направляясь в Баальбек, мы покидаем берег Средиземного моря и поднимаемся на сухие склоны Ливанских гор, следуя по

пути, которым шли две тысячи лет назад пятый македонский и третий галльский легионы Августа. Покорены финикийские города побережья, и новый город-лагерь Бейрут, названный Колония Юлия Августа феликс Бейрутус, то есть «счастливая колония Бейрут Юлии Августы» (дочери императора), остался позади, где флот надежно охраняет легионеров с тыла. Впереди – Гелиополис, небольшой, но богатый семитский город, названный так Селевкидами, наследниками Александра Македонского, в честь бога Солнца. Раньше город назывался Баал Бек – «Город Ваала».

Римляне знают, что Гелиополис – древний центр финикийской религии, мужчины которого знамениты своим красноречием, а женщины – красотой. Здесь живут лучшие флейтисты мира и стоят прекрасные храмы, посвященные Солнцу.

С перевала видна широкая долина, до десяти километров в ширину и около ста в длину. По другую сторону ее – рыжие и фиолетовые склоны Антиливанской гряды, на вершинах которой полгода лежит снег. Южная часть долины – заросшее тростником озеро; к северу местность повышается, и там среди речек, стекающих к озеру, стоит сам город – ряды домов, обнесенных каменными заборами, навесы рынков и посреди холм акрополя, увенчанный несколькими небольшими храмами, построенными по эллинским образцам.

Легионеры спускаются вниз, не заботясь о сторожевом охранении и не перестраиваясь в боевые порядки. Поход недолог, нетруден, и легионеры, отдохнувшие после боев на берегу, обветренные и загорелые, весело перекидываются шутками. Не припомнишь, улицы скольких городов видели эти легионы. Городом больше, городом меньше...

Главный храм Баал Бека, построенный в незапамятные времена, был посвящен арамейскому богу Хададу, богу молнии и грома, который был властен послать дождь на поля, чтобы зрел урожай, и ливень, чтобы этот урожай уничтожить. Голова Хадада была увенчана лучами, во времена Селевкидов его отождествляли с богом Солнца, и потому храм Хадада стал храмом Юпитера Гелиополитануса. Его перестроили и расширили, число паломников росло, и получивший известность храм дал новое имя городу – Гелиополис.

После завоевания Ближнего Востока римлянами значение Гелиополиса продолжало расти. И не только потому, что здесь был храм Юпитера-Хадада. Гелиополис контролировал плодородную долину, богатую пресной водой, лесом, виноградниками, был крупнейшим перевалочным пунктом для караванов, следующих от побережья в глубь страны, кроме того,

он служил военной базой римлянам. Отсюда выходили в походы против Парфии римские полководцы.

В 116 году к оракулу храма Юпитера в Гелиополисе явился император Траян. Он решил проверить всеведущего прорицателя и вместо вопроса передал ему чистую табличку для письма, завернутую в ткань. В ответ он получил точно такую же; это уверило императора в проницательности оракула.

– Так каким же будет окончательный ответ? – спросил император.

Траяну выдали связку сучьев, завернутых в тряпку. На следующий год император погиб в Киликии. Тело его сожгли на костре из сучьев. Предсказание сбылось. Так гласит предание. Конечно, император мог и не погибнуть, и тогда те же сучья можно было истолковать иначе. Но нам важно другое: ко II веку храм в Гелиополисе стал настолько известен в древнем мире, что к оракулу его обращались даже римские императоры.

Император Антонин Пий (138–161) приказал вместо старого храма Юпитера начать сооружение нового храма, крупнейшего в мире. Оно потребовало громадных денег и множества рабов. Внимание римского двора к строительству в долине Ливана подогревалось еще и тем, что в эти годы сами императоры Рима не были чистокровными римлянами: Септимий Север породнился с ливанским домом Юлия Бассиана Эмесского, и его сын, император Каракалла, был уже наполовину ливанцем. И для следующих императоров династии Северов далекая ливанская долина перестала быть чужой, это был дом их матерей и жен. Мать Каракаллы, умная и властная Юлия Домна, помогала своему мужу Септимию Северу, а потом и сыну управлять государством. В Риме появляется много ученых и государственных деятелей из Ливана и Сирии. Предприимчивые потомки финикийцев захватывают в империи ключевые позиции. Ливанцы и сирийцы командуют легионами, торгуют, заседают в сенате.

Каракалла и его мать писали слово «Гелиополис» на своих монетах. При них и развернулось в полную силу строительство, начатое Антонином Пием. Храм Солнца, да и весь акрополь, перестроенный императором, приводил в восхищение путешественников и пилигримов. Ничто не могло сравниться с этим акрополем во всей Римской империи, даже в самой столице. И через много лет, когда Баальбеком завладели арабы и превратили акрополь в крепость, они были уверены, что построил его великий царь Соломон. Ведь никто, кроме Соломона, не обладал властью над джиннами, а кроме джиннов, никто не мог бы построить такой храм. Очевидно, арабы не знали о существовании инопланетных пришельцев.

Акрополь не был полностью построен. Строительство его затянулось, и императоры-полководцы, правившие империей в годы ее заката, не могли, да и не желали, вкладывать бешеные средства в создание храма. Но храм был настолько близок к завершению, что уже при Каракалле он начал действовать, и мало кто догадывался, что первоначальные планы архитекторов не были полностью осуществлены и храм был возведен менее пышно, чем хотелось Каракалле.

...Громадная лестница, на которой мог разместиться целый легион, вела к колоннаде главного входа в акрополь. Арка входа, украшенная скульптурами, была высотой пятнадцать метров и шириной десять. Пройдя под ней, посетитель попадал в шестиугольный двор, также окруженный колоннадой. За ним находился еще один главный двор акрополя. Этот двор занимал больше гектара. Посреди него возвышался громадный алтарь.

Колонны, окружавшие площадь, ценились чуть ли не на вес золота. Эти порфирные колонны были вырублены в каменоломнях Египта, неподалеку от Красного моря. Их обработали и отшлифовали в Египте, затем приволокли к Нилу, на баржах переправили в Александрию, потом перегрузили на корабли и отвезли в Бейрут. Из Бейрута снова волоком через горы в Гелиополис.

Такие же колонны найдены в Риме и даже в Пальмире. Они невелики по сравнению с колоннами храма Юпитера, но все-таки весят несколько тонн. Очевидно, транспортировка на далекие расстояния тяжестей такого масштаба была вполне под силу древним.

Замыкал главный двор храм Юпитера – центр акрополя и всего Гелиополиса.

Храм стоял на громадной платформе, которая покоилась на плитах. Каждая из них равна двадцати метрам в длину, пяти – в высоту и четырем – в ширину. Вырубить и доставить к месту строительства такую плиту было нелегко, но архитекторы задумали это не ради создания легенд о джиннах царя Соломона или неземных пришельцах. Под храмом располагались обширные подвалы, и плиты служили им перекрытиями. К тому же район Гелиополиса подвергался частым и сильным землетрясениям (впоследствии они разрушили большую часть его храмов). Поэтому было решено соорудить основание храма как можно более мощным.

Но объем работ оказался не под силу даже лучшим строителям Римской империи. Только три плиты были уложены в основание храма. Они и получили впоследствии название «трилитон». Каждая из них весит почти тысячу тонн, и из каждой

можно соорудить здание длиной двадцать и высотой пятнадцать метров со стенами в полметра толщиной.

Внимательный наблюдатель заметит, что в основании храма должна была лежать четвертая плита. Ее место занято несколькими плитами значительно меньшего размера. Почему так случилось? Не хватило материала или космонавты спешили? Однако оказалось, что четвертая плита существует: она находится в каменоломне неподалеку от Баальбека. Вес ее превышает тысячу тонн. Плита столь велика, что взобравшийся на нее человек кажется муравьем на чемодане.

На плите можно заметить многочисленные следы зубил, которыми тысячи каменотесов обтесывали ее бока. И тут уже не остается никакого места космонавтам. Даже самый ярый их сторонник не станет утверждать, что излюбленным орудием звездных пришельцев было зубило.

На платформе, образованной плитами-гигантами и их меньшими сестрами, стоит храм Юпитера. К нему ведет лестница в три пролета. Храм обнесен колоннами, которые хотя и не столь известны, как плиты трилитона, но заслуживают, чтобы о них здесь упомянуть. Диаметр колонн – около трех метров. По высоте они превышают двадцать метров, то есть шестиэтажный дом. Каждая сложена из трех частей и весит ненамного меньше, чем плита, причем каждая увенчана колоссальной пышной капителью, держащей многотонные фриз и карниз. Колонны так прекрасны, что один современный французский писатель сказал: «Если бы их не было, то было бы меньше красоты в мире и меньше поэзии под небом Ливана». Но эти колонны – создание инженерного и архитектурного гения куда более сложное, чем плиты-террасы, – никто не приписывает космонавтам. А то пришлось бы прилет пришельцев привязать к конкретному сроку и месту, оживленному, исхоженному, описанному и до, и во время, и после строительства акрополя, пришлось бы приписать им знакомство с коринфским орденом и даже поклонение Юпитеру.

Внутри храма стояла золотая статуя бога. Античные авторы пишут, что был он юн, безбород, одет в тунику колесничего, в правой руке держал бич грома, а в левой – молнию и снопы пшеницы. В дни ежегодного празднества статую выносили из храма на плечах самые знатные жители Гелиополиса, которые долго готовились к этому дню, обрившись наголо, блюдя пост и воздержание. В сокровищнице храма были спрятаны также священные черные камни. Храм был богат, известен как ни один другой в Римской империи. Его жрецы владели обширными землями, рабами, подвалы храма были заполнены зерном, вином, маслом и другими товарами.

Слева от храма Юпитера и чуть пониже его стоял другой знаменитый храм акрополя – храм богини Венеры. В наши дни этот храм ошибочно носит название храма Бахуса. Так он зовется в исторических трудах и записках путешественников. Он уступал храму Юпитера и казался небольшим рядом с ним, но это совсем не значит, что он был и в самом деле мал. Сохранившаяся дверь храма в пятнадцать метров высотой уже говорит о его размерах. Фриз храма был облицован каменными панелями, украшенными барельефами с изображениями Марса, Бахуса в венке из виноградных листьев, Меркурия, Плутона и Венеры, прижимающей к груди разбаловавшегося купидона.

Метрах в трехстах от акрополя в позднеримскую эпоху был возведен еще один, но уже небольшой храм, посвященный Фортуне, богине судьбы, круглое изящное сооружение.

Гелиополис процветал до тех пор, пока христианство не вытеснило многочисленных свирепых, порой веселых, часто бестолковых и ненадежных античных богов. Приход христианства означал закат Гелиополиса. Еще некоторое время жрецы акрополя властвовали над городом, но с каждым годом все беднее и скромнее проходили празднества, все меньше сторонников оставалось у золотого Гелиоса. Крушение языческого Гелиополиса совпало с крушением Западной Римской империи.

Восточная Римская империя, Византия, христианское государство, не поощряла культа античных богов.

Но город Гелиополис продолжал еще жить, и акрополь сохранился, хотя была вынесена и перелита на слитки статуя Юпитера и разграблены кладовые храмов. Пока Гелиополис оставался важным торговым городом империи, он не мог существовать без храмов. Потому в нем строились новые церкви, теперь уже христианские, потому же переделывались в христианские храмы, построенные ранее.

Император Феодосии в IV веке приказал возвести собор посреди центральной площади акрополя. Собор должен был знаменовать собой победу истинной веры над язычеством. Собор, построенный в спешке, подешевле и попроще, развалился уже через несколько десятков лет, почти не оставив следов. Переделан был в христианскую церковь и храм Фортуны. Его называли церковью святой Варвары.

Император Юстиниан приказал выломать порфирные колонны площади акрополя и перевезти их в Константинополь. Колонны опять проделали длинный путь. Снова перевалы через горы, снова погрузка в бейрутской гавани на корабли, снова путешествие морем, в новую столицу. Эти колонны пошли на строительство святой Софии – христианского собора в

Константинополе. Они и сегодня стоят там, среди других колонн, свезенных со всего восточного мира, среди остатков великих и прекрасных, уничтоженных христианством памятников архитектуры.

Враждебные силы природы как бы поджидали ослабления Гелиополиса. Несколько землетрясений одно за другим ударили по городу, каждое разрушало дома и церкви. Но храм Юпитера держался.

Еще через несколько столетий христиане-византийцы были вынуждены уйти из потерявшего былое значение захудалого городка. На их место пришли арабы. Тогда-то и родилась легенда о том, что храмы и громадные платформы построены джинами царя Соломона.

Арабы с новой силой принялись перестраивать и перекраивать акрополь. Вернее, то, что осталось от него. К их приходу простоявшие более пятисот лет здания потеряли былую прочность. Упало несколько великолепных колонн храма Юпитера, и их капители откатились далеко по двору акрополя. Землетрясения разрушили большую часть стены акрополя и уничтожили вход в него. Арабы превратили акрополь в крепость. Высокий храм, укрепленный громадными каменными плитами, казалось, призывал фортификаторов использовать его. Из рухнувших плит и колонн соорудили новые стены и бастионы. Среди развалин была построена мечеть. Другая, побольше, выросла за пределами акрополя. Еще раз сменились боги, и еще раз поклонявшиеся им были уверены, что именно их боги действительно истинны и достойны господствовать над миром.

Но колоннам Юпитера пришлось еще раз увидеть смену знамен и смену богов. Армия крестоносцев Боэмунда Антиохийского и Раймонда Эдесского захватила крепость и держалась в ней некоторое время, обороняясь от дамасской армии. Крестоносцы успели разорить мечети и на скорую руку восстановили власть христианского бога. Через несколько недель они отступили, и в мечети вернулись муллы. А поредевшие колонны храма Юпитера равнодушно возвышались над этим столпотворением.

Боги, в честь которых они были возведены, вымерли так давно, что и памяти о них не осталось в тех краях. И, встречая изображение Юпитера или Марса, христиане и мусульмане в зависимости от настроения и полета фантазии принимали их либо за дьяволов, либо за героев древности.

Забылось название города – Гелиополис. Вернулось старое – Баальбек. Один английский путешественник, увидевший развалины Баальбека в 1751 году, сообщил в своих записках, что

в долине, посреди грязного, бедного городка, стоят девять огромных колонн. Вокруг валяется множество камней и плит.

Другой путешественник, француз, тридцатью годами позже насчитал этих колонн только шесть: очередное землетрясение 1759 года повалило три остальные. Он же обратил внимание на руины боевой башни, возвышавшейся когда-то среди колонн. Он не знал, что башня была построена в XII веке Бахром-шахом, властителем Дамаска. Ко времени появления здесь первых европейских путешественников Баальбек давно потерял свое военное значение.

Гелиополисом изволил заинтересоваться его императорское величество кайзер Германии. Это случилось в первые годы нашего века. Немецкие археологи начали планомерные раскопки города. Они расчистили между прочим маленький круглый храм Фортуны. Столетиями он скрывался среди жилых домов, полузаваленный землей и скрытый заборами. Оказалось, что он почти не пострадал от времени. Впоследствии здесь работали французские археологи, и наконец эстафета была подхвачена ливанским Департаментом древностей.

Что же представляет собой Баальбек сегодня? Как ни удивительно, бурная и плачевная судьба города и акрополя не смогла полностью стереть его с лица земли. Римские и ливанские зодчие строили так основательно и серьезно, что больше всего в Баальбеке осталось именно от римской эпохи, а не от времен христиан и мусульман. Это не значит, что от римских времен сохранилось многое, но, если учесть, что ни от Византии, ни от крестоносцев, ни от халифата почти ничего не осталось, сравнительное могущество языческих богов очевидно.

Шесть колоссальных колонн, лестница и платформа храма Юпитера и сегодня производят потрясающее впечатление на каждого, кто побывал в Баальбеке. Желтоватый теплый камень загорается, когда заходит солнце, и колонны, видные за много километров, кажутся триумфальной аркой, вратами, которые не ведут никуда.

Алтарь на центральной площади акрополя, освобожденный от руин христианского собора, возвышается над плитами и обломками колонн, скатившихся сверху, от храма. Часть порфирных колонн центральной площади целы и поныне, прикрывая входы в ниши, в которых когда-то стояли статуи героев и богов. Христианские пуритане первых веков византийского времени разбили статуи. Чего не сумели они, довершили мусульманские дервиши.

Из больших храмов Гелиополиса лучше всего сохранился храм Бахуса. Издали он кажется совсем невредимым. Это не так.

Только с двух сторон остались стены и колонны. Храм настолько крепок и внушителен – именно как храм, как произведение искусства, а не как живописная руина, – что сейчас в нем проводятся международные фестивали драмы и музыки. Ежегодно в Баальбек приезжают лучшие театры и оркестры мира, и в языческом храме, большем, чем любой концертный зал современности, собираются зрители. Раз в год Баальбек оживает. И если в этом храме раньше поклонялись веселым и непостоянным богам античности, потом – богоматери, потом – Магомету, то теперь языческие времена Венеры и Юпитера вернулись в Баальбек. Храм отдан музам.

Пальмира

Восставший оазис

Я хорошо помню еще с детства папиросы «Северная Пальмира». На крышке белой коробки возвышались ростральные колонны перед зданием биржи. Это была таинственная коробка. Я знал, что Ленинград – «вторая Венеция», и это легко объяснимо: в Венеции тоже есть каналы и море рядом, Венеция тоже стоит на островах. Но Пальмира? Если такой город существовал, то вернее всего там росли пальмы, а в Ленинграде пальм нет.

...Судьба Пальмиры, красивейшего города древнего Востока, города-сказки, эфемерного, пролетевшего метеором по страницам истории человечества, в чем-то сходна с судьбой Петры и Баальбека. Может быть, потому, что все они родились задолго до нашей эры и расцвет их (или второе рождение) совпадает с временами римского владычества. Может, и потому, что географически они близки и сухие ветры дуют на улицах Баальбека так же, как среди колонн пальмирского форума.

И все-таки имя Пальмиры известнее, чем названия других городов, хотя мало кто знает, что представлял собой этот город, где находился и чем славен. Судьба Пальмиры трагична. Этот город не умирал, не хирел в течение многих веков, как его соседи. Он погиб в одну ночь.

Вернемся в римскую провинцию Сирию. Мы были там, когда осматривали Баальбек, и сейчас придется проехать по ее дорогам от Дамаска на северо-восток. В пустыню.

И сегодня в этих местах осталась память о временах древнего Рима. Помпей завоевал часть Сирии в 64 году до нашей эры. Римские легионы впервые стали лагерями на склонах сухих гор. Надолго. Римляне были заинтересованы в том, чтобы Сирия покорилась им навсегда. Сирия – ключ к великому торговому пути древности, который начинался у берегов Атлантики – в долинах Англии и в горах Испании, шел через Рим в Грецию, и здесь же, на восточном берегу Средиземного моря, сходились пути кораблей с запада – из Италии, Греции, Египта, Туниса – и с востока – из Аравии, Индии, Китая. С востока шли шелковые ткани, пряности, благовония, фарфор, драгоценные камни. Индийский экспорт достигал ста пятидесяти миллионов сестерциев ежегодно. «Столько, – жаловался Плиний, – мы тратим на роскошь и женщин». И сама вновь образованная провинция была нужна Риму как поставщик зерна, фруктов, оливкового масла, фиг, фиников и вина. В Сидоне производилось лучшее стекло, в Тире – пурпурные шерстяные туники. В течение ста с

лишним лет шло постепенное всасывание Римской империей небольших царств и княжеств, граничивших с Сирией. Признало власть Рима царство набатеев со столицей в Петре. Признало власть Рима и царство Пальмира.

Непревзойденные лучники Пальмиры участвовали в походе Траяна в Дакию. Nabateйские отряды несли охрану южных границ. Императоры Рима раздавали ветеранам участки сирийской земли и рабов. Жизнь была недорога в плодородном сухом краю. Можно было прожить с семьей на сто пятьдесят сирийских денариев в год.

Сирия становилась самой богатой из римских провинций. Арабы, евреи, арамейцы, набатеи, персы, армяне, египтяне, римляне, греки населяли ее города и деревни. Антиохия, столица провинции, насчитывала больше жителей, чем Дамаск, Алеппо или Бейрут сегодня. Крупных городов было там вдвое больше, чем теперь. В одном только Апамее, от которого осталась груда почти неисследованных развалин, по подсчетам археологов, обитало около полумиллиона человек. Археолог Лоуренс насчитал сто двадцать мертвых городов в радиусе тридцати километров от современного Алеппо.

Римский император Диоклетиан (284–305) приказал создать укрепленную границу (так называемая страта Диоклетиана) от Босры, неподалеку от Иерусалима, до Мосула на реке Тигр. Длина ее – около тысячи километров. Укрепления должны были оберегать провинцию от набегов персов. В тридцатых годах нашего века страта была прослежена аэрофотосъемкой: она представляет собой цепочку крепостей и укреплений. В каждой крепости были бассейны с водой, казармы и пристанища для проходящих караванов. Укрепление находилось в пределах видимости от следующего поста. Посты соединялись невысокой стеной: лошади персов и парфян не были приучены перепрыгивать через препятствия.

Основные города связывали мощные дороги, которые в большей части можно использовать даже сейчас. Дороги поддерживались в полном порядке. Вдоль дорог устанавливались столбы, а в низинах их ограждали стенками, чтобы в половодье не заливало водой.

Аэрофотосъемка показывает также, что большая часть ныне безлюдной степи и пустыни была орошена. На всем пути от Дамаска до Пальмиры бесчисленное количество опустевших и полужасыпанных песком резервуаров, бассейнов, каналов и акведуков – вода и тогда была нужна в пустыне, но сейчас жители тех мест могут только мечтать об изобилии воды, имевшейся здесь две тысячи лет назад. Римские акведуки проходят над

деревнями, где сегодня воду привозят издалека, доставая из глубоких колодцев, и хранят в бутылках как сокровище.

Примером инженерного искусства тех времен может служить плотина в Эль-Харбаке. Она выстроена была в вادي – пересыхающем на лето ущелье, где в дожди протекает бурный поток. Плотина полностью сохранилась. В основании толщина ее – двадцать метров, такова же и высота, длина – семьдесят метров. Водохранилище вмещало сто сорок тысяч кубометров воды. За две тысячи лет только несколько плит облицовки отвалились и упали в ущелье. По ее семиметровой кромке сегодня проходит дорога.

Большую провинцию было нелегко охранять. Границы ее тянулись по горам и пустыням. Соседи и соперники – сначала парфяне, а затем персы – всегда зарились на богатые поля и города Сирии.

Римляне избрали здесь политику, которая себя оправдывала в течение многих десятилетий. Они не стали полностью лишать самостоятельности ранее независимые царства и княжества. Они оставили на престолах местные династии, поклявшиеся в верности Риму. Иудея, управляемая династией Ирода, набатейская Петра, города Декаполиса в Южной Сирии и Пальмира стали буферными государствами. Они должны были платить дань Риму и охранять караванные пути. За это их правители оставляли себе доходы от посреднической торговли. В случае же неповиновения римские легионы вторгались в царство и доказывали свое право на власть над всем миром.

...Оазис в ста пятидесяти километрах от современного Дамаска, на перекрестке нескольких караванных дорог, был заселен задолго до нашей эры. Там стоял небольшой город Тадмор, жители которого поклонялись Ваалу, богу неба, и Белу, богу Солнца. В городе было несколько караван-сараев, базар, храм бога Бела и две-три сотни глинобитных и каменных домов.

В оазисе было много воды. Город мог прокормить и, главное, напоить десятки тысяч людей. И потому он рос и богател. Здесь скрещивались караванные пути с юга, из Аравии и Египта, с дорогой на Восток. Неудивительно, что влиятельными в городе были люди, носившие, как гласят надписи, титул «начальник каравана» и «начальник рынка».

Легионы Помпея не добрались до оазиса. Это удалось сделать через четверть века Марку Антонию. Но и ему пришлось отступить от стен Тадмора. Прошло еще двадцать лет, и город признал главенство Рима. Бороться один на один с колоссом, покорившим к тому времени все царства Востока, тадморским царям было не под силу. Во времена императора Адриана (начало

II века) Тадмор – уже вассал Рима, и никто не называет его старым именем. Теперь это уже Адриана Пальмира. Так был назван город в честь визита императора Адриана в 130 году. Император Септимий Север превратил Пальмиру и подчиненные ей оазисы в провинциальные империи. А еще через несколько лет Пальмира получила статус имперской колонии.

Однако Пальмира сохраняла нейтралитет в войнах между Римом и парфянами. Как бы ни были плохи отношения между гигантами античного мира, как бы жестоко ни сражались римские и парфянские войска, какие бы угрожающие ноты ни посылали друг другу правительства, римские патриции все равно нуждались в шелке, пряностях и благовониях, а парфянским вельможам нужны были римские товары. И именно здесь в Пальмире, встречались караваны и на базарах царило выгодное для обеих сторон торговое перемирие.

В городе строились громадные храмы, театры, ристалища, бани, дворцы. Римские моды проникали в город, и детям давали римские имена. Но главный храм города все равно оставался храмом Бела, местного, не римского бога, а дети вместе с римским получали и свое, арабское имя. И, пожалуй, самым роскошным и величественным местом города был не форум, как в римских городах, не акрополь, а базар. Он был велик, обнесен колоннадами, и лавки его были похожи на дворцы. Театр города, сохранившийся и сейчас, был не хуже крупнейших театров античного мира. А храм Бела с центральным залом площадью двести квадратных метров уступал разве только храму Юпитера в Гелиополисе. К храму вела грандиозная колоннада – общее число многометровых колонн достигало первоначально 1500, а между ними помещались статуи. К настоящему времени колонн сохранилось чуть более полутора сотен, но с каждым годом их становится больше: Сирийское археологическое управление постепенно восстанавливает рухнувшие колонны, правда, недостающие детали заменяются бетонными глыбами.

Менее известны великолепные гробницы Пальмиры. Они находятся не в самом городе, а разбросаны по окрестным долинам. Некоторые из них представляют собой обширные подземелья, как, например, гробница Трех братьев, другие башнями возвышаются над иссушенной степью, достигая тридцатиметровой высоты. Гробницы разграбили еще в древности, но воров интересовали ценности материальные, духовные волновали их меньше. Поэтому до нас дошли погребальные портреты в пальмирских гробницах. Они не только удивительны как произведения искусства, но и любопытны с психологической точки зрения.

Богатые пальмирцы заказывали свои портреты скульпторам, когда были молоды. Очевидно, впоследствии портреты хранились в домашних святилищах. Оригинал старел, дряхлел, но был спокоен: когда боги после его смерти захотят ознакомиться с внешностью отбывшего в царство мертвых, их взор не будет опечален зрелищем старости и немощи. Один из специалистов, изучавших портреты Пальмиры, писал о них: «Их громадные до нереальности глаза источают потоки жизни. Они несут в себе задачу оживить эти застывшие изваяния. Пальмирского скульптора в человеке интересовало лишь непреходящее».

Пальмирцы не были воинами. Их знаменитые лучники были немногочисленны и в основном несли караульную службу. Иногда они уходили с римлянами в походы, но, как только пропадала в них острая необходимость, возвращались обратно. Они были данью, которую платила Пальмира за право богатеть. Это понимали и римляне и парфяне. Но случилось так, что соседям Пальмиры пришлось переменить свое мнение о жителях оазиса.

В 260 году персидский царь Шаппур I захватил в плен римского императора Валериана, разгромил его легионы и оккупировал большую часть римской Сирии. Персидские войска подходили к пальмирскому оазису, и римляне обратились к пальмирскому властителю Оденату с просьбой о помощи. Верный слову, Оденат собрал свою армию, выступил против персов, разгромил их и гнал до самых ворот персидской столицы Ктесифона. Захватив богатую добычу, пальмирские войска вернулись домой. Не в интересах Одената была затяжная война с Персией, от нее выигрывали только римляне. Однако избежать войны не удалось. Оправившись от разгрома, персы вновь выступили против римлян, и важная роль в победах римских войск опять принадлежала пальмирской армии.

В благодарность новый римский император провозгласил Одената «устроителем всего Востока», вторым человеком в Римской империи. Благодарность была вынужденной. Римляне опасались, что, покинь их пальмирская армия, они потеряют свои владения в Азии. Император Галлиен пошел даже на то, что признал за Оденатом право называться не царем, а императором и сделал его равным себе. Кроме того, Оденат был объявлен командующим всеми римскими легионами в Азии. С этого дня Оденат получил полную власть над Сирией, Аравией и даже Арменией. Пальмира стала первым городом в Азии, столицей Ближнего Востока.

Дружба с римлянами была недолговечной. Рим понимал, какую опасность таит признание равным себе властителя Азии,

но отнимать титул и армию было не за что. Оденат был лоялен. С каждым годом рос его авторитет, росло и могущество. Рим уже не смел объявить его врагом. Оставался проверенный и испытанный путь – убийство.

В 266 году Оденат и его старший сын были приглашены в Эмессу и там предательски убиты. Исполнители-убийцы были не римляне, и из Рима поступили «искренние соболезнования». Римский император скорбел о смерти лучшего полководца Востока. Казалось бы, опасность устранена. Младший сын Одената еще мальчик. Пальмире придется примириться с низведением в ранг второстепенного княжества.

Но римляне не учли одного обстоятельства. Вдова Одената, Зенобия, у которой было и арабское имя Зубайдат, оказалась не только красавицей, но и одной из самых умных и энергичных женщин древности. Она возвела на престол своего младшего сына и объявила себя царицей Востока.

Римляне не сразу осознали опасность. Царица была еще молода, да и вряд ли армии Одената пойдут в бой под предводительством женщины. Надо было ждать, что скажут оба пальмирских военачальника – Заббей и Забда. Военачальники присягнули на верность прекрасной царице. На ее сторону перешла и армия.

Римские гарнизоны бежали из сирийских городов. Пальмирская армия шла мстить за предательски убитого царя.

Три года продолжалась борьба пальмирцев и их союзников со всей громадной военной машиной Римской империи. Зенобия во главе своих войск завоевала всю Сирию и Палестину, покорила Египет и почти всю Малую Азию. В 270 году римские гарнизоны отступили в район современной Анкары. Сын Зенобии был коронован царем Египта, и до наших дней дошли его монеты, которые отличались от римских: на них не было профиля императора.

Борьба Зенобии против Рима облегчалась тем, что многие жители покоренных римлянами стран встречали пальмирские войска как освободителей и присоединялись к отрядам Зенобии.

Но как ни была отважна царица, исход войны был предопределен. Во все времена исход войн решала в конце концов экономика, а не отвага военачальников. Пальмирских сокровищ не хватало на то, чтобы накормить многочисленных союзников. Да, впрочем, и союзники не были всегда верны и надежны. Одних римляне подкупили, других припугнули, третьих разгромили. Обширная территория, захваченная Зенобией, была конгломератом различных, часто враждующих между собой государств, и верные царице отряды были разбросаны на тысячи

километров.

После нескольких битв армия Зенобии под командованием Забды потерпела поражение под Антиохией, а в следующем, 272 году остатки войск были разбиты под Эмессой, там, где за шесть лет до этого погиб Оденат. В том же году пала Пальмира.

Гордая арабская царица бежала в пустыню. После долгой погони римляне все-таки схватили ее, и когда император Аврелиан вернулся в Рим, то ее, закованную в золотые цепи, провели перед колесницей императора.

Но перед тем как вернуться в Рим, Аврелиану еще раз пришлось побывать в Пальмире. Не успели его войска, увозившие пленную царицу, дойти до берега, как римлян настигло сообщение, что Пальмира восстала и сторонники царицы снова захватили там власть. Аврелиан вернулся в город, во второй раз взял его, сровнял с землей городские стены, разрушил часть храмов и полностью разграбил столицу оазиса. Все сокровища храма Бела вывезли в Рим и передали храму Юпитера.

Пальмира, дома и храмы которой были разрушены, а жители или перебиты, или уведены в рабство, в одну ночь опустела. Но у римлян не было взрывчатки, и потому им пришлось оставить нетронутыми большие храмы, театры, базар, триумфальные арки и колоннады. К Пальмире никогда уже не вернулось былое величие. Но за тысячу семьсот лет, прошедших с того времени, она не изменилась. Сухой воздух пустыни сохранил ее почти такой же, как в тот день, когда последний римский легионер покинул ее развалины. Имя этого города, куда так и не возвратились жители, осталось синонимом красоты, и человек, попавший туда сегодня, вступив на камни мертвых мостовых, навсегда останется в плену прекрасного видения посреди сирийской пустыни.

Нимруд-Даг

Четыре бога и Антиох

Весной 1097 года шестьдесят тысяч крестоносцев, собравшихся со всей Европы, подошли к Гераклею. У Гераклеи крестоносцев поджидала турецкая армия. Отважный Боэмунд во главе норманнов бросился на язычников. Перед широким строем рыцарей турки дрогнули и оставили поле боя. Путь в Сирию, к Иерусалиму, был открыт.

Вечером, после боя, вожди крестоносцев собрались на совещание в шатре Адемара, епископа де Ле Пю, личного представителя папы. Обсуждался один вопрос: как идти дальше?

Двери шатра были открыты, чтобы пропустить свежий вечерний воздух. Неподалеку негромко пели норманны. Армия стояла на отдыхе: впервые за весь поход по Малой Азии крестоносцы оказались среди единоверцев-армян. Пищи и вина здесь было вдоволь.

Кратчайший путь на юг лежал через Киликийские ворота, через горы Тавра. Если пойти этим путем, можно выиграть несколько дней, но рискуешь потерять армию: именно в ту сторону отступили турки, и в узком ущелье даже небольшой турецкий отряд мог остановить рыцарей.

Епископ Адемар советовал крестоносцам направиться на север, к Цезарее, через армянские дружественные поселения Каппадокии, к христианам долины Гореме, к верховьям Евфрата, к Эдессе. Агенты византийского императора донесли, что турецких крупных отрядов в тех местах нет.

Предложению этому неожиданно воспротивился Танкред, племянник Боэмунда, предводитель норманнов из Южной Италии.

– Мы не имеем права бояться сарацинов, – бушевал он на совете. – Один раз убоявшись, мы предадим дело господина. Иерусалим не может больше ждать!

– Гроб господень ждал тысячу лет, – заметил негромко разумный Раймонд Тулузский, друг византийского императора. Раймонд был богаче других вождей, его графство во Франции приносило ему больше дохода, чем владения всех остальных рыцарей, вместе взятых, и Раймонду не нужна была своя империя на Востоке.

Танкреду империя была нужна. Хоть самая маленькая. Племянник правителя, каким бы отважным он ни был, не мог надеяться на земли в Европе. Танкред хотел обогнать спутников и первым ворваться в сирийские города.

Через несколько дней, проводив основную армию на север, Танкред со своими норманнами, сметая на пути турецкие заслоны, кинулся на юг, к Киликийским воротам, и благополучно миновал их. Вскоре, рассорившись с остальными вождями крестоносцев, к Киликийским воротам повернул и Балдуин, младший брат Готфрида Бульонского, потомок Карла Великого, белокурый красавец, авантюрист и любимец рыцарей. Он увел с собой фламандцев и лотарингцев.

Основная армия долго шла по горным долинам, останавливаясь на постой в гостеприимных армянских деревнях и обирая эти деревни. Однако агенты византийского императора, сообщая о легком и приятном пути, забыли почему-то сказать о перевалах в горах армянского Тавра.

«Мы вошли в дьявольские горы, – писал летописец об этом последнем переходе перед равниной, – они были настолько высоки и круты, что ни один из нас не осмеливался вступить на тропу ранее других... лошади падали в пропасть.

Благородные рыцари били себя кулаками в грудь в великой тоске и печали, не зная, что еще уготовила им судьба, и, чтобы облегчить себя, продавали щиты, мечи, шлемы и латы за самую малую цену. А те, кто не смог продать, выбрасывали тяжелые вещи».

В этих горах погибло больше крестоносцев, чем во время осады Антиохии и при штурме Иерусалима. Наконец стены ущелья разошлись, и армия крестоносцев, потрепанная, будто после долгой битвы, вышла на отроги армянского Тавра, в некогда плодородную, но за последние столетия опустевшую и высохшую долину исчезнувшего царства Коммагены. На востоке, над горами невысокого хребта, поднимался серебряный правильный конус.

– Нимруд-даг, – сказали проводники. – Гора Нимруда. Священное место.

– Сарацинское?

– Нет. Там незнакомые боги.

Раймонд приказал рыцарям добраться до горы.

Рыцари спешили. Им хотелось вернуться в лагерь засветло. Священная гора с серебряной вершиной стояла в отдалении от хребта. Они долго ехали старой, заросшей тропой, потом неожиданно тропа расширилась, обнаружив древнюю мощеную дорогу. Дорога уперлась в большой каменный мост. Он был, видно, построен очень давно. Увязавшийся с рыцарями Петруш-пустынник, генерал без армии (собранные им в Европе отряды бедняков были уничтожены турками у Босфора), сказал, что мост римский.

За мостом дорога снова пропала. Путь к горе Нимруда шел мимо покинутых полей, высохших каналов и редких нищих деревень.

Рыцари не добрались до богов. Узкая тропинка была завалена обломками скал. К тому же темнело, и рыцари опасались, что их могут заметить сарацинские разъезды. Снизу при свете заходящего солнца они заметили у серебряной вершины маленькие издали фигурки, сидящие в ряд на террасе...

Через несколько лет эту гору увидел белокурый красавец Балдуин. Он все-таки добыл себе восточное царство. Отделившись от остальных сил крестоносцев, он с отрядом фламандцев ушел к востоку и, захватив Эдессу, основал в ней христианское государство.

Эдесса стоит на Евфрате, неподалеку от горы Нимруда. В одном из своих походов Балдуин добрался до вершины горы. Там и в самом деле сидели в ряд пять идолов. Головы трех из пяти валялись среди обтесанных глыб у подножия террасы. Идолы не были сарацинскими: мусульмане не изображали людей, подчиняясь запрету Корана. Не были статуи и христианскими. Лица их были спокойны, величавы и дьявольски прекрасны. Балдуин приказал разрушить святилище идолов, но его подданные не смогли справиться с этой работой. Они только сшибли с плеч трехметровую голову молодого красавца в высокой конической шапке. Потом ушли...

Прошло еще восемь веков. Пало царство Балдуина, разрушились и опустели замки крестоносцев, построенные на берегах Средиземного моря, и только в 1882 году Нимруд-даг вновь открыли, но уже ученые. Святилище увидели и начали раскапывать немецкие и турецкие археологи, однако эти раскопки были вскоре прерваны. Труднодоступность горы, отсутствие воды и, главное, богатых находок отпугнули археологов.

Снова на семьдесят лет опустели эти места. Наконец в 1953 году сюда прибыла тщательно подготовленная американская экспедиция под руководством геолога Терезы Гелл, которая проводила раскопки и расчистку удивительного памятника в течение пяти сезонов. Теперь многие тайны святилища раскрыты, хотя одна тайна, может быть самая интересная, еще ждет своего исследователя.

...Когда экспедиция 1953 года отправилась в путь из маленького турецкого городка Самсата, лежащего у подножия Нимруд-дага, Тереза Гелл уже отлично знала, что она будет раскапывать. Четырнадцать лет подготовки к работе позволили ей узнать все, что было возможно, и о святилище, и о государстве, и о властителе, создавшем это чудо света.

Тихий Самсат не всегда был таким невзрачным городком. На рубеже нашей эры он назывался Самосатой и был столицей небольшого богатого торгового государства Коммагены, которое, как Пальмира и Петра, выросло на торговых путях с запада на восток, из Римской империи в Индию.

Коммагена располагалась на берегах Евфрата, господствуя над одной из переправ через реку. Здесь, где отдыхали после долгого пути через горы караваны из Греции, Сирии и Персии, поселились купцы-перекупщики, лодочники, чиновники персидского двора. Город рос и богател, и уже его купцы сами снаряжали караваны во все стороны света.

Когда рухнула под ударами Александра Македонского персидская держава, а затем распалась недолговечная империя, созданная Александром, Ближний Восток и Центральная Азия превратились в клубок маленьких и больших царств и империй. Одним из них стала независимая Коммагена, в которой пришла к власти династия смешанного греко-персидского происхождения.

Впоследствии Коммагена стала буферным государством между Римской империей и Парфянским царством.

Она была желанной добычей и для той и для другой стороны, но все-таки долгое время сохраняла самостоятельность, играя на противоречиях между сильными соседями, торгуя и с теми и с другими, угождая и тем и другим.

Евфрат был источником для орошения, многочисленные каналы прорезали долину, ограниченную с севера горами Тавра, за которыми начинались владения армянских царств. К югу и востоку раскинулись необъятные земли Парфянского царства, а на западе, по побережью Средиземного моря, – сирийские колонии Рима.

Властители Коммагены – гордые и хитрые потомки великих государей – в течение нескольких веков балансировали между враждующими колоссами, и в 64 году до нашей эры царь Коммагены Антиох даже сумел заключить договор с Помпеем, по которому римляне обещали сохранить неприкосновенность торгового царства. И прошло еще более ста лет, прежде чем в 72 году нашей эры Рим все-таки присоединил Коммагену и включил ее в качестве одной из провинций в свои границы. Но и после этого Коммагена еще некоторое время продолжала процветать и купцы ее отправляли караваны в Индию и Армению.

Потом, с падением Рима и исчезновением торговых путей, Самосата потеряла свое значение, и ожила эта местность только однажды, когда в соседней Эдессе обосновался со своими рыцарями Балдуин. Говорят, что и сейчас в тех местах нередко можно встретить светловолосых и голубоглазых крестьян –

потомков крестоносцев.

Коммагена еще мало исследована, но одно очевидно: этому государству повезло. Торговый перекресток древнего мира – это и место встречи культур. Коммагена оказалась именно той точкой, где столкнулись и перемешались культуры западного и восточного мира – Греции, Рима и Персии, Парфии, Двуречья.

Вряд ли искусства процветали в этом маленьком царстве, население которого состояло преимущественно из крестьян и торговцев. Но однажды, когда этому благоприятствовали обстоятельства, Коммагена родила большое произведение искусства, ценное вдвойне, потому что оно родилось в стране-лилипуте и в то же время осталось уникальным, не имеющим ни в одной стране мира прототипов или аналогий.

Виной всему – необузданное тщеславие царя Антиоха, правителя Коммагены. По материнской линии молодой царь был потомком Александра Македонского, со стороны отца происходил от персов, принадлежал к славной династии Ахеменидов.

Царь был молод и горд. Он искренне считал себя личностью совершенно исключительной, объединившей в одном лице Дария и Александра и рожденной для великих дел и бессмертия.

Но как реализуешь гордые мечты, если все твои подданные – несколько тысяч крестьян и торговцев? Они не склонны к ратным подвигам, и соседей с ними не покоришь: одного римского легиона достаточно, чтобы стереть с лица земли царство Антиоха.

Царь проезжал по шумным узким улочкам своей столицы, и купцы послушно падали ниц... А жизнь шла...

И Антиох объявил себя богом.

Подданные восприняли новость сдержанно. Они, правда, не стали возражать. Подчиняться просто царю или бессмертному царю – практически безразлично.

Пантеон коммагенских богов был довольно сложным. С одной стороны, греки принесли с собой культ Аполлона, Зевса, Фортуны. С другой – население поклонялось и персидским богам – Митре, Ахуре. Больше того, объединяясь, эти боги приобретали дополнительные имена, и почти каждый бог представлял собой сразу нескольких. Это было очень удобно и жителям торгового царства, которым некогда было углубляться в теологические вопросы, и немногочисленным жрецам, которые с каждого бога получали мзду и от поклонников его первого имени, и от поклонников второго, и от поклонников третьего.

Царь Антиох, после того как ему удалось договориться с римлянами, чтобы они оставили в покое его владения, причислил себя к пантеону основных богов. Теперь это событие следовало запечатлеть в веках.

Царь пошел на большие жертвы. Он заложил часть своих владений, продал фамильные драгоценности, собрал внеочередные налоги и приказал начать возведение на горе Нимруда, которая возвышалась над Самосатой, святилища всем богам. Царь заранее даже придумал надпись для своего святилища. Она должна была гласить: «Я, Антиох, возвел этот храм, чтобы восславить себя и моих богов».

И вот началось строительство удивительного святилища, посвященного богам Европы и Ближнего Востока и одному жаждущему славы живому человеку, человеку нестарому, энергичному, но не знающему, куда приложить свою энергию.

На вершине горы Нимруда, которая поднимается на две тысячи метров, были высечены в скалах три террасы, каждая шириной в несколько метров. На верхней террасе поставлены в ряд пять колоссов размером с пятиэтажный дом. Они так велики, что головы их превышают пять метров в высоту. Террасы украшены барельефами, изображающими самого царя, его предков и их настоящие и вымышленные подвиги, а также гороскопы, по которым ученым удалось узнать, что сооружение святилища началось в 62 году до нашей эры.

Террасу берегли статуи львов и орлов.

Когда строительство было завершено, царь приказал провести к святилищу мощеную дорогу и «отныне и во веки веков» два раза в месяц совершать всем народом торжественные богослужения у статуй: десятого числа каждого месяца – в честь вступления бога Антиоха на престол и шестнадцатого – в честь его дня рождения.

Некоторое время жители столицы, правда далеко не все, покорно карабкались на гору, удивляясь очевидно, почему это богу захотелось избрать своей земной резиденцией именно их маленькое мирное государство и гонять в гору своих земных подданных. А потом... Что было потом, никому не известно. И неизвестно даже, когда же в последний раз прошла на гору процессия, возглавляемая жрецами. То ли царь умер, то ли он и в самом деле был бессмертен и, когда ему надоела Коммагена, ушел править к себе на небо. Тогда жители Коммагены похоронили его бранный прах на вершине, воздвигнув над усыпальницей сверкающую пятидесятиметровую мраморную пирамиду, и понемногу забыли об Антиохе и его причудах.

...Путь к святилищу нелегок. Ранним утром археологи Терезы Гелл пересекли у деревни Эсикарфа прекрасно сохранившийся мост римского императора Септимия Севера и миновали Карак – курган-гробницу цариц династии Антиоха, которую охраняют сидящие на колоннах каменные орлы. Здесь похоронено восемнадцать цариц. Статуи их стояли раньше на колоннах у

кургана. Теперь из них сохранились только две.

За гробницей начинается восхождение на горную цепь армянского Тавра. Нимруд-даг четко выделяется на фоне других гор геометрической правильностью своих очертаний. Восхождение очень сложно и утомительно. Жара сбивает дыхание, камни обрываются вниз с узкой тропинки. И вдруг за очередным поворотом показывается святилище, величественное даже сейчас, через две тысячи лет. Под сверкающим белым конусом пирамиды сидят на верхней террасе пять статуй. Только у одной из них сохранилась голова. Это счастливая Фортуна. Остальные статуи потеряли головы; за две тысячи лет землетрясения неоднократно заставляли вздрагивать вершину горы, воины чужих армий старались разрушить непонятное, а потому враждебное святилище.

Основные статуи, рельефы и фигуры зверей выполнены замечательными мастерами; царь Антиох не жалел денег на лучших скульпторов и архитекторов Персии и Рима. А может быть, нашел среди своих немногочисленных подданных? Об этом мы никогда не узнаем. Царь оставил надписи и о себе, и о своих предках, но имен художников нет нигде.

Экспедиция археологов, работавшая на вершине горы в поистине тяжелейших условиях: днем температура поднималась до пятидесяти градусов, ночью падала ниже нуля, без воды, без единого клочка тени на много километров вокруг, за пять сезонов расчистила полуразрушенное святилище, освободила от обломков террасы и поставила шесть валявшихся на земле громадных голов: четыре – богов и две головы охранителей святилища – льва и орла.

Головы богов, стоящие на террасе рядом со своими телами, похожи на чудо-голову из «Руслана и Людмилы», особенно голова Зевса-Ахурамазды – отца богов. Короткая борода его кольцами обвивает подбородок, и глаза из-под высокой персидской шапки смотрят отрешенно вдаль. Рядом голова бога Антиоха, молодого еще, красивого и тоже одетого в высокий персидский колпак – тиару. Лицом он похож на Александра Македонского, тиара же говорит о том, что он принадлежит к роду Ахеменидов. Чуть подальше – голова бога Солнца Аполлона-Митры-Гелиоса-Гермеса (пожалуй, это самый сложный из богов – он объединил в себе сразу четыре имени) и, наконец, голова полубога, любимого героя Антиоха, Геракла-Артагна-Аресы. Лица всех статуй выполнены по канонам эллинистического искусства, но все боги, начиная с отца богов Зевса и кончая Антиохом, несут на головах высокие персидские колпаки – тиары.

Экспедиция археологов закончила свою работу. В результате

пятилетнего труда раскопано и приведено в порядок самое малоизвестное из чудес света. Но, несмотря на то что археологи покинули вершину горы, осталась неразгаданной одна из тайн Нимруд-дага. Не разгадана тайна пятидесятиметровой пирамиды. Зачем поставили ее? В самом ли деле там погребен Антиох, как предполагала Тереза Гелл, обнаружившая у святилища надпись, которая гласит: «Высочайшую вершину являет тот, кто находится рядом с небесным тронном Зевса»?

Экспедиция попыталась пробиться к центру пирамиды, но глыбы разъехались, и обвал скрыл начатый туннель. Пришлось отступить. Никто не знает, что таится под пирамидой.

Некоторые из загадок Коммагены смог разрешить коллега Терезы Гелл, немецкий археолог Дорнер, ведущий в последние годы раскопки на соседней горе. Археолога заинтересовало название, которое дали этой горе местные жители: «Эскикале», т. е. «старый замок». На вершине горы никакого замка не было, но, когда Дорнер стал исследовать вершину горы, он увидел на одной из отвесных скал следы надписи.

Когда скалу расчистили, под слоем пыли, грязи и патины оказалась одна из самых больших, если не самая большая в мире греческая надпись – свыше семи метров длиной и трех высотой. Больше того, надпись была делом рук Антиоха. С неутомимым тщанием и пристрастием к деталям Антиох сообщал в ней, что его отец Митридат избрал данную вершину в качестве собственного святилища и потому все жители Коммагены должны ему поклоняться. Далее описывалось, как они должны это делать, включая такие подробности, как выбор благовоний для сжигания на алтаре и еда для паломников.

Дорнер с помощью присоединившейся к нему Терезы Гелл раскопал поблизости от надписи четырехметровый барельеф, прекрасно сохранившийся и выполненный с высокохудожественным мастерством. Барельеф изображает двух коренастых мужчин, одного совершенно обнаженного, с суковатой дубиной в левой руке, другого, пышно одетого, со скипетром в руке, в персидской тиаре и странной смеси греческих и персидских элементов в одежде. Мужчины дружелюбно пожимают друг другу руки. Барельеф, следовательно, изображает личную встречу Митридата и Геракла. Внешне Митридат очень сходен с Гераклом.

Продолжая раскопки, археологи нашли вход в подземный зал, который был полностью разграблен римлянами в 72 году, когда их легионы покончили с независимостью страны. Должно быть, здесь и находился храм Митридата.

И еще одна находка ждала археологов на Старом замке –

голова статуи, изображавшей прекрасную женщину, чья высокая переносица и полные чувственные губы, унаследованные сыном, подтверждают предположение Дорнера, что это статуя матери Антиоха – царицы Лаодики.

Наконец, последнее из недавних открытий, связанных с Коммагеной, было сделано далеко от ее гор. Американский ученый Отто Нойгебауэр, исследуя фотографию одного из львов – хранителей святилища Антиоха, обратил внимание на изображения звезд и планет на скульптуре. Под планетами были по-гречески начертаны их названия. Сочетание Юпитера, Меркурия и Марса позволило точно определить время изготовления этого льва, следовательно, и время сооружения святилища. Именно такое расположение планет соответствует июлю 62 года до нашей эры.

Петра

Розовый город Моисея

В начале прошлого века Османская империя еще крепко держала в руках Ближний Восток. Европейские путешественники, пробравшиеся в глубь турецких владений, рисковали головой. И все-таки интерес к восточным странам, вспыхнувший в Европе с экспедицией Наполеона в Египет, был настолько велик, что все новые и новые путешественники, шпионы, миссионеры высаживались в ливанских и сирийских портах и вместе с караванами, переодетые мусульманскими купцами, дервишами, пилигримами, старались пробраться к Мексике, Медине и к забытым, сказочным городам пустыни, упомянутым в Библии, но которых со времени падения Римской империи не видел почти никто из европейцев.

Пилигримом, чернобородым и оборванным, был и Иоганн Буркхардт, швейцарский путешественник, решивший в 1812 году пройти с караваном от Дамаска до Каира. Он изучил арабский язык, безукоризненно совершал намаз и ученостью мог поспорить с любым муллой. Правда, это не спасло его от всевозможных роковых случайностей долгого пути, и несколько раз жизнь его висела на волоске. Религиозные фанатики, узнав, что среди них – «неверный», не стали бы везти его до ближайшего города, чтобы отдать в руки судей; смерть в пустыне – частый спутник караванов, и вряд ли кто-нибудь заметил бы, что одним пилигримом стало меньше.

Высушенные солнцем Синайские горы однообразны и бесконечны, и колодцы, наполненные горьковатой водой, настолько далеки друг от друга, что, иссякни один из них, каравану никогда не дойти до следующего. Швейцарец внимательно читал Библию – именно здесь проходил путь евреев, шедших с Моисеем из Египта. Здесь, среди серых скал и каменистых осыпей, голодали, мучились от жажды, умирали усталые беглецы.

Но здесь ли? Могли ли люди выжить в этой каменной пустыне?

– Завтра придем в Вади-Муса, – сказал начальник каравана.

– Там дневка?

– Нет, мы разобьем лагерь вон в той долине. Там есть источник.

Зеленое пятно у подножия горы подтверждало слова караван-баши.

Иоганн знал о том, что караван пройдет через долину

Моисея. Может быть, там сохранились следы пророка. Но как покинуть караван, чтобы не возбудить подозрений?

Что за гора выше других и круче вырастает впереди? Швейцарец узнал ее. Об этой горе не раз он уже слышал и в Дамаске, и по пути сюда. Это священная гора мусульман, гора Гаруна, на которую не смеет подняться никто, кроме правоверного мусульманина.

Когда развьюченные верблюды улеглись в скудной тени деревьев, а караванщики собрались в кружок у костра, чернобородый пилигрим подошел к начальнику каравана.

– Я хочу подняться на гору Гаруна, – сказал он.

– Это трудно.

– Я хочу принести в жертву Гаруну козу. Я дал такой обет еще в Дамаске.

– Твое дело, – сказал караван-баши. – Только к ночи будь здесь. На рассвете мы идем дальше.

Коза громко блеяла, напуганная тишиной мрачных скал, и натягивала веревку. Буркхардт едва смог дожждаться, когда скроется лагерь. Вот наконец тропа свернула за большой камень. Ну, иди же, несчастная, не все ли равно, как тебе погибать – то ли принести тебя в жертву Гаруну, то ли шакалам. Ага, тут нас с тобой уже не увидят.

Швейцарец зарезал козу, спрятал ее в маленькую пещерку и прибавил шагу. Солнце поднялось высоко, длинный халат пилигрима стеснял движения, а фляга с водой тяжело ударяла по ноге.

Путник вскоре оставил тропинку, ведущую к серой горе, и поспешил вниз, к темнеющей среди скал расщелине. За ней скрывался Синай, библейский город. Расщелина – Сик – та самая скала, расщепленная посохом Моисея, откуда хлынула вода. Так говорили караванщики, которые уже не первый раз проходят по этим местам. Правда, мало кто из них заглядывал в страшную расщелину...

Наверно, посох Моисея был суковат, подумал путешественник, черная расщелина с двадцатиметровыми обрывами была узка и извилиста. В тени скала оказалась влажной – по каплям пробивался родник, и несколько кустиков повисло на стене. Дно расщелины – плоское, усыпанное камнями, некоторые чуть обкатаны, – говорило о том, что и в самом деле по расщелине когда-то текла вода.

Внезапно ущелье окончилось, и перед путешественником открылся волшебный город. Город был розовым, желтым, охристым, голубым – разноцветные скалы незаметно переходили в дома, украшенные колоннами и пышными портиками, и скалы,

нависшие над городом, чернели четырехугольниками окон и дверей, будто жители только что ушли отсюда, забыв закрыть их за собой.

Но первое впечатление оказалось обманчивым. Город был мертв давно и окончательно. Усталые плитами мостовые были завалены щебнем, фонтаны и бассейны пусты и пыльны, капители и стены домов и храмов выщерблены жестоким горячим ветром.

Иоганн остановился перед двухэтажным зданием. Оно сохранилось почти полностью, лишь одна колонна упала наземь. С первого же взгляда было ясно, что здание построено под сильным влиянием римской архитектуры, если не самими римлянами. Именно такими, думал Иоганн, были дворцы Рима. Но поражала одна черта всех зданий. Все они – и дворцы, и храмы, и даже гробницы – были вырублены в скалах, все были цельными, монолитными.

Здания были неглубоко врезаны в скалы, иногда только тщательно обработанный фасад создавал иллюзию дворца; за ним же, кроме небольшой ниши, ничего не оказывалось. Получался театр – город-декорация, который какой-то шутник, не пожалев долгих лет труда, вырезал для собственного удовольствия.

Не все фасады напоминали римские. Буркхардт натолкнулся на целую улицу строений, похожих на египетские храмы. Другие были вообще незнакомой архитектуры, не встречавшейся путешественнику раньше.

Но вот стали попадаться и настоящие дома, тоже вырезанные в скалах. Дома были двухэтажные, и на второй этаж подниматься надо было, очевидно, по лестнице. Лестниц не сохранилось.

Во всем городе Буркхардт увидел только два сооружения, стоящие самостоятельно: небольшой храм и триумфальную арку римских времен. Храм, полузасыпанный щебнем, вылезал из земли круглым куполом. Если он относился к римскому времени, то, значит, это одно из первых купольных зданий в мире.

Солнце садилось, и надо было возвращаться. Путешественнику еще хотелось подняться на одну из окружающих скал: там могли остаться следы пребывания Моисея. Хотя Буркхардт уже не был уверен, что именно древние евреи основали этот город и жили здесь.

Буркхардт остановился в амфитеатре. Нижние ряды и сцена были засыпаны землей, но все равно нетрудно было представить себе этот театр, заполненный народом. Путешественнику даже стало как-то не по себе. Он был в пустом, много столетий пустом городе, и вдруг ему показалось, что тени законных хозяев этого таинственного места сейчас появятся здесь.

...Чернобородый человек в длинной одежде пилигрима

заспешил к выходу из города, к узкому ущелью. Заходящее солнце красило стены сказочных дворцов в алый, кровавый цвет, и стены эти сходились все ближе, стараясь поглотить незваного пришельца. Последние два километра Буркхардт бежал по извилистому ущелью, и ему чудились сзади чьи-то тяжелые шаги...

Караванщики встретили пилигрима шутками. Уж очень был он изможден и сер, будто неделю бродил без воды в пустыне.

Отчет Буркхардта о городе Моисея был опубликован только через десять лет, уже после смерти самого путешественника. И как ни короток он был, сразу вызвал интерес к таинственному городу в Синайской пустыне. О городе говорили, писали, строили догадки. За Буркхардтом последовали другие путешественники, историки обратились к древним рукописям, и разгорелся яростный спор.

Сторонники библейской версии уверяли, что этот город, называемый римлянами Петрой, – тот самый Синай, который упоминается в Библии (Петра по-гречески «скала»). Именно здесь останавливались евреи во время исхода, и это ими построен таинственный город. Найдены были и документы, в которых говорилось, что Фулчер, капеллан и хронист короля крестоносцев Балдуина I, побывал там в 1101 году и также считал, что город и есть Синай.

Но чем больше людей бывало в городе, найденном Буркхардтом, чем больше находилось документов, относящихся к истории Петры, тем слабее становились позиции сторонников библейской версии. И уже первые раскопки в начале нашего века полностью разрушили позицию библеистов. Петра никакого отношения не имела ни к Моисею, ни к исходу евреев из Египта. В начале VI века до нашей эры в Синайские горы перекочевало арабское племя набатеев. Пришельцы с севера вытеснили оттуда племя эдомитов. Главный город эдомитов, Села, находился в оазисе. Скрытый горами, в стороне от торговых и военных путей, богатый родниковой водой, этот оазис оказался идеальной крепостью, так как единственный путь, ведущий туда, – Сик, двухкилометровую щель в скалах, могли защитить несколько солдат. Впоследствии набатеи покорили соседние племена и распространили свою власть на весь район Синайских гор. Села превратилась в крупнейший торговый центр на пути из Южной Аравии к Сирии и Ливану. К 312 году до нашей эры набатеи стали настолько сильны, что им удалось отразить два военных похода, предпринятые против богатого горного царства Антигоном, царем Сирии, наследником Александра Македонского. Набатеи были союзниками египетских Птолемеев,

а впоследствии Рима, и их войска участвовали в походе римского императора Галла против Аравии. Юлий-Цезарь просил царя набатеев Малика прислать кавалерийский отряд для египетской войны. Столица их стала известна во всем мире под именем Петры.

Вершины своего могущества набатейское царство достигло на рубеже нашей эры, когда границы его достигали Дамаска. Однако набатеи не могли противостоять Риму. Вслед за покорением Сирии и Палестины настала очередь и Петры. Последние независимые цари Петры оборонялись еще в течение нескольких десятков лет, используя в качестве укреплений окружающие ее горы, но в конце концов вынуждены были сдаться. В 105 году император Траян захватил Петру, царство набатеев подчинилось Римской империи.

Это не значило, что Петра полностью потеряла самостоятельность. Римляне были заинтересованы в том, чтобы маленькие царства вроде Петры, Пальмиры и Коммагены сохранили определенную автономию, прикрывая восточные владения Рима от воинственных соседей. Петра служила заслоном в первую очередь от парфян и от кочевых бедуинских племен, нападавших на караваны и угрожавших обширной торговле Рима с Востоком.

Набатеи принадлежали к арабским племенам, а писали они на арамейском языке, который был латынью тех мест, и именно их письменность, развившаяся из арамейской, послужила основой современной арабской письменности. Наибольшего расцвета Петра достигла в годы римского господства. Почти каждый караван, шедший из Аравии, останавливался в городе, где было много воды: все ручьи и родники окрестных гор тщательно учитывались, и ни капли влаги здесь не пропадало даром. В многочисленных цистернах и водоемах круглый год хранилась свежая, чистая вода – богатство более ценное, чем золото.

Очевидно, первые обитатели города Селы жили в пещерах: скалы из мягкого песчаника хорошо поддавались обработке, а дерево в этих местах почти не встречается. Город не мог разрастаться в ширину: скалы надежно окружали тесную долину, а вершины их были заняты святилищами, древними алтарями. Приходилось врубаться в скалы.

Скотоводы-эдомиты жили в пещерах. Им недосуг было думать о том, красива ли эта пещера, главное – в ней тепло зимой, когда горит костер, и прохладно в жару.

Черными языками полосовали скалы мазки копоти: дым стлался, выходя наружу.

Набатеям хотелось сделать столицу красивой. Сначала

украшали могилы: ассирийские и египетские пилоны и гладкие стены – спрямленный откос скалы. Потом кто-то вырезал портал над дверью в пещеру. Появился первый пещерный храм...

Самые великолепные сооружения в городе – храмы и роскошные гробницы царей, римских губернаторов, богатых купцов. Здесь бывали купцы со всего мира, и неудивительно, что набатеи, которые и сами не любили сидеть дома, отлично знали о том, как и что строится в других странах. Поэтому в течение столетий стиль скальных зданий менялся от лаконизма Египта и Ассирии до изысканных и пышных храмов позднего Рима и Византии.

С падением Рима замерли оживленные торговые пути, потеряла свое значение и Петра. В ней еще жили два-три столетия после гибели Рима, и здесь даже находилась резиденция византийского епископа, но уже ко времени крестоносцев Петра была полностью забытым и мертвым городом. Родники и источники, за которыми никто не следил, постепенно оскудели и высохли, и пустыня поглотила оазис. И только легенды о том, что в этих местах Моисей разрубил посохом гору и здесь останавливался со своим народом, отдыхая от долгого пути, сохранялись среди редких кочевников, пораженных величием города.

Сегодня Петра не так недоступна и далека, как во времена отважного швейцарца. От Аммана сюда проложена дорога, и время от времени восторженные толпы туристов заполняют мостовые Петры, фотографируются на фоне колонн царских гробниц и на ступенях театра. За последние годы археологи расчистили основные улицы города, раскопали алтари и храмы на вершинах окрестных холмов, поставили на место упавшие колонны и подновили триумфальную арку. И все-таки в городе еще хватит работы не одному поколению археологов и истисковедов.

Когда туристы подходят к Сику, их предупреждают: будьте осторожны. Петра не всегда охотно впускает гостей. Нет, не духи давно погибших набатейских солдат стерегут проход в скалах. Сама природа, раньше покорная людям, стала мстительной и коварной. Если в горах выпадет ливень, что хотя редко, но случается, вода стекает вниз, к Петре. Раньше здесь были водоемы и цистерны, которые разбирали, укрощали воду, как бы много ее ни было. Теперь же поток, смешанный с камнями и грязью, бросается к Сику – единственному выходу из котловины. Путник, оказавшийся там в это время, обречен на смерть. Пятиметровая стена воды внезапно, без всякого предупреждения заполняет ущелье, и некуда податься, некуда бежать от потока:

стены отвесны. Так погибла недавно на пути к Петре большая группа туристов.

Но дожди выпадают редко, очень редко. «Розовый город, старый, как само время» – так писал один английский поэт о нем сто лет назад. Город нерушимый, как скалы, в которых он вырублен, стоит памятником маленькому народу, любившему и понимавшему красоту.

Хадрамаут

Города небоскребов

Некоторые лингвисты уверяют, что слово «хадрамаут» можно перевести как «присутствие смерти». Может быть, это и не так, но вряд ли на Земле найдется пустынная, суровая местность, менее приспособленная для жизни людей, чем каменистые долины Южной Аравии – Аравии феликс, «Счастливой земли», как называли ее древние греки, которые знали о ней понаслышке от водителей караванов, привозивших оттуда благовония и экзотические ткани.

Путник, пробирающийся к Хадрамауту от Адена, должен заранее подготовиться к трудному пути. Сейчас, правда, в тех местах появились кое-какие дороги и до некоторых городов Хадрамаута можно добраться на машине, но еще несколько лет назад караваны, уходившие в Хадрамаут, нанимали солидную вооруженную охрану и запасались водой и пищей. В пустыне могли встретиться шайки разбойников, организованные каким-нибудь шейхом, не видевшим в разбое ничего порочающего настоящего воина.

От колодца к колодцу, обозначенному редкими деревьями и невысокими бедуинскими шатрами, мимо кладбищ, похожих издали на россыпь камней, по откосам сухих, рыжих скал, по высохшим руслам селевых потоков, минуя башни редких деревень, – сквозь весь этот враждебный и негостеприимный мир трутся редкие караваны. На песчаных и каменистых равнинах нередко миражи: путники видят зыбкие картины небесно-голубых озер, деревень с финиковыми пальмами вокруг...

Но как оказался здесь мираж, поднимающийся в конце равнины у обрывистых гор: ряды небоскребов, белых и розовых, созданных размашистым талантом современного архитектора?

И караванчики, равнодушные к привычным миражам, оживляются, прибавляют шаг и начинают поторапливать верблюдов.

– Шибам, – разносится по каравану. – Впереди Шибам.

...На самом краю света, в безводных и диких горах Южной Аравии, непроходимой пустыне в двухстах километрах от Персидского залива, стоит город небоскребов, невероятный, но тем не менее живой, существующий уже несколько сот лет, имеющий собственного султана, базар и рощи финиковых пальм. Это самые удивительные из миражей в мире – он существует.

Прошлой Аравии феликс далеко еще не изучено. В наши дни там работают экспедиции археологов, которые стараются

распутать длинную и сложную историю многочисленных государств, существовавших на юге Аравийского полуострова еще задолго до нашей эры. Отсюда приезжала к царю Соломону царица Савская с бесценными дарами, а царство ее, таинственное и недоступное, географы долго помещали в самых фантастических местах Земли, вплоть до Южной Африки.

Теперь уже достоверно известно, что Южная Аравия была издавна заселена арабскими племенами, семитской группой племен, довольно сильно отличавшихся от северных арабов; даже язык их отличался от классического арабского: он был близок к эфиопскому.

Первое упоминание в литературе об этих государствах относится к 288 году до нашей эры. В труде греческого историка Феофраста говорится о древнейшем из них – государстве Сабе.

Сабейцы, занимавшие самый юг Аравийского полуострова, прибрежные районы, были финикийцами Южных морей. Их царство развилось значительно раньше других аравийских государств из-за выгодного географического положения. Сабейские поселения были расположены на пути из Египта и Европы в Индию. Здесь же проходили торговые пути, по которым двигались жемчуг из Персидского залива, ткани из Индии, шелк из Китая, обезьяны, слоновая кость, золото и страусовые перья из Эфиопии. Да и сама сабейская земля дарила ценные продукты для торговли. Здесь росли пряности, добывались мирра и благовония – ценнейшие товары древнего мира.

В книге «Перипл Эритрейского моря» – основном географическом справочнике древности (I век до нашей эры) – о сабейских портах говорится как о богатых поселениях. Сабейцы держали монополию на мореплавание в водах Персидского залива, о котором в том же перипле сказано: «Мореплавание вдоль берегов Аравии опасно. Там нет гаваней, якорных стоянок и места для пристаней нехороши, скалы и рифы там ужасны». Сабейцы знали море, и не было моряков лучше их во всей Южной Азии.

Однако не всегда можно было переправить товары морем. Часто корабли разгружались в сабейских портах, и товары отправлялись дальше по караванным путям. Эти пути были также впервые разведаны сабейцами и вели на север – к Петре и в Сирию; на запад – через Синай в Египет; на северо-восток – в Месопотамию и Индию.

На юге Аравии образовались небольшие торговые арабские государства, среди которых наиболее известны Майн, Катабан и Хадрамаут. Катабан и Хадрамаут не имели, должно быть, выхода к морю и базировались на оазисах в пустынных горах

полуострова.

Южно-арабские государства не были сильны в военном отношении. Подобно Петре, Пальмире и Коммагене, это города купцов, крестьян и ремесленников. Города были окружены рощами финиковых пальм, а дальше тянулись безводные горы – царство бедуинов, независимых и нищих.

Первоначально эти государства были теократическими. Правители их носили титул «мукарриб», что может быть истолковано как верховный жрец. Аравийцы поклонялись богам, сходным с богами Месопотамии. Главными были бог утренней звезды Астар (вариант вавилонской Иштар, только в мужском облике), бог Луны, который звался по-разному в каждом государстве (в Сабе – Альманах, в Хадрамауте, как и в Вавилоне, – Син, в Катабане – Амм). Кроме главных в пантеоне аравийцев насчитывалось множество богов рангом ниже, некоторые из них не имели даже собственных имен. Богам строились святилища. Одно из них обнаружено в Марибе, столице Сабы, оно представляет собой овальный каменный храм.

Основной проблемой в аравийских государствах, как и сегодня, была проблема воды. Аравийцы строили каналы, дамбы и резервуары, и одна из плотин в Марибе была настолько велика и знаменита, что о ней встречаются многочисленные упоминания в античной литературе.

Аравийцы задолго до нашей эры выработали свою письменность, о ее существовании в Европе стало известно в XVIII веке. Путешественники привозили в Европу копии надписей, и в 1837 году Эмиль Редигер приступил к их расшифровке.

В южноаравийской письменности каждый знак обозначал букву, и всего и алфавите было 29 знаков. Ученые полагают, что южноаравийский алфавит отделился от так называемого синайского – связующего звена между финикийским алфавитом и египетским иероглифическим письмом. И действительно, некоторые буквы его сходны с буквами финикийского алфавита, однако он развивался совершенно самостоятельно, и разница между ним и финикийским довольно велика, подобно, например, разнице между славянской и латинской письменностями.

Если первые сабейские города возникли, как полагают исследователи, во II тысячелетии до нашей эры, то сабейское царство просуществовало более тысячи шестисот лет. Примерно в V веке до нашей эры власть в Аравии перешла из рук жрецов в руки светских властителей – царей, и с тех пор государства управлялись небольшой группой богатейших и знатных семей.

Со временем одно из царств, а именно расположенное в центре района Саба, начало покорять окружающие государства и

включать их в свои границы. Первым потеряло независимость лежавшее к северу государство Майн. Впоследствии, в I веке до нашей эры, в Сабу был включен Катабан, и, наконец, уже в начале нашей эры потерял независимость и самый отдаленный, запятанный в горах и пустыне Хадрамаут. К III веку сабейцы объединили всю Южную Аравию в единое государство.

К этому времени в жизни государств Южной Аравии все большую роль начинает играть Эфиопия. Близкое по культуре и языку, эфиопское царство всегда было тесно связано с Южной Аравией. В архитектуре и культуре Эфиопии и аравийских государств ясно прослеживается взаимное влияние. Эфиопы приходили к соседям под предлогом помощи той или иной стороне во внутренних конфликтах, но предпочитали не уходить из этих богатых мест и старались держать аравийские царства под контролем.

На руку Эфиопии были и религиозные разногласия в Южной Аравии. Старые боги аравийцев теряли влияние, тем более что власть жрецов уже была подорвана. Сюда проникли иудаизм и христианство, и поклонники этих религий вели отчаянную борьбу. Постепенно иудаизм брал верх, и последний сабейский царь попытался объявить его государственной религией. Для христианской Эфиопии этот акт оказался удобным предлогом, чтобы захватить Южную Аравию. В VI веке сабейское царство перестало существовать.

Тем временем экономическое значение аравийских городов падало. После гибели Римской империи захирели караванные и морские пути: Европа не нуждалась более в шелках и благовониях. С разрушением в VI веке великой Марибской плотины – чуда инженерного искусства древности – пришли в запустение некогда плодородные поля. Города все больше обособлялись друг от друга, и дороги к ним забывались, засыпались песком и зарастали колючками.

В 575 году эфиопов сменили персы, а еще через сто лет сюда докатились волны ислама. Южная Аравия стала окраинной провинцией арабской империи.

Когда через несколько десятков лет появились первые труды арабских историков, выходцев с севера, то в них уже не было никаких упоминаний ни о Хадрамауте, ни о Катабане – славных и богатых царствах, чьи надписи встречаются от Эфиопии до Сирии и чьи купцы в своих странствиях доходили до Китая, о странах, построивших плотины и каналы, которых не знали даже римляне.

Но в глубине пустыни, в долине бывшего царства Хадрамаут, осталось несколько городов. Они существовали в основном за счет караванной торговли, несколько оживившейся после VIII

века, а также за счет выращивания фиников и разведения верблюдов.

Там правили шейхи и султаны, становившиеся все более независимыми с ослаблением власти Арабского халифата. Но ни один из них не смог возвыситься над соседями: слишком бедны были пустынные города Хадрамаута, слишком малочисленно население. Да оно и не могло вырасти. В стране, где каждая капля воды на вес золота, прирост населения определяется максимальным количеством людей, которых она может напоить. И так уже повелось, что «лишние» молодые арабы отправляются в Индию и Сингапур – благо в их жилах течет кровь древних мореплавателей и торговцев. Поэтому сегодня в городах Хадрамаута благосостояние жителей зависит не только от количества воды в колодцах, но и от видов на урожай и оживленности торговли в Калькутте и Сингапуре. Если дела идут хорошо, то капитан сингапурского судна или хозяин калькуттской лавки отсчитает пачку рупий и перешлет деньги в никому не известный, затерянный в пустыне город Шибам. А под старость и сам вернется на родину...

Можно предположить, что во времена сабейцев дома в Шибаме не были высоки и не жались так тесно друг к другу. Но по мере того как беднела страна и труднее становилось жить, каждая деревня, каждый дом обзаводились неприступной башней: оседлым жителям грозили набеги бедуинов, да и сосед часто становился врагом, потому что ни земли, ни воды на обоих не хватало.

Города Хадрамаута не надо было обносить стенами: эту роль выполняли задние фасады домов, вплотную примыкавшие друг к другу. Войти в город можно было только через единственные ворота.

Каждый строил себе крепость. Первые этажи ее с толстыми, в несколько метров, стенами – это склады, сараи, хлев. В стене одна маленькая дверь и бойницы по ее сторонам. Бойницы есть и на втором и на третьем этаже. И только с этажа четвертого, куда уже не заберется враг, начинаются ряды окон – там живут люди. Большая семья, занимавшая дом, населяла все верхние этажи – обычно их в небоскребе семь-девять.

Жизнь на вершине собственной крепости представляет удобство и с точки зрения гигиены. Узкие улочки, в которые не протиснется даже повозка и где посередине течет ручеек нечистот, зловонны и душны. Наверху же, под самым небом, и чище и прохладнее.

Над Шибамом, крупнейшим из городов Хадрамаута, возвышается многоэтажный дворец султана, отличающийся от

остальных домов тем, что он раскрашен поверх белой извести красными полосами.

Теперь времена междоусобиц отошли в прошлое, но традиции сильны. Если сваливается от ветхости один небоскреб, на месте его строят другой – такой же или даже выше. Вширь город не растет: оазис мал, земля нужна финиковым пальмам. Да и население почти не увеличивается: вода имеется хоть и в изобилии, но глубоко под землей, и достать ее пока нельзя – нет ни техники, ни сил.

...Главная улица Шибама – ложе селевого потока, разрезающее город надвое. Здесь в песке сделаны колодцы, и к ним с утра тянутся женщины с кувшинами, под чадрами, в длинных одеждах – синего цвета в Шибаме, зеленого, красного или черного в других городах.

Утром на базарную площадь приходят караваны и приезжают из пустыни бедуины. Деревенского жителя можно отличить от горожанина по высокой соломенной шляпе с полями. Бедуины ограничиваются повязками на голове, их женщины не закрывают лиц. Лица бедуинок украшены синими точками татуировки. А жительницы городов Хадрамаута раскрашивают лицо: рисуют зеленые и коричневые полосы вдоль носа и поверх бровей и покрывают щеки блестящей желтой краской. От этого они кажутся (тому, кто увидит их без чадры) ожившими страшными идолами. Говорят, такой обычай остался от времен царицы Савской. Европейской журналистке, которая была поражена этим обычаем, показали в Шибаме алебастровую скульптуру двухтысячелетней давности. Женская головка была раскрашена точно так же, как делают это сегодня женщины города небоскребов.

С древности сохранился и обычай украшать дома. Дома вытянулись к небу, но двери в них небольшие, их створки, а также рамы окон и ставни богато разукрашены резьбой по дереву, на верхних этажах много резных колонн, на стенах можно увидеть лепные украшения.

И это неудивительно, ведь Южная Аравия славилась своими скульптурами, некоторые из них и сейчас украшают музеи мира. Красивы в Хадрамауте и мечети и мавзолеи, в которых сквозь традиционные мусульманские формы проглядывают прямые линии абиссинских обелисков – даже тысячелетие мусульманства не смогло полностью стереть древние связи этих стран.

...Караваны покидают город поздно вечером, чтобы за ночь пройти перевалы. Хотя сейчас бедуины и не нападают на купцов, к морю все-таки стараются выйти ночью, так принято. И, наверно, пока по пустыням Хадрамаута бредут караваны верблюдов, они будут покидать города по ночам. Хотя никто уж не будет помнить

почему.

Долина Гореме

Пещеры Каппадокии

Бывает, что крупные центры цивилизации, города, замечательные памятники оказываются в стороне от больших дорог. Жители уходят оттуда, дороги зарастают... Если же люди возвращаются сюда через много лет, то они часто не имеют никакого представления о том, кто же построил этот храм или вырубил в скале эту пещеру. И приписывают ее джинам, духам, царю Соломону или даже пришельцам из космоса.

Так случилось с Петрой, с Баальбеком, так случилось и с долиной Гореме. И это совсем не значит, что долина заросла джунглями или была засыпана песками. В ней расположены турецкие деревни, и люди взбираются по узким лестницам в покинутые храмы, где хранят зерно и урюк. Но кто, когда и зачем сотворил это чудо света, одно из самых необыкновенных и, пожалуй, малоизвестных, местные жители не знали.

Долину Гореме «открыл» всего пятьдесят лет назад бельгиец-иезуит, и некоторое время ученые считали шуткой или ошибкой миссионера его странные сообщения.

...Почти в самом центре Турции, в провинции Анатолия, стоит одиноко четырехкилометровый потухший вулкан Эрджияс. Его снежная вершина четко выделяется на чистом синем небе Анатолии. У вулкана сходятся три турецкие провинции – Кайсери, Невшехри и Нигде.

Когда-то, в доисторические эпохи, вулкан обильно извергался и на много метров затопил лавой широкую долину. Со временем дожди и ветры прорезали слой лавы, расчленили его на множество холмов, столбов, конусов и стен. Когда сюда пришли люди, а было это несколько тысяч лет назад, и заселили долину, они поняли, что удобнее сооружать дома в лавовых башнях, чем строить их на плоской земле, снизу. Тем более почвы здесь плодородные, и каждый клочок земли, которая родит зерно, виноград и другие фрукты, ценен.

И получился город, вернее, целый фантастический, мир, напоминающий сразу лунные горы, скопища гигантских термитников, прихотливые создания скульптора-авангардиста или гигантскую кровать факира, утыканную гвоздями. В нем есть дома-грибы, дома-пирамиды, дома-obelisks, дома-купола, дома-стены, дома – сахарные головы, дома-ракеты. Они группами и в одиночку поднимаются из долины, и никто не знает точно, сколько же пещер здесь – их тысячи.

История заселения долины Гореме, или, как ее называли в

древности, Корама, насчитывает несколько тысячелетий. Уже во времена римлян город Кайсери (Кесария), разместившийся на краю долины, был оживленным торговым центром, через который проходили караваны от Черного моря в Сирию, из Армении к Бейруту. Здесь сталкивались люди многих национальностей, и зарождавшаяся христианская религия нашла в их среде много приверженцев. В III веке образовалась большая, в основном греческая, христианская община. Слухи о ней разносились караванами по всему миру. Отшельники и монахи стекались со всей Восточной Римской империи.

Фанатики и анакореты раннего христианства сочли пещеры Корама идеальными для отшельнической жизни. Сами пещеры сухи и удобны, в них прохладно в самую жару и тепло зимой, а внизу, в долине, есть вода, фрукты, и местное население не чинит никаких препятствий бородатым, оборванным аскетам, которые чаще всего незлобивы и проводят дни в молитвах своему богу. А свободных пирамид и башен много – хватит и на десять тысяч отшельников.

К IV веку здесь образовались первые монастыри, и, потеснив немногочисленных каппадокийцев, они заняли значительную часть обширной долины.

Монастыри множились и процветали в течение двухсот лет, пока в VI веке в эти края не вторглись персы, которые разогнали многие христианские общины. Потом здесь появились арабы, и город Кесария уже не мог дать приюта христианам.

Но гонения на христиан почти не задевали пещерных монастырей. Ни персы, ни арабы не пытались установить прочную власть в лабиринте холмов и башен, где даже днем нетрудно заблудиться, особенно если учесть, что долина занимает площадь почти двести квадратных километров.

Из Кесарии и других городов Анатолии сюда сбегались гонимые и расселялись по пещерам. Предполагают, что в конце I тысячелетия в Гореме обитало до тридцати тысяч христиан.

Башни и конусы давали теперь приют не одному аскету, а нескольким семьям. Вырубались все новые и новые этажи, пещеры соединялись лестницами, переходами, туннелями, мостиками. В тяжелые времена на первом этаже башни никто не селился, и лестницы в момент опасности убирались. Зато выше заселялось по пять, десять, пятнадцать этажей, и сохранился даже один двадцатипятиэтажный «дом», источенный внутри комнатами, залами и ходами, как муравейник.

Бывшие кельи отшельников расширялись и превращались в обширные церкви, украшенные колоннами и фресками. Беглецы раскололись на несколько сект, и каждая старалась перещеголять

соперников в богатстве церкви и монастырей...

А снаружи непосвященный глаз не разглядел бы ничего. Кое-где на стенах конусов и пирамид чернеют четырехугольники окошек и узких дверей, и никогда не догадаешься, что там, в глубине и полутьме, спрятаны комнаты, залы, церкви, склады. Это был обманчивый мир внешней бедности, маленьких окошек, мир, куда мало кто из посторонних лиц был допущен, и мало кто мог оценить его действительную силу и размах.

Да и поля, вернее, площадки земли, разбросанные среди скал, казались маленькими и, во всяком случае, не такими плодородными и богатыми, как это было в действительности. Самое большое в Азии поселение ранних христиан полностью себя обеспечивало, а монастыри богатели, несмотря на то что власть в стране принадлежала «неверным».

Войны мусульман и походы крестоносцев, закат и крушение Византии – все проходило стороной, и, как прежде, изощрялись в теологических спорах ученые-богословы, отрабатывали на монастырских полях десятину крестьяне; вино, выдержанное в каменных подвалах, бочками увозилось в города, где высоко ценилось.

Но новых пришельцев-единоверцев не было, а старые постепенно разъезжались, иногда меняли веру, покидали обжитые пещеры. В городках по окраинам долины селились турки, они использовали опустевшие пещеры под склады. Еще несколько столетий действовали две или три церкви, но в 1923 году, во время обмена населением по Лозаннскому договору, греки-христиане покинули Гореме. В некоторых пещерах поселились турецкие крестьяне, но большинство осталось пустовать, и в них развелось немыслимое количество голубей. Крестьяне собирают в пещерах птичий помет и удобряют поля.

...Еще действовали церкви и последние монахи возились по утрам в монастырских виноградниках, но в Европе, отрезанной от турецких внутренних провинций многовековой враждой религий, забыли о долине Гореме. И когда бельгийский миссионер неожиданно натолкнулся в сердце Турции на доживающую последние дни христианскую общину, он был поражен до глубины души. И не столько церквями, вырубленными в лаве, сколько самим фактом такого длительного существования христианской общины в центре мусульманского мира, причем общины, которая не могла похвастаться большим числом мучеников и святых: более тысячи лет долиной почти никто не интересовался и ни один «жестокий магометанский царь» не устраивал резни среди последователей Христа.

До сих пор исследователи (надо признать, что их было

немного) не могут сказать с уверенностью, что они изучили большую часть убежищ. Гореме остается пока пещерой Аладдина, сокровища которой разбросаны по разным комнатам.

В башнях Гореме, невидимые за четырехугольниками дверей, спрятаны три сравнительно большие купольные церкви. Все они сплошь покрыты фресками – это один из самых древних и хорошо сохранившихся образцов византийского искусства. Наиболее богатой и интересной считается церковь Тьмы. Ее фрески яркими и светлыми тонами, мягкими и даже нежными линиями напоминают фрески русских соборов. Церкви созданы вдали от бед и потрясений большого мира. Это чувствуется, когда смотришь на фреску, изображающую элегантного юношу с тросточкой, в развевающемся плаще, хотя юноша не на прогулке – он Георгий Победоносец и именно в этот момент борется с драконом, правда довольно миролюбивым на вид.

Спокойствие царит и в большой, чудесно написанной фреске, изображающей Пантократора, в чаше купола. Пророки вытянуты в длину и изогнуты, потому что изогнуты тщательно вырезанные в лаве колонны и пилястры.

Вторая церковь такого рода – Яблочная церковь. Монахи не задумывались подолгу, как назвать свои храмы. Церковные власти Византии были далеко и не могли указать отшельникам на легкомыслие. Поэтому большую церковь, где было темно, назвали церковью Тьмы, а вторую, у входа в которую росли яблони, назвали Яблочной. А если и были другие названия, официальные, для торжественных случаев, их никто не запомнил.

В церквях не все фрески сохранились так, как должны бы сохраниться при ровной и сухой температуре пещер. Виной тому не язычники. Никто сознательно не осквернял церквей. Но начиная с XVII века, когда монастыри и церкви стояли в основном пустыми, сюда начали попадать гости. То заглянет крестьянин, то случайный путешественник. А туристов испокон веку объединяет стремление оставить о себе память потомкам. Турист аккуратно или неаккуратно расписывается на самом видном месте. Кто не видел этих надписей, не удивлялся их потрясающему обилию и однообразию?! За пятьсот лет, как ни редки были туристы, их побывало в Гореме немало. Тем более за последние годы, когда транспорт дал возможность добраться сюда из Анкары за несколько часов, а печать разнесла по всему миру известие о том, что пещеры Гореме стоят того, чтобы на них посмотреть. Теперь большинство фресок до высоты человеческого роста уничтожены слившимися в белые пятна царапинами автографов.

Сегодня долина населена турецкими крестьянами. Не так густо, как тысячу лет назад, и потому многие пещеры пустуют.

Крестьяне, так же как и христианские отшельники до них, выращивают один из лучших в мире сортов винограда, маслины, абрикосы. Двери и окна некоторых из пещер, особенно полюбившихся миллионному голубиному населению долины, заложены камнями, чтобы голуби жили спокойно и в пещерах накапливался ценный помет. Без черных прямоугольников в стенах эти башни кажутся монолитными, как стволы термитников, изъеденные внутри ходами.

Новых пещер никто не вырубает, но семьи побогаче расширяют окна и двери и пристраивают к своим пещерам фасады, как к настоящим домам. Даже с балконами. Задние комнаты пещер используются под кладовые, туда никогда не проникает свет. Крестьяне победнее только вставляют раму и навешивают дверь на скалу, да раз в год побелят комнату, чтобы она казалась светлее и больше, но дым из очага чернит ее снова.

Как и прежде, жители пещер поднимаются на верхние этажи по вырубленным внутри скалы лестницам, и в многоэтажных пещерах-небоскребах вытесанные в стенках ступеньки уходят на десятки метров вверх по темным шахтам.

На ровных площадках долины – не всем же по душе жизнь в пещере – выросло за последние годы несколько городков. Башни пещерных небоскребов стоят посреди них, придавая им неестественный, сказочный вид, и пробивающийся сюда по узкой выходящей дороге автобус из Кайсери гудком вспугивает тучи серых и сизых голубей... Он тормозит у открытого кафе со стульями на каменной террасе, и тень двадцатипятиэтажного небоскреба, смешиваясь с тенью редких смоковниц, прикрывает его от вечернего солнца...

Шахи-Зинда

«Поистине дела наши указывают на нас»

Рыцарь Рюи Гонсалес де Клавихо опоздал. Опоздал на двести лет – он не застал Афрасиаба, ни стен его, ни мечетей, ни мавзолеев, ни дворцов. И все-таки, когда к вечеру жаркого, длинного, пыльного дня испанское посольство ко двору великого Тимура увидело вдаль Самарканд, рыцарь был поражен. «Столько здесь садов и виноградников, что, когда подъезжаешь к городу, – писал он, – видишь точно лес из высоких деревьев и посреди его сам город».

Посольство вступило в удивительный город, неповторимый, не сравнимый ни с одним городом средневековья. Шел 1404 год. Железный хромец Тимур, завоевав полмира, согнал в новую столицу рабов: художников, архитекторов, каменщиков, резчиков по дереву, ювелиров... Власть Тимура была велика, могущество необъятно, гордыня необузданна. Деревни вокруг Самарканда были переименованы. Отныне звались они так: Багдад, Каир, Дамаск – величайшие города мира должны были казаться деревнями по сравнению со столицей Тимура.

Над Самаркандом висела пыль строительства: стояли в лесах мавзолеи Шахи-Зинда, вереницы рабов несли кирпич на стены мечети Биби-Ханым, искусные хорезмские мастера клали на раствор плитки на Регистане. Город был охристым, а голубые и синие изразцы мечетей и квадраты прудов-хаузов казались кусками неба, брошенными на желтую землю. Вокруг шумели тринадцать садов – широкое зеленое кольцо. Самый большой из них – Баги-Джехан – был настолько обширен, что, уверяют летописцы, однажды лошадь архитектора заблудилась там и нашли ее только через месяц.

Но Тимур умер, прошло еще несколько десятков лет, и потомки его перенесли столицу государства в Бухару. Остались лишь здания, возведенные мастерами, имен которых никто не знает. Но слова самаркандского историка, сказавшего о мечети Тимура: «Поистине дела наши указывают на нас», справедливы. Дела пережили и великую империю, и людей, которые ее создавали, и память о завоеваниях и битвах.

...Если вам когда-нибудь придется сойти с самолета или автобуса в сегодняшнем Самарканде, вы вспомните слова испанского рыцаря: «Столько здесь садов и виноградников...»

Самарканд – город большой, современный, со своим университетом, школами, театрами, зелень давно пришла на его обычные заасфальтированные улицы. И все-таки Самарканд

Тимура жив, и удивительно естественно вплетается силуэт сказочных мечетей в его современный облик.

Сады, как и пятьсот лет назад, окружают его зеленым поясом. Но это не те сады, что видел Рюи Гонсалес де Клавихо. За многотысячелетнюю историю города сады не раз вырастали вокруг него и не раз город превращался в пустыню.

Огромный голый холм к северу от города – это все, что осталось от Афрасиаба, предка Самарканда, ровесника древнего Рима. Пятнадцать метров культурных слоев, черепков, кирпичей – это рай для археологов, это также и рассказ о многих столетиях жизни Афрасиаба. У его стен стояли армии Александра Македонского, сюда приезжали кушанские цари и отряды первых халифов. Еще в античную эпоху в Афрасиабе был построен свинцовый водопровод, который в течение веков подавал воду к цитадели. Раскопки обнаружили остатки роскошных дворцов и мавзолеев...

В 1220 году город постигла страшная катастрофа – монгольское нашествие. Город сопротивлялся и был уничтожен так, что на поверхности земли не осталось ровным счетом ничего: скрыты были крепостные стены, разрушен водопровод, сожжены дома и дворцы. В течение ста пятидесяти лет город влачил жалкое существование, и там, где шумели сады, уже ворошились песчаные барханы.

Но с конца XIV века все изменилось. День, когда Тимур решил сделать Самарканд своей столицей, стал днем второго рождения города. За какие-нибудь двадцать-тридцать лет Самарканд и в самом деле превратился в столицу Азии, центр торговли, ремесел, в повелителя судеб далеких и близких народов. И снова разрослись сады.

Смерть Тимура еще не означала смерти Самарканда. В правление Улугбека, внука Тимура, в Самарканде было построено, пожалуй, не меньше, чем во времена великого деда. При Улугбеке, удивительнейшем из монархов, ученом, астрономе, гуманисте, были сооружены многочисленные медресе – Самарканд превратился в центр азиатской культуры.

Только сравнительно недавно ученым удалось обнаружить крупнейшее из созданий Улугбека – его обсерваторию. О ней многое известно: и то, что там трудились лучшие умы эпохи, и то, что, несмотря на отсутствие телескопа в обсерватории, под руководством самого Улугбека была составлена «Книга звездных таблиц», не потерявшая своего значения до сего дня. Но об этом особый разговор...

Даже после того как столица была перенесена в Бухару, в Самарканде не прекращалось, хотя и велось в меньших

масштабах, строительство. Есть в нем мечети и мавзолеи, относящиеся и к XVI и к XVII векам, но все-таки основные шедевры его архитектуры связаны со временем Тимура и Тимуридов.

У каждого, кто побывал в Самарканде, есть особенно полюбившиеся места. Одному снятся развалины грандиозной мечети Биби-Ханым. Другой вспоминает квадрат Регистана, обнесенный тремя медресе. Третий на всю жизнь запомнил гордую простоту мавзолея Гур-Эмир. И трудно спорить, и нельзя спорить.

А все-таки я посмею признаться в своей страсти. Я готов снова и снова приезжать в Самарканд для того только, чтобы вернуться в тишину Шахи-Зинда, волшебной улицы мавзолеев. Шахи-Зинда не может похвастаться размерами или величиим замысла. Да эту улицу никто и не замыслил: ансамбль возник сам по себе, строили его сотни лет, мавзолеев за мавзолеем.

Шахи-Зинда значит «живой царь».

Култ его существовал издавна, задолго до прихода ислама, еще во времена расцвета Афрасиаба, и был настолько популярен, что проповедники ислама сочли за лучшее не бороться с ним, а использовать во славу новой религии. Так была создана легенда о Мохаммеде Кусаме ибн Аббасе, двоюродном брате пророка.

Легенда говорит, что войско Мохаммеда Кусамы было застигнуто «неверными» в святую минуту, когда все воины стояли на коленях и совершали намаз – молились. «Неверные» воспользовались временной небоеспособностью противника и всех магометан зарубили. Остался без головы и Мохаммед Кусам ибн Аббас. Но, потерявши голову, он не растерялся. Взял голову в руки и спустился в глубокий колодец, откуда прошел в рай. где и обитает до сих пор. Многие герои пытались спуститься в этот колодец, чтобы выведать тайны обезглавленного царя.

Мазар, гробница, вернее, кенотаф, то есть ложная гробница (настоящий Мохаммед Кусам никогда не бывал в Самарканде), и стал первым мавзолеем комплекса гробниц Шахи-Зинда. Погребение возле могилы святого должно обеспечивать дополнительные блага на том свете, и потому многие вельможи и муллы старались добиться права быть похороненными там. Удавалось это очень немногим, но эти немногие были богаты и знатны, и мавзолеи их – лучшие в Средней Азии.

Шахи-Зинда строился дважды. В первый раз – до монгольского завоевания. Улица мавзолеев круто спускалась от мазара Мохаммеда Кусамы, и автор «Сахарной книги истории Самарканда» подробно описывает молитвы и обряды, которые нужно совершить, если ты идешь от гробницы к гробнице.

Археологами найдены лишь остатки первого комплекса Шахи-Зинда, ни одного мавзолея в целости не сохранилось.

Монголы, захватив Самарканд, не тронули мазар животоцаря, опасаясь мести чужого для них, но, возможно, сильного святого. Зато они начисто разрушили другие мавзолеи. Снова Шахи-Зинда был отстроен в основном при Тимуре и Улугбеке.

Здесь похоронены родственники Тимура и знатные духовные лица. Каждый мавзолей – небольшой шедевр исламского искусства. Новые мавзолеи не должны были превышать мазар Мохаммеда Кусама, и потому размеры памятников строго ограничены. Это заставило строителей идти по пути совершенствования форм и украшения гробниц. Созданный ансамбль кажется возведенным по единому замыслу.

В основном мавзолеи Шахи-Зинда – квадратные сооружения под разнообразными куполами. Купол, порталы, колонны и даже стены мавзолеев покрыты синими и разноцветными глазурованными плитками.

Всего мавзолеев двадцать пять. Выше всех стоит мазар Мохаммеда Кусама, о котором еще в XIV веке писал знаменитый арабский путешественник и географ, Геродот арабского мира, Ибн Баттута: «Могила благословенна. Над ней возведено четырехугольное здание с куполом, у каждого угла стоят по две мраморные колонны, мрамор зеленого, черного, белого и красного цвета. Стены здания тоже из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами; крыша сделана из свинца».

С тех пор здание неоднократно перестраивали и облицовывали голубыми и цветными изразцами и мозаикой.

Мазар Мохаммеда Кусама окружен другими мавзолеем – здесь им тесно: каждый владетель хотел, чтобы его гробница стояла как можно ближе к мавзолею святого. Больше других повезло трем мавзолеем: Туман-ака – жены Тимура, крупного религиозного деятеля Ходжи Ахмала и «девушки, умершей в целомудрии» в 1360 году. Больше об этой девушке, по-моему, ничего не известно.

Очень красив мавзолей Туман-ака. Изразцы и мозаика его – вершина декоративного искусства тимуровской эпохи. Портал – богатый, чистых красок ковер, в котором переплетаются цветы, ветви и надписи. Он не голубой, как другие, а в основном фиолетовый и потому еще более выделяется в мире, где два цвета: охра – песок и голубой – небо.

Поскромнее мавзолей эмира Бурундука – одного из военачальников Тимура. Военачальник сильно разбогател в походах, но потомки его, может быть, не посмели выстроить мавзолей лучше, чем у членов царского рода, а может, просто

приберегли деньги для живых.

Чем ниже мы спускаемся по улице-лестнице, на которой никто никогда не жил, тем изысканнее становятся формы мавзолеев, тем тоньше узоры изразцов, хотя при этом часто теряется чистота, лаконичность и благородство линий, – меняется время, меняются вкусы и мода. Мавзолеи, построенные в нижней части улицы, воздвигнуты уже в следующем веке, после смерти Тимура.

Архитекторы и историки зодчества могут относить мавзолеи к различным школам и направлениям, могут подробно рассказывать об изящных подпружных арках и щитовидных парусах, но, когда я был там, меня волновала другая мысль: прихоть судьбы объединила здесь гробницы очень разных людей, от царицы до воина, муллы и «девушки, умершей в целомудрии». И все-таки из всех мавзолеев выше тот, что построен внизу, почти в конце улицы, – мавзолей астронома Руми.

Руми был другом и соратником Улугбека. Он не нажил за свою жизнь ни богатств, ни земель, не принадлежал к знатному роду. Но он был величайшим математиком и астрономом своего времени, и потому Улугбек соорудил усыпальницу Руми рядом с мавзолеями ханов и цариц и сделал ее хоть чуточку, но повыше.

В конце концов лучший мавзолей принадлежит ученому, труженику, который был куда ближе тем, кто чертил планы гробниц и мечетей, чем тем, кто похоронен в остальных мавзолеях.

Шахи-Зинда хорош отовсюду: и с вершины холма, откуда видны две цепочки голубых куполов; и снизу – за аркой узкая цветистая улица порталов; и издали, от города, когда он кажется приснившейся страницей из сказок Шахразады; и вблизи, когда он удивляет буйством фантазии и богатством красок. Он невелик, но впечатляет больше, чем пышные мечети и грандиозные минареты других восточных столиц.

Обсерватория Улугбека

Палачи и созидатели

На гравюрах эпохи Возрождения его помещали по правую руку от аллегорической фигуры Науки, среди величайших ученых мира, ибо ни один астроном в течение столетий не смог сравниться с великим самаркандцем в точности расчетов и наблюдений, которые он провел в своей обсерватории.

Но когда в 1908 году русский археолог Вяткин решил найти остатки этой обсерватории, никто в Самарканде не мог сказать, где она была. Казалось, след ее безвозвратно утерян в тот трагический месяц рамазана 853 года хиджры...

Седьмого рамазана 853 года хиджры, а в переводе на наше летосчисление 24 октября 1449 года правитель Самарканда, внук Тимура, Улугбек подъехал к своему дворцу, спешил и смиренно остановился перед воротами.

Стражники засуетились у входа, и начальник караула побежал к Абд ал-Лятифу, нелюбимому сыну правителя, чтобы сообщить уже несколько дней ожидаемую весть: Улугбек отказался от дальнейшей борьбы и сдается на милость победителя.

В тот же день Улугбек предстал перед судом шейхов. Абд ал-Лятиф, как и положено победителю, который не может убедить ни себя, ни своих подчиненных в том, что он достоин победы, был груб и резок. Он обвинял отца в жестокости, в несправедливости, кричал на старика и грозил ему смертью.

Улугбек просит одного – разрешения остаться в Самарканде, где бы он мог заниматься науками. Решение суда гласило: чтобы замолить грехи свои, бывший хан должен отправиться в Мекку, совершить хадж. Сын обещал сохранить отцу жизнь.

Ночью того же дня, когда Улугбек наконец заснул измотанный бегством, потрясенный предательством и равнодушием, униженный судом людей, только месяц назад ползавших у него в ногах (а суд таких людей наиболее жесток), состоялся другой суд, тайный. На нем злейшие враги Улугбека, ревнители ислама, шейхи, решили убить хана. Мертвый хан лучше живого ученого, даже если он станет хаджи. На тайном суде Улугбек был приговорен к смерти.

Через три дня Улугбек с хаджи Хусроем покинул славный Самарканд. В ближайшем кишлаке путников нагнал гонец. «Именем нового хана повелевается тебе, мирза Улугбек, оставить своего коня, – гласило послание. – Не подобает внуку Тимура совершать хадж в таком скромном окружении. Ты не двинешься

далее, пока не закончатся приготовления к путешествию, которое должно вызвать одобрение всех правоверных».

Улугбек спешил. Бежать было некуда.

А тем временем к кишлаку скакал Аббас из рода Сулдузов. Его отца казнили несколько лет назад по приказу Улугбека. За поясом Аббаса лежала разрешительная фетва на убийство Улугбека. Он приговаривался к смерти за отступление от заветов ислама.

Нукеры Аббаса издали увидели сидевшего в тени чинары старика. Они узнали его. Связанного Улугбека привели на берег арыка и поставили на колени. Аббас подошел спереди, надеясь увидеть страх в глазах пленника, и взмахнул мечом. Голова повелителя вселенной покатилась к мутному арыку, оставляя на пыльном песке темную дорожку. Один из нукеров ловко нагнулся, подхватил голову и бросил ее под ноги палачу.

Через час весть о смерти бывшего правителя достигла Самарканда. Вечером узнал о ней и звездочет Али-Кушчи – ближайший помощник, ученик и друг Улугбека. Юношей Али-Кушчи служил у хана сокольничим и понравился Улугбеку умом и стремлением к знаниям. Хан приблизил его и не пожалел о своем выборе.

Известие о смерти хана поразило Али-Кушчи. Он понимал, что смертный приговор Улугбеку – это смертный приговор его ученикам и всем трудам и книгам Улугбека.

Али-Кушчи надел поверх кольчуги халат победнее и спрятал в широком поясе кинжал. Конь понес его по глухим переулкам к холму, с вершины которого был виден весь Самарканд...

С вершины холма был виден весь Самарканд. Над низкими глинобитными домами росли иглы минаретов. Вяткин еще раз обошел плоскую вершину холма, который едва слышно отзывался глухим гулом под ногами, словно сквозь выжженную шершавую землю пробивалось эхо потаенной пещеры. Археолог поднял осколок изразца, и на ладони изразец казался зеркальцем – цвет его совпадал с цветом утреннего неба.

Вяткин не случайно пришел на этот холм. Долгие месяцы в поисках следов обсерватории изучал он окрестности Самарканда, копался в архивах, расспрашивал стариков. Наконец, он решил осмотреть архивы земельной управы.

После окончания рабочего дня, когда изнуренные жарой и пылью чиновники покидали земельную управу, археолог забирался в архив и методично просматривал документы многолетней давности. Документы пахли птичьим пометом и едкой самаркандской пылью. Вечерами на неяркий свет

керосиновой лампы залетали летучие мыши и чиркали крыльями об облезлые стены.

Через несколько месяцев работы Вяткин отыскал документ XVII века, в котором говорилось о продаже участка под названием «тал-и-расад», что означает «холм обсерватории». Находился этот участок на холме Кухак, по соседству с мазаром Сорока девственниц.

...У подножия холма Вяткина поджидали дехкане. Они уже час стояли под солнцем и следили за странным русским. Вяткин сказал, что ему понадобятся землекопы, он хорошо заплатит. Сам губернатор дал разрешение производить раскопки. Это было правдой. Канцелярия губернатора выделила восемьсот рублей – сумму ничтожную, но Вяткин не надеялся даже на нее.

– Здесь копать нельзя, – сказал старый узбек. – Святое место. Здесь был мазар...

– Но ведь мазар не мог занимать весь холм.

– Не знаем, не знаем...

– Еще раньше здесь была обсерватория Улугбека. Большая обсерватория, куда больше мазара. Ее я и хочу найти.

Старики недоверчиво качали головами. Они решили, что русский собирается искать клад.

...Али-Кушчи взлетел, прищипывая коня, на холм обсерватории. Черные деревья вокруг громадного круглого здания шуршали под ветром осенними листьями, будто чешуйками кольчуги.

Сторож испуганно выглянул из проема двери, узнал Али-Кушчи и помог ему сойти с коня.

– Страшны мои сны, – сказал сторож. – Сейчас прибежал Юсуф из кишлака.

– Все правда, – ответил Али-Кушчи, – повелителя нет...

На сером от пыли лице сокольничего льдинками застыли глаза.

– Где звездочеты? – спросил он.

– Кто прячется в домах за арыком, кто скрылся еще утром.

Али-Кушчи взбежал по широкой лестнице. Масляные площадки горели, как всегда, – сторож помнил о своих обязанностях. Со стен глядели знакомые картины небес и созвездий. Еще недавно Улугбек со своим помощником размышляли, как лучше украсить дом науки.

Подковки сапог выстукивали неровную дробь по мраморным плитам. Сквозняк вытянул из кельи листок рисовой бумаги с вязью цифр и бросил под ноги Али-Кушчи. Тот не остановился. Он спешил наверх, в комнату Улугбека.

Через полчаса Али-Кушчи спустился вниз. Сторож тащил за ним туго набитый бумагами мешок.

– Дай лепешек на дорогу, – сказал сокольничий, приторачивая мешок к седлу. – Я не успел взять из дому.

...Больше никто не подходил к зданию, не поднимался на его плоскую крышу, чтобы следить за движением светил в черном небе. Покрывались серой пылью хитроумные приборы, и пустынные были залы и кельи, расписанные картинами и схемами, изображавшими планеты, звезды и земной шар, разделенный на климатические пояса: люди не смели подходить к проклятому шейхам холму. Пока не смели...

Но однажды утром муэдзины возвестили о воле шейхов: обсерватория, прибежище неверия и скверны, должна быть разрушена. Память об Улугбеке должна быть стерта с лица земли.

...Первыми к подножию холма успели дервиши. За ними потянулись верующие и любопытные. Дервиши бесновались, подогревая толпу. Они тяжелыми кетменями, палками, ногтями выламывали изразцы, украшавшие обсерваторию, разбивали приборы. Вскоре на холм втащили привезенные по приказу Абд ал-Лятифа стенобитные машины. Некоторое время крепкие стены сопротивлялись ударам, но все больше кирпичей и плит отлетало от основания, и наконец стена рухнула, подняв к раскаленному небу тучи желтой пыли. А потом пришла ночь, и холм был пуст, и не осталось на земле следа Улугбека, и шейхи легли спать спокойно.

...В Герате Али-Кушчи встретили друзья. Там звездочета знали. Али-Кушчи не раз уезжал в другие страны по поручению Улугбека, чтобы познакомиться с тем, что делают астрономы и математики. Поездки приводили сокольничего даже в Китай. В Герате он был в безопасности.

Через несколько лет Али-Кушчи, к тому времени уже известный на Востоке под именем «второй Птолемей», переехал в Константинополь, недавно завоеванный турками и переименованный ими в Стамбул. Там он завершил основное дело своей жизни: он отпечатал в типографии труды Улугбека – книгу его звездных таблиц и введение к ним.

Книгу погибшего хана сразу же перепечатали в Дамаске и Каире. В XVII веке ее трижды издавали в Лондоне, печатали в Париже, Флоренции, Женеве... Точность звездных таблиц настолько поразительна, что многие ученые сомневались в их подлинности: казалось невероятным, что в XV веке, до изобретения телескопа, она была достижима.

Книга разошлась по всему свету. Однажды ее увидел магараджа Джайпура Джайсингх II. Магараджа любил книги, а

Аурангзеб, Великий Могол, суровый фанатик, испепеляемый жадной властью и страхом потерять империю, презрительно посмеивался над причудами мальчишки – Джайсингху было всего пятнадцать лет. Но мальчишка был храбр, и отряды его верны. После одной из битв Аурангзеб обнял пятнадцатилетнего командующего джайпурской конницей и назвал его храбрейшим из храбрых.

А храбрейший из храбрых улизнул потом с шумных победных торжеств и скрывался в своем шатре. Он читал книгу хана Улугбека о звездах, и это было куда интереснее и важнее пира и славы.

Шли годы. Джайсингх много воевал, но, как только наступал перерыв в бесконечной цепи войн и походов, магараджа покидал армию и возвращался домой – в один из своих домов в Дели или Джайпуре. Там он в который раз раскрывал потрепанную книгу Улугбека. Полководец учился.

При дворе Джайсингха жили и работали крупнейшие индийские ученые: Уддамбри Гуджарати – автор первых индийских таблиц логарифмов и переводчик Улугбека на индийский, великие астрономы и математики Пундарик Ратнакар и Джаганнатх. Зная об образованности и мудрости молодого магараджи, ученые со всех концов разоренной страны стекались к нему во дворец, и каждому находилась там комната для работы, чашка риса и, главное, общество ему подобных.

И в 1724 году Джайсингх начал строительство первой своей обсерватории. Всего он построил их пять, и четыре из них сохранились по сей день...

Книга, повествующая о чудесах Индии, лежала на столе археолога Вяткина рядом с работами Улугбека и Али-Кушчи. В этой книге под старыми гравюрами, изображавшими странные, будто неземные, геометрически правильные здания, стояли слова: «загадочные», «таинственные». Автор книги, немецкий путешественник, рассказывая об этих, казалось бы, лишенных смысла сооружениях – об огромных каменных кольцах, треугольниках и величественных лестницах, ведущих в небо, считал их порождением мистических увлечений магараджи Джайпура Джайсингха II.

Вяткина не интересовали соображения несведущего в астрономии путешественника. Он знал, что Джайсингх был великим астрономом и в своих работах неоднократно подчеркивал, что он ученик Улугбека, хотя их разделяли триста лет.

Более того, Джайсингх писал, что многие его инструменты, по которым проверялись звездные таблицы Улугбека, – копии

инструментов великого самаркандца, Джайсингх, хотя и знал о существовании телескопов и других оптических приборов и даже выписывал себе консультантов из Португалии и Англии, не доверял им. Он предпочитал пользоваться громадными каменными сооружениями, считая их более точными и надежными.

Вяткин, изучив инструменты Джайсингха, предположил, что в обсерватории Улугбека должны были находиться такие же приборы. А если так, то никакой фанатизм мулл и дервишей не смог бы полностью уничтожить обсерваторию.

Проходили драгоценные дни, но следы обсерватории не находились. Все три траншеи, проложенные с краев холма к его центру, углублялись в битый кирпич, обломки изразцов, цементную крошку, и казалось, что конца этому не будет. Словно кто-то старательно разгрыз и пережевал все то, что было когда-то зданием или группой зданий. Не встречалось даже целых кирпичей.

Два метра, три метра... уже не видны над траншеями головы землекопов, а картина не меняется. Четыре метра – и тут кетмень одного из рабочих ударился о скалу, о поверхность холма. Траншеи тем временем протягивались все ближе друг к другу, сходясь к центру холма. На нижней границе слоя мусора все три траншеи уткнулись в остатки какой-то тонкой стенки. Это было основание здания, причем явно невысокого и легкого; стена оказалась толщиной всего в один кирпич.

«Не круглым ли было здание?» – подумал Вяткин. Сейчас трудно сказать, что натолкнуло его на эту мысль. В конце концов круглыми обсерватории стали только в наше время – это объяснялось необходимостью дать обзор телескопу. Во времена Улугбека телескопов не было и вряд ли могла появиться необходимость в круглом большом здании. Вернее всего кирпичи являлись остатками так называемого горизонтального круга – приспособления для определения азимута той или иной звезды. В своем отчете Вяткин сообщает, что для проверки он решил заложить десять ям по окружности, прочерченной через три точки соприкосновения траншей с линией кирпича. Все десять колодцев уткнулись в ряд кирпичей.

Теперь можно было уверенно утверждать, что здание – часть обсерватории. Для чего еще нужно было в XV веке делать круг диаметром почти в пятьдесят метров?

Одна из ям отличалась от других. Дно ее находилось на несколько сантиметров глубже остальных, и, обнаружив ступеньку, ведущую вниз, Вяткин решил продолжить раскопки именно в этой точке. Нельзя забывать, что он не имел

возможности планомерно вскрыть весь холм: деньги были на исходе.

Новая траншея с каждым днем обнаруживала все новые ступеньки и все глубже уводила в землю. Копать было трудно. Видно, сюда долго сбрасывали мусор, он спрессовался, и кетмени и лопаты ломались о черепки и камни. По обе стороны ступеней тянулись вниз облицованные мрамором барьеры. На мраморе были нанесены арабской вязью цифры и обозначения градусов. Чем глубже уходила лестница в землю, тем она становилась более пологой. Вяткин понял, что видит часть вертикального круга – секстант или квадрант для определения точной высоты светил. И действительно, на подземной части дуги сохранились отметки до восьмидесяти градусов, а в мусоре на земле нашлись еще мраморные плиты с отметками двадцать и девятнадцать градусов. Уже становились ясными размеры обсерватории: дуга квадранта была длиной шестьдесят три метра и радиус окружности – сорок метров. И стало очевидным, что часть дуги была когда-то подземной, а часть выходила на поверхность и опиралась о четырехугольную сорокаметровую башню, остатки фундамента которой были обнаружены.

Вот и все, что удалось найти Вяткину. Раскопки пришлось прекратить, и рабочие ушли, оставив изрытую площадку холма и узкую пропасть квадранта. Площадка никем не охранялась и, когда через пять лет сюда приехал астроном Сикора, он обнаружил, что обсерватория, то есть те части ее, что были открыты Вяткиным, находится в полном небрежении. Некоторые мраморные плиты пропали, а ветер понемногу принялся снова осыпать в траншею песок и камни.

Статья, написанная Сикорой о путешествии к обсерватории Улугбека, вызвала шум, неприятный для губернатора. Над траншеей квадранта соорудили «футляр» из кирпичей, который стоит там до сих пор.

Сикоре принадлежат слова о впечатлении, которое производит обсерватория на астронома нашего века. «От обсерватории Улугбека, – пишет он, – осталось очень мало – только несколько градусов пути его квадранта. Тем не менее каждый астроном, попавший на развалины обсерватории, будет поражен величию основной идеи инструмента этой обсерватории и ее создателя».

Вновь раскопки обсерватории начались уже в 1941 году, перед самой войной, но были прерваны 22 июня. Снова они возобновились в 1948 году. На этот раз археологи не были так стеснены в средствах. Кроме того, в их распоряжении помимо материалов Вяткина были и собранные по крохам сведения из

исторических и астрономических трудов средневековья и даже заключение архитектора Засыпкина, заявившего, что горизонтальный круг, найденный Вяткиным, в действительности внешняя облицовка самого здания обсерватории, которое было круглым и грандиозным по своим размерам.

Последние раскопки наконец дали возможность полностью реконструировать обсерваторию Улугбека.

На холме, видимом из любого места Самарканда, возвышалось круглое здание, одинокое и таинственное. Формально в нем было три этажа, но действительная высота его достигала сорока метров – высоты десятиэтажного дома, диаметр же превышал пятьдесят метров. На крыше его размещались небольшие приборы, а в центре стоял открытый Вяткиным квадрант. Траншея квадранта начиналась под землей, выходила наверх и, загибаясь все круче, поднималась лестницей до самой крыши, сливаясь с толстой капитальной стеной. По обе стороны от квадранта располагались различные помещения для наблюдения за звездами и солнцем, а также для теоретической работы.

Цоколь обсерватории был облицован мрамором, а портал и арки – их было по тридцать две на каждом этаже – цветными изразцами. По верху здания шла широкая керамическая лента с надписью.

Изнутри стены здания были покрыты картинами, схемами, изображавшими семь небесных сфер, девять небес, семь планет, звезды и земной шар с делением на климатические пояса. В здании находилась также богатая библиотека, ведь обсерватория была не только местом наблюдений, в ней трудились лучшие умы того времени – математики, философы и, разумеется, астрологи, ибо астрология во времена Улугбека была даже более правомочной наукой, чем астрономия и математика, вернее, последние были науками прикладными, обслуживающими всеильную астрологию. Две из пяти частей основной книги Улугбека посвящены астрологии, предсказанию судеб с помощью звезд.

Среди астрономов Улугбека были математики Джамшид, написавший известную в латинском переводе «Книгу с таблицами о величине неподвижных и блуждающих звезд», Муиннадин и сын его Мансур, астрономы и учителя астрономов, был и Али-Кушчи, спасший впоследствии архив обсерватории, и многие другие, и величайший из всех – Руми.

По трудам позднейших астрономов ясно, что все последующие обсерватории Индии и арабских стран строились с учетом тех приборов, что существовали в самаркандской обсерватории. Джайсингх среди приборов, которыми пользовался

Улугбек, перечисляет армиллу – прибор, состоявший из нескольких кругов и служивший для определения положения звезд; трикветр и шанилу – соединение астрольбии с квадрантом. Были, несомненно, и другие угломерные инструменты, солнечные и водяные астрономические часы и т. д. В любом случае для составления таблиц и написания иных астрономических трудов, вышедших из стен первого астрономического университета, требовалось уникальное по тем временам оборудование.

...Шейхи проиграли войну с ученым. Погибла обсерватория, был убит Улугбек, но Али-Кушчи спас звездные таблицы и рассказал миру о своем учителе. Улугбек продолжал жить в своих трудах, и слава его росла. Эта слава ученого, а не Тимурида привела на холм археолога Вяткина, который затратил несколько лет жизни, чтобы доказать, что Самарканд был в XV веке одним из основных центров науки. И она же привела в июне сорок первого, за пять дней до начала войны, нескольких ученых, врачей, криминалистов и историков в мавзолей Гур-Эмир, построенный Тимуром как место погребения для себя и своих потомков.

Одна из плит там имеет надпись: «Эта светоносная могила... есть место последнего упокоения государя, нисхождением которого услаждены сады рая, осчастливлен цветник райских обитателей, он же прощенный султан, образованный халиф, помогающий миру и вере, Улугбек-султан – да озарит Аллах его могилу... Его сын совершил в отношении его беззаконие и поразил отца острием кинжала, вследствие чего тот принял мученическую смерть... 10-го числа месяца рамазана 853 года пророческой хиджры».

К плите с этой надписью подошли члены комиссии. Переносные прожекторы осветили мрачный подвал мавзолея. По стенам, изгибаясь, метались черные тени. Рабочие подняли плиту и крышку саркофага под ней. В саркофаге могли лежать останки Улугбека.

Комиссия должна была выяснить, похоронен ли в саркофаге Улугбек и, если это так, насколько правдивы историки, рассказывающие о событиях месяца рамазана, об Аббасе, который одним ударом снес голову хану.

На первый взгляд скелет был цел. Голова лежала там, где ей положено быть. Медицинский эксперт, находившийся в группе, наклонившись к скелету, осторожно дотронулся до черепа и приподнял его: шейный позвонок был перерублен пополам. Срублена была и часть нижней челюсти. Рассказ об обстоятельствах смерти великого астронома подтвердился. Аббас из рода Сулдузов был сильным, но неумелым палачом.

По черепу известный скульптор Герасимов сделал портрет Улугбека. Хан оказался узколицым стариком с крупным носом, четко очерченными губами и большими глазами под тяжелыми, нависшими веками. Таким Улугбек и изображается теперь в учебниках истории.

Подтвердилось и то, что через год после гибели астронома был свергнут с престола и убит его сын Абд ал-Лятиф, и тогда пришедший к власти новый хан из политических соображений приказал похоронить останки Улугбека в родовом мавзолее Тимуридов со всеми надлежащими почестями и проклясть со всех минаретов сына его, отцеубийцу. Шейхи же, вынесшие приговор, злейшие враги ученого, которые подготовили убийство, остались живы-здоровы. И, как бывает в истории, играли не последнюю роль при перенесении останков реабилитированного Улугбека в мавзолей.

Хива

Улицы и башни музея

Весенние дожди, бурные короткие дожди пустыни, размывают толстые глинобитные стены цитадели. Бывает, говорят, в промоине обнажается человеческий череп. В стены, чтобы простояли дольше, суеверные деспоты замуровывали рабов или военнопленных...

Это было жестокое, спрятанное в самом центре среднеазиатских пустынь ханство. Казалось, даже время не может пробиться туда сквозь бесконечные пески. Вода там была на вес золота; по каналам, мелким и грязным, она текла десятки километров от дикой реки Амударьи. Дворец хивинского хана стоял в крепости и сам был похож на крепость: стены под цвет песка, без единого окошка оканчивались частыми зубцами. Хан был безграничным властелином темного, забитого народа. Недовольным вспарывали горло на базарной площади, провинившихся рабов прибавали за уши к воротам, и прохожие обязаны были плевать им в лицо.

Слухи о затерянном в пустыне ханстве дошли до Петра I. Было это в самом начале XVIII века. Царь искал путей к внешнему миру. Уже строилась новая столица на Балтике, русские армии прорывались к Черному морю. И тут путешественники донесли царю, что река Амударья, впадающая в Аральское море, раньше текла к Каспию. Петр решил повернуть реку обратно и открыть торговый путь в Индию, в Китай.

Он послал в Хиву князя Бековича-Черкасского с казаками.

«Ехать к хану хивинскому, – говорилось в приказе, – а путь иметь подле той реки (Петр имел в виду Узбой – древнее русло Амударьи. – И. М.) ...Ежели возможно, оную воду паки обратить в старый ток, к тому же прочие русла запереть, которые идут в Оральское море».

Отряд несколько недель шел от колодца к колодцу, пока, измученный переходом, не добрался до Хорезмского оазиса, до Хивы. Хан принял посольство радушно и доброжелательно, предложил передохнуть и под предлогом нехватки жилья разделил казаков. Ничего не подозревавших Бековича и офицеров пригласил к себе на пир.

И во время пира началась резня. От смерти спасся только переводчик-туркмен. Амударья продолжала беспрепятственно течь в Арал. А хивинские ханы, признавшие впоследствии вассальную зависимость от России, продолжали править оазисом и окружающими песками. Так было до 1918 года, когда

восставшие хивинцы провозгласили народную республику. Это была удивительная республика. В ней, к примеру, были выпущены шелковые деньги: шелк был дешевле и доступнее бумаги. Один старик рассказывал мне, что когда делегация из Хорезмской республики приехала в 1920 году в Москву, то в течение часа делегаты в цветастых халатах, с саблями на боку не могли прорваться сквозь любопытную толпу москвичей: такого в столице еще не видели.

...Дорога к Хиве идет по хлопковым полям Хорезмского оазиса. Был конец весны, май, но пустынные ветры не запылили еще зелени полей и садов. Всходы хлопка занимали аккуратные квадраты – карты полей, обнесенные невысокими валиками земли. Карты удивительно ровны: при поливе вода не должна стекать с поля, она равномерно распределяется по всей его плоскости. Сегодняшний Хорезм – один из важных центров хлопководства в нашей стране.

Весенний оазис картинен. Кажется, его специально вычистили, вымыли, даже небо промыли, чтобы было ярче.

Тракторы не спеша жуками возятся в стороне от сизого шоссе, и арыки деловито бормочут, обегая тутовые деревья. А в тени их прячутся дома – и новые, большеглазые и традиционные, сходные с крепостцами прохладные и полутемные, сохранившиеся с тех времен, когда крестьянин был и воином.

Хива встает впереди в колеблющемся мареве. Сначала видишь только спички минаретов, потом поля уступают место потеснившимся домам, здания повыше вылезают из-за древесных крон, и вот мы в городе, небольшом, нешумном городе, который на первых порах удивляет своей современностью, отсутствием каких бы то ни было следов древности, отсутствием связи с многовековой историей.

Двухэтажные новые дома выглядывают из-за быстро растущих здесь деревьев, бетонные мостки через арыки сбегают к цветочным клумбам, и очень обычные надписи на очень обычных домах – «Ресторан», «Книги», «Хлеб» – по-узбекски и по-русски подчеркивают обычность города.

Это впечатление усиливается после того, как войдешь в двухэтажную гостиницу, администратор которой сидит на лавочке у входа и разговаривает с соседями. По прохладному темноватому холлу пройдет изредка нефтяник или художник с большой папкой...

Но случайный порыв ветра отбросит занавеску на окне номера, и увидишь, что двор гостиницы упирается в старинную городскую стену. Зубцы кое-где осыпались, стена осела – ей и самой странно стоять сегодня в центре современного города.

Когда-то она ограждала глинобитные домики, защищала их от пустыни и воинственных соседей, а сегодня затерялась между переросших ее домов. Но само ее существование возвращает немедленно к истории. Жестокость ханов, грязь, беспросветность оторванного, замкнутого в себе мира исчезли много лет назад. Но остались стены, башни, мечети, медресе, дворцы, минареты – дело рук многих поколений хорезмийцев.

Ни в одном азиатском городе я не видел такого количества цветов, как в весенней Хиве. Они растут на клумбах, заполняют довольно большой по тамошним масштабам парк, выбегают к дороге. Больше всего роз. И главная улица, упирающаяся в кинотеатр, напротив которого над широким арыком мостиком повисла чайхана, кажется нарядной и праздничной.

У чайханы, у парка, у летнего кафе над хаузом – прудом – и пролегает граница между новой Дишан-Ка-лой – внешним городом и Ичан-Калой – цитаделью. Это мое утверждение формально неправильно, потому что до входа в крепость еще идти и идти. Но где-то здесь смешиваются, оказываются рядом элементы старой Хивы и новой. С площади у кинотеатра видны и современные здания, и прямая улица, и дворец одного из последних ханов, находившийся вне крепости, и оставшиеся от прошлого узенькие улочки, поднимающиеся вверх, и сам холм, увенчанный стенами Ичан-Калы.

Еще несколько десятков метров, потом по дороге вдоль стены, в которой за сотни лет пробуравили дорожки дождевые струи, и улица под прямым углом поворачивает к крепости. В этом месте дома нового города отступили поближе к воде. Ворота давно нет, въезд в крепость широк и полог. Но все остальное сохранилось.

Хива, вернее, ее внутренний город – Ичан-Кала – город-музей, единственный в своем роде. Если в Самарканде мечети и медресе давно затерялись среди домов и улиц, только кое-где собираясь в кучки, если в Бухаре памятники старины сильно разбавлены современными строениями, то Ичан-Кала, окруженные стеной, стал заповедником архитектуры.

На территории древнего города сохранилось несколько дворцов, целый выводок медресе, минаретов и мечетей, бани, крытые базары, тюрьмы и жилые дома. Там не только музей – там и сегодня живут люди. На вершину холма проведены водопровод и электричество, ребяташки каждый день сбегает с холма в новый город, в школу, но не нужно даже закрывать глаз, чтобы представить, как по узким вертлявым улочкам, мимо многослойных кладбищ, мимо глухих глинобитных стен, мимо бирюзовых изразцов пролетали всадники хана, тянулись к

крытому базару дервиши и нищие, семенили, прижимаясь к стенам, наглухо закрытые чадрой женщины, шествовали увенчанные тюрбанами муллы – и над всем этим по утрам господствовал пронзительный голос муэдзина.

Улочки здесь так узки, что карета, подаренная русским царем своему вассалу – хану, так и осталась стоять во дворце: она не вместились бы ни в одну из них. Все время, идя по Ичан-Кале ощущаешь контраст между только что покинутым новым городом и заповедником. Там – буйная зелень, за которой и домов не видно, здесь – кусты и цветы только во дворах; там – на улицу смотрят окна, здесь – ни одного окна, только резные двери оживляют охристую монотонность кривых стен. Там – многообразие красок. Здесь – два цвета. Глина и синь изразцов. И все-таки город неповторимо прекрасен, многообразен, многолик, как многообразны на первый взгляд одинаковые, в самом же деле неповторимые хивинские изразцы.

...Вечернее солнце золотит стены, улицы погружаются в фиолетовую тень. Издалека, из парка, доносится буханье оркестрового барабана. В крепость приходит тишина, и кажется, что тесно сошедшиеся здания вспоминают прошлое.

Темными провалами аркад смотрит на город медресе Ширгази-хана. Хан вернулся из хорасанского похода с огромной добычей, со множеством рабов – их было более пяти тысяч. Рабы и строили медресе. А для того чтобы отличиться перед Аллахом, совершить богоугодное дело, хан обещал отпустить всех рабов на волю, как только строительство будет закончено. Рабы выполнили приказ хана: медресе было построено раньше срока. И тут-то хану стало жалко отпускать пять тысяч рабов. Он принялся придумывать им дополнительные работы, доделки в медресе, стал придирается к каждому кирпичу и изразцу. Рабы роптали, но выполняли приказы. Но наконец их терпение лопнуло. Когда хан пришел в медресе и придумал новую работу, рабы накинулись на него и растерзали.

А вот, горя в свете уходящего солнца блестящими поясами глазури, громадной высокой бочкой поднимается Кальта-минар – памятник тщеславию. Он должен был стать самым большим минаретом в мире. Все силы Хивинского ханства были брошены на строительство гиганта. Но хан умер, и преемники его предпочли тратить деньги на другие цели. Так и стоит посреди города странное сооружение, которое, даже неоконченное, поражает размерами и смелостью замысла.

А красивее всех в Ичан-Кали гумбез Пахлавана Махмуда – усыпальница ханов Кунградской династии. Голубой купол его кажется копией небосвода, и отражения облаков, как по

настоящему небу, бегут по его бокам. Пахлаван Махмуд – богатырь Махмуд – был интереснейшим человеком. В его судьбе трудно найти что-либо общее с судьбами его жестоких преемников. Жил он более шестисот лет назад и прославился не войнами или набегами, а литературными и спортивными достижениями. Он известен как борец-профессионал и как поэт. Как борец, он не знал себе равных в Хорезме и выезжал бороться в Индию. Как поэт, он оставил нам диван на персидском языке.

Триста Кавказских гор истолочь в ступе,
обмазать девять куполов небес кровью сердца,
десять лет быть заключенным в подземелье легче,
чем провести мгновение с невеждой, —

писал он.

Но больше всего этот поэт и борец любил шить шубы. В крепости у него была скорняжная мастерская, и он завещал похоронить себя на ее месте. Тут и возвышается построенный через много лет мавзолеей. А рядом – мавзолеи поменьше, гробницы, похожие на шалаши; в Хиве подпочвенные воды близки к поверхности, и потому испокон веку хоронили не в земле, а на земле, в склепе.

Громадный крытый рынок с куполами и глубокими нишами настолько просторен и прохладен, что и сегодня в нем размещаются магазины. Он не один в Ичан-Кале. Есть и другой. Налоги с него шли на пополнение ханской библиотеки, на эти деньги покупались священные книги.

Многочисленные медресе города были весьма богаты. Ханы не скупились на подарки богу. Например, медресе Ала-Кули-хана владело девятью тысячами гектаров орошаемых земель – богатство, ни с чем не сравнимое в пустыне.

Путешествие по городу приводит в узкий коридор, стены которого, кажется, смыкаются над головой. Это проезд между двумя дворцами. В один из них, тот, что находится против рынка, стоит войти.

Это крепость в крепости. Когда за тобой закрывается низкая резная дверь, оказываешься в темноте. Еще одна дверь. И сразу – другой мир. Кажется, даже воздух здесь иной, прохладнее, свежее, хотя внутренний двор и обнесен со всех сторон стенами.

Двор устлан плитами, кое-где плиты уступают место деревьям. Вокруг – галереи, подпираемые старинными резными колоннами. В галереи выходят двери дворцовых помещений – казны, гарема, тронного зала, комнат хана. И всюду голубые изразцы. Глазурь их прекрасна. Таких нет даже в славных

керамикой Бухаре и Самарканде. «Цветы этих росписей, – говорил летописец, – служат образцами для весны».

Главный двор – не единственный во дворце. Если миновать несколько полутемных коридоров и залов, попадешь в другой, с мечетью и круглым возвышением посередине, похожим на лобное место. Здесь приезжавшие с поклоном туркменские и каракалпакские подвластные вожди ставили свои кибитки: они не любили комнат. Такое же возвышение находится и в главном дворе, у гарема. Говорят, там жила в кибитке одна из жен хана, кочевница.

Теперь во дворце музей истории. Он любопытен и поучителен. Рядом с орудиями палачей стоят изысканные вазы, тонкогорлые кувшины, висят расшитые халаты.

За столиком в большом зале сидит пожилой полный мужчина в тубетейке и что-то не спеша рисует на листе бумаги. Это один из лучших мастеров хорезмийской резьбы. Когда в Ташкенте строили оперный театр, то мастера из всех областей республики съехались туда и оформили залы фойе. Один из них покрыт хивинской резьбой по ганчу.

Старые ремесла сейчас возрождаются. Старики учат в художественной школе резьбе по ганчу, чеканке, и немного странно видеть в магазине рядом с пылесосом покрытый чеканной вязью кувшин, форма которого тысячелетиями передавалась от мастера к мастеру.

А когда солнце спрячется за стеной, надо подняться на прощание на одну из сохранившихся башен, откуда виден и старый и новый город. Старому – скоро тысяча лет. Город Хейва упоминается арабскими географами уже в X веке. Новому – прямым улицам, окруженным зеленью домам – совсем немного. Перед башней, внизу, – буйная зелень Дишан-Калы, сзади – погрузившаяся в тень путаница глиняных улиц. Только вершины минаретов да небесный купол Пахлаван-гумбеа освещены солнцем.

Отсюда видны и поля, окружающие город, и озера, образовавшиеся от сброшенной после орошения воды, – в них разводят рыбу и ондатр, – и нитки арыков, и широкие полосы магистральных каналов.

А если подняться над Хивой на самолете, то увидишь, как близко подходит к оазису пустыня, прижимая его к реке. И чем выше будешь подниматься, тем меньше будет становиться оазис и тем больше в поле зрения будет попадать небольших зеленых пятен – поселков и кишлаков, а то и одиноких зданий, связанных тонкими нитями дорог, бегущих через серое и желтое пустынное безлюдье. Полоски каналов и точки колодцев дают влагу этим

островкам зелени. С каждым годом островков больше и они расширяются. А расширяясь, захватывают развалины глинобитных мазаров и крепостей, холмы, скрывающие в себе метровые толщи черепков и кирпичей, – пустыня, которая отступает сегодня, некогда была цветущим краем, и, прежде чем возникла Хива, здесь шумели иные города, открытые археологами за последние десятилетия. От их развалин к сегодняшним улицам новой Хивы и служит мостом город-музей.

Город из «Тысячи и одной ночи» засыпает. Иногда только заурчит взбирающаяся на холм машина или засмеются ребята, возвращающиеся из парка...

А потом наступит утро, и гости громадного музея защелкают фотоаппаратами, художники усядутся в тени, изводя охра и берлинскую лазурь, и первая экскурсия подойдет к низкой двери в стене дворца.

Часть 3. Африка

Фрески Тассили

Убийцу зовут Сахарой

История человечества – длительный эксперимент, вернее, серия экспериментов, большинство из которых неудачны, несвоевременны и даже трагичны. Но не было бы их, неоткуда бы взяться всему богатству нашего опыта, разнообразию наших цивилизаций. Эта банальная истина повторяется здесь, потому что история фресок в Сахаре – история одного из этих экспериментов, поставленных людьми и природой, эксперимента неудачного, забытого тысячи лет назад, открытие которого в наши дни заставляет преклоняться и перед его размахом и значением, и перед его участниками.

За несколько тысяч лет до нашей эры – для каждого района Земли своя дата – первобытные люди, охотники и рыболовы вступают в период великих открытий. Открытие того, как сохранять огонь, как приручить животных, изготавливать разнообразные орудия из камня и кости, наконец, открытие земледелия...

Наиболее благоприятным для прогресса первобытных людей оказался, по выражению известного историка Брестеда, «плодородный полумесяц». Брестед, писавший в начале нашего века, включал в него долины Нила, Тигра, Евфрата и некоторые районы Ближнего Востока. Впоследствии, с развитием археологии, стало ясно, что в полумесяц следует включить долину Инда и долины великих китайских рек. Для всех этих мест характерен был теплый климат с четко выраженными временами года, плодородные земли и, главное, наличие пресной воды.

«Плодородный полумесяц» тянулся от восточных пределов Азии до долины Нила, и именно там возникли самые ранние из великих цивилизаций. А вот западнее Нила цивилизаций, как полагали еще совсем недавно, быть не могло: громадная пустыня заставляла людей жаться к берегам Средиземного моря. Скудные земли, редкое население...

Казалось, так в Сахаре было всегда. В V веке до нашей эры Геродот писал о песчаных дюнах, соляных куполах и пустоте раскаленного мира пустыни. Страбон, живший на четыре века позже, рассказывал о том, как обитатели Сахары берегут воду: кочевники укрепляют бурдюки с водой под брюхом коней. Еще через сто лет Плиний описывает реки, возникающие лишь после редких дождей, колодцы в пустыне... Сахара казалась вечной, незблемой и постоянной в своей враждебности к человеку.

Но время от времени, по мере того как исследователи все глубже уходили в пески, начали появляться сообщения, что в глубине Сахары существуют какие-то рисунки на скалах – свидетельство тому, что в самых безводных на свете местах когда-то жили или бывали люди.

В середине прошлого века француз Дюверье видел петроглифы близ оазисов Гаг и Ин-Салах в Ливии, через несколько лет изображения быков и верблюдов заметил немецкий путешественник Нахтигаль. Еще чаще находили петроглифы и рисунки на скалах в нашем веке, однако особого внимания они не привлекали, ибо никто не задумывался о их древности и не придавал большого значения их художественной ценности. Да что Африка! Когда были найдены великолепные первобытные росписи в пещере Альтамира в Испании, те самые, с которых сегодня начинается любая история искусств, авторитеты, осмотрев их, понимающе улыбнулись, отобедали с владельцем той местности, где находится пещера, и, разъехавшись по домам, единодушно заявили, что все это нарисовал их гостеприимный хозяин, ибо первобытному человеку такое не под силу, да и зачем ему, бедному, искусство?

Но уже к тридцатым годам нашего века положение изменилось. Новые находки первобытной наскальной живописи в Европе и других местах Земли убедили ученых в том, что наши предки не только любили, но и умели отлично рисовать. Экспедиции, возвращаясь из Сахары, привозили все больше материалов – копий фресок и петроглифов, которые не только изменяли представление о первобытном населении пустыни, но и вызывали недоуменные вопросы: почему, например, на фресках изображены такие животные, как бегемот, страус, слон, носорог и даже жираф? Неужели их авторы уезжали столь далеко на юг, чтобы увидеть этих экзотических для Сахары зверей? Откуда на росписях появляются лошади и колесницы? Почему на одной из них изображена египетская ладья?

В 1932 году молодой французский офицер Бренан прибыл к плато Тассилин-Аджор в Алжире, неподалеку от Феццана, для несения тоскливой колониальной службы. Бренан оказался человеком любознательным, энергичным, притом неплохим рисовальщиком. Он облазил в поисках фресок многие районы плато и отсылал свои прорисовки крупнейшему знатоку первобытной живописи А. Брейлю. Прорисовки были настолько интересны, что Брейль стал добиваться разрешения послать туда, в самое сердце Сахары, специальную экспедицию. Однако началась война, разговоры об экспедиции сами собой прекратились, и только через десять лет после окончания войны в

Сахару отправилась экспедиция, во главе которой стоял путешественник и историк Анри Лот.

Это была солидная, современная экспедиция, и в первую очередь именно за это мы должны быть благодарны французскому исследователю. Он отправлялся в Сахару надолго, намереваясь скопировать как можно больше фресок и сделать это по возможности точно – не зарисовки в произвольном размере, а точные цветные копии. Неудивительно, что экспедиция, в числе которой было несколько художников, фотограф, кинооператор, за иол-тора года тяжелейшей работы буквально открыла миру искусство Сахары и произвела переворот в наших представлениях об этом крае света.

Есть нечто общее между такими людьми, как Хейердал, Лот, Бомбар, Тазиев, Кусто: они являют собой современную генерацию путешественника и исследователя. Они не только не боятся трудностей, риска, не только умеют находить необычные пути к решению порой, казалось бы, неразрешимых вопросов, но и умеют рассказать о своих достижениях так, что приобщают к своему делу десятки миллионов сторонников. Однако специалисты, признавая сам факт подвижничества, не могут зачастую простить им неортодоксальных путей и громкой известности.

Так же случилось и с Лотом. Именно работы его экспедиции обогатили нас искусством древней Сахары. Но как часто слышишь об их неточности и даже фальсификации!

Все это сказано не ради оправдания ошибок и неточностей Хейердала или Лота, а для того, чтобы напомнить: не сделай они того, что сделали, наша жизнь была бы заметно скучнее и беднее.

Тассили на языке туарегов означает «речное плато». Правда, рек там нет и в помине. «Структура различных участков массива (его длина – 800 километров, а ширина – 50–60), – пишет Анри Лот, – очень разнообразна. Южный край Тассили круто нависает над плоскогорьем Ахаггара, возвышаясь над ним на 500–600 метров. Хребты из песчаника, составляющие массив и рассекающие его лощины, имеют общее направление с юга на север. Водные потоки вырыли многочисленные каньоны, все более углубляющиеся по мере удаления от горных хребтов. Весь массив подвергся воздействию вод, которые буквально изрезали его и придали причудливые формы. Они размывали, выдалбливали, просверливали массив, превращая порой огромные каменные глыбы в кружева. Вода? В краю, где никогда не бывает дождей? Да, вода. Все это, разумеется, происходило в далеком прошлом. Миллионы лет массы песчаника подвергались воздействию стихий... Наш путь лежит среди высоких колонн,

напоминающих руины громадного средневекового города с обезглавленными башнями, церковными шпилями, папертями соборов, химерами, диковинными архитектурными ансамблями... Весь рельеф местности, множество впадин в скалах напоминают городскую площадь, окруженную домами. Вполне понятно, почему первобытные народы селились в этих местах...»

Проблем было несколько, и неизвестно, какая из них главнее и мучительнее. Жара. С жарой еще можно было мириться хотя бы потому, что жара неотъемлемая черта Сахары, так сказать, фирменный знак. Холод. Холод был не менее частым гостем, чем жара: ночью на плоскогорье вода в канистрах замерзла и спальные мешки порой покрывались инеем. Ветры. Вернее, бури, засыпающие песком лагерь, рвущие бумагу и сносящие палатки. Наводнения. Да, даже наводнения. После нескольких лет без дождя дважды обрушивались грозные ливни, преображающие каменный город в сонм ревущих потоков. Змеи и скорпионы. Лот уверяет читателей, что рогатая гадюка, поселившаяся рядом с его палаткой, была миролюбива и труслива и скорпионы, которых каждое утро вытаскивал из своего спального мешка художник Гишар, тоже отличались миролюбием, хотя поверить в это не так легко. Перевалы. Там падали от усталости и умирали верблюды, там приходилось разгружать караван и тащить на руках по бесконечным каменным осыпям припасы и металлические столы для рисования. Жажда и голод. Частые спутники экспедиции, когда приходилось пить грязь со дна пересохших, кишящих насекомыми водоемов. И так далее...

Ради чего же полтора года без перерыва, почти без выходных, многократно рискуя жизнью, болея, голодая, Лот и его товарищи ползали, подобно мухам, по крышам и стенам пещер и скальных выемок, накладывая на фрески громадные листы бумаги, переводя на них контуры фигур и раскрашивая их потом, чтобы достичь точного соответствия? Они делали это, потому что были поражены и околдованы талантом древних художников, потому что почитали неременным долгом разделить свое восхищение с человечеством, и вряд ли кого-либо из них тогда беспокоили мысли о славе. Кстати, в добровольцах у Лота недостатка не было, и работала в экспедиции в основном молодежь. Не все выдерживали каторжные условия Сахары, но те, кто выдержал и остался до конца, научились радоваться редкому дождю, случайному дереву, рассвету или чистому роднику под скалой и, главное, не уставали восторгаться найденным и искали новые шедевры древнего искусства.

Сегодня тысячи фресок Тассили, скопированные экспедицией Лота и занявшие почетное место в музее Человека в Париже, и

тысячи других копий и снимков, сделанные учеными, пришедшими туда по следам Лота, позволяют не только оценить уровень и размах созданного древними обитателями центра Сахары, но и узнать немало об истории этой пустыни, оказавшейся совсем иной, нежели предполагалось.

Самые ранние фрески Тассили созданы по крайней мере семь тысяч лет назад. Изображены на них, сначала схематично, затем со все большей точностью и выразительностью, охотники (круглоголовые) и животные – слоны, муфлоны, антилопы, носороги.

Однако удивление историков и искусствоведов, когда они увидели тропических зверей и поняли, что Сахара относительно недавно была благодатным краем, можно объяснить лишь их незнанием истории Земли. Ведь последний ледниковый период завершился менее 10 тысяч лет назад. Причем слово «завершился» весьма условно. В то время, когда появились первые фрески Тассили, значительная часть Европы была еще покрыта ледником, а в сибирской тундре можно было встретиться с мамонтом. Цивилизация в Сахаре старше цивилизации в долине Нила по той причине, что нижняя часть этой долины была непригодна для оседлой жизни: значительно более широкая и полноводная, чем сегодня, река текла среди обширных болот. Климат на всей Земле 8 тысяч лет назад был куда более прохладным и влажным, и «плодородный полумесяц» был действительно плодородным.

Прогресс определяется обстоятельствами. От хорошей жизни охотники и собиратели не становятся скотоводами или пахарями. Это случается лишь тогда, когда охота перестает кормить – либо (чаще всего) по причине изменения климата, либо из-за появления избытка голодных ртов.

Зеленая Сахара начала высыхать, жирафы откочевали южнее, все меньше становилось слонов и антилоп, разводить скот стало надежнее и практичнее, чем отыскивать диких животных. Примерно за 4000 лет до нашей эры в Сахаре наступает эпоха скотоводов.

Скотоводство изменило характер труда. Если охотника в буквальном смысле слова кормили ноги, то стада домашнего скота внесли новый порядок и закономерность в жизнь племен. Это отразилось и в искусстве Сахары. Оно стало монументальнее и разнообразнее. Человек в нем – социальное существо с многочисленными занятиями. Мы видим сцены пастбы, повседневной деревенской жизни, добывания воды из колодцев, праздников, перекочевков, даже суда. В то же время художники как бы отрываются от действительности и создают образы богов или

каких-то фантастических существ, достигающих колоссальных размеров. Художник, словно впервые задумавшись над смыслом окружающего его мира, потрясен этим миром и пытается воссоздать в своих творениях внутреннюю взаимосвязь и отношения его частей. Привидениями поднимаются на высоту 5 метров фигуры «марсианских богов», давших благодатную пищу приверженцам иноземных пришельцев, со стены пещеры смотрит четырехметровый лев, порой встречаются гибриды – антилопа с туловищем слона, страус с львиной мордой... К этому же периоду Лот относит великолепную фреску, названную им «Белой дамой», – легко бегущую чернокожую женщину в странном головном уборе.

Искусство переплетается с первобытной магией, и власть его выходит за пределы разума.

Художники Сахары отлично умели использовать естественные краски: белую глину, охру и разноцветные сланцы, выходы которых нередки в Тассили. Они смешивали охру с растительным клеем или молоком и писали фрески на стенах выемок и пещер, часто высоко на потолке или в нескольких метрах над землей, умело выбирая наиболее выгодную точку обзора, но никак не заботясь об удобствах будущих копировальщиков. С течением времени меняются вкусы художников, палитра становится все богаче.

Скотоводческий период, охвативший две с половиной тысячи лет, завершился приблизительно за полтора тысячелетия до нашей эры и сменился эпохой лошади, за которой примерно в 600 году до нашей эры пришел период верблюда.

Конец скотоводческого периода – закат фресок Тассили. В это время Сахара уже стала пустыней. Может, не такой страшной и бесконечной, как сегодня, но достаточно негостеприимной. Постепенно высохли могучие реки Тафассасет и Соро, несшие воды в Палеочад, оскудели родники в горах. Земледелие не успело развиваться в Сахаре. Египетская цивилизация, напоенная полноводным Нилом, к этому времени далеко обогнала сахарскую. К тому же с севера в эти области все активнее, по мере того как слабели сахарские поселения, вторгались берберийские племена Северной Африки. На поздних фресках Тассили изображены битвы с врагами. К этому времени относится и удивительно драматичное «полотно», на котором раненый или умирающий воин, вернувшийся домой, падает у ног жены, все еще сжимая в руке лук.

Фрески Тассили, начавшись с наивных и экспрессивных картин охотников в скотоводческий период, поднялись до высот мирового искусства. Когда же Сахара и враги добывали эту

удивительную, но не выдержавшую борьбы с природой цивилизацию, искусство Тассили быстро деградировало. И одна из самых поздних фресок, изображающая воина на верблюде, нарисована будто двухлетним ребенком: «точка, точка, два крючочка...».

Жизнь завершилась. Лишь редкие шатры туарегов можно найти в этой пустыне. Но туареги не помнят, кто и почему создал эти картинные галереи, и не знают животных и людей, изображенных там, людей разных – и с негроидными чертами лица, и похожих на египтян или ливийцев.

Самая большая в мире картинная галерея, протянувшаяся на сотни километров, – память о том, как развивалась здесь согретая солнцем и напоенная реками человеческая цивилизация, создаваемая неизвестными нам народами, позднее влившимися в иные культуры. Фрески подробно и правдиво рассказывают о возможностях сахарской цивилизации, о том, что она занимала западный рог «плодородного полумесяца», развиваясь так же, как культура Египта, Инда и Хуанхе, но эксперимент закончился неудачей: природа оказалась сильнее людей и отняла у них плоды их труда.

Сахарская цивилизация оборвалась, так и не построив городов и храмов... Но и то, что она создала, заставляет нас преклоняться перед художественным гением этих кочевников, скотоводов и ранних земледельцев, во многом превзошедших своих соседей и совершивших художественный подвиг. И никак нельзя объяснить эти сотни тысяч рисунков лишь религиозными побуждениями. Художники радовались красоте окружающего мира, они были первыми, кто смог воспеть истинную гармонию человеческого тела, грацию зверя, пластику танца, рассказать подробно и красочно о мире, который был убит пустыней.

Карнак

Тысячелетняя луковица

Фивы – столица фараонов XVIII династии – лежат в семистах километрах южнее Каира, на берегу Нила, на землях четвертого нома Верхнего Египта. Оттуда уже недалеко до первых порогов Нила, до нубийских земель, чужих во время строительства пирамид, но покоренных к середине II тысячелетия до нашей эры.

XVIII династия, пожалуй, самый известный период в жизни древнего Египта. Ее фараонов мы знаем со школы, именно с их именами связана для нас история этой страны: Тутмос III и его гордая соправительница Хатшепсут, Аменхотеп IV, бунтарь, известный под именем Эхнатона, его прекрасная жена Нефертити, юный Тутанхамон, покорный жрецам Амона...

Сегодня Фивы, известные во времена фараонов под именем Уасет, зовутся Луксором. Это красивое название не имеет отношения к Египту. Когда-то римляне, дойдя до этих мест, назвали поставленный здесь укрепленный лагерь «кастра», отсюда пошло арабское имя Аль-Кусур, переименованное впоследствии европейцами в Луксор.

Затерянные в песках близкой пустыни храмы и здания Фив были к средневековью забыты, лишь феллахи соседних деревень почитали их созданием джинов. На рубеже прошлого века, разгромив у пирамид мамлюков, Наполеон бросил вслед за ними дивизию генерала Дессекса. Солдаты, утомленные бесконечным путем вдоль великой реки, однажды увидели поднимающиеся из песка гигантские колонны. И загорелые, обожженные солнцем и ветрами солдаты революционной Франции без команды отсалютовали памятнику, равного которому им, покорителям пирамид и Нижнего Египта, видеть еще не приходилось.

Очевидно, солдаты сначала увидели колоннаду Луксорского храма – южного дома бога Амона. А может быть, основной храм Фив, известный теперь под названием Карнак, по имени расположенной рядом арабской деревушки.

Обрушившееся на Европу после египетских походов Наполеона увлечение Египтом – не только его искусством, но и его тайнами, мистикой, которой невежды окутывали все связанное с темными колоннадами храмов, геометрической правильностью пирамид, мумиями и гробницами – в значительной степени было связано именно с Луксором и Карнаком – наиболее театральными, изысканными, сложными и загадочными из храмов древнего Египта. Линиями лотосовых капителей и строгих пилонов навеян во многом ампи́р начала

прошлого века – каминные часы и императорский фарфор, бесконечные сфинксы и пирамидки, что украшали петербургские и парижские дворцы.

И в самом деле, если в основном египетские памятники просты, логичны и не вызывают ассоциаций с театром или лабиринтом, то Карнак, пожалуй, исключение. Более сложного памятника, в котором можно заблудиться, как на узких улочках средневекового города, со множеством коридоров, тесными нишами и камерами, лесами колонн, сотнями статуй богинь, галереями сфинксов, спокойным блеском священных озер и руинами изрезанных рельефами блоков, в Египте не отыщешь.

Причина тому выяснилась после раскопок Мариетта, Шеврье, Легрена и других знаменитых археологов прошлого века. Оказалось, что храм Амона в Карнаке подобен луковице: он, центральное святилище главного бога страны, строился, достраивался и дополнялся в течение двух тысячелетий сотнями фараонов и правителей, каждый из которых почитал своим долгом оставить там след, пусть статую, пристройку, барельеф, но обязательно оставить. Великие же фараоны не ограничивались колонной или статуей, они словно участвовали в грандиозном соревновании, растянувшемся на столетия: кто сможет лучше прочих угодить Амону.

Очевидно, основание карнакского храма относится к XI династии, когда Фивы превратились из незначительного поселения в крупный, процветающий город в среднем течении Нила, где скрещивались пути из Нубии, из Пунта, с Красного моря и из больших оазисов западной пустыни. К началу XII династии (2000 год до нашей эры) культ Амона уже главный в Фивах. К этому времени относится сооружение первых значительных его строений.

При раскопках в центральной части стоящего сейчас храма обнаружены следы храма времени фараона Сенусерта I. Кроме того, Сенусертом был возведен небольшой храм, из тех, что именуются египтологами «киосками». Он тоже не сохранился, но его блоки, пошедшие на сооружение позднейших святилищ, позволили французскому архитектору Шеврье собрать его и поставить вновь.

Фараоны без особого уважения относились к труду своих предшественников, ради собственной славы всегда готовы были разорить чужой храм. Это в тех случаях, когда они лично ничего не имели против предшественника. А если в дело примешивались личные обиды или вражда... Эта драма наглядно видна в Карнаке – не только памятнике египетской архитектуры, но и монументе драме египетской истории.

Изгнав из страны гиксосов, фараоны XVIII династии вновь объединили Египет и после ряда завоевательных войн расширили его границы далеко за пределы Нильской долины. Египет стал богат и могуществен, и это сразу отразилось на строительстве храма Амона.

Уже Аменхотеп I строит там алебастровый храм, также найденный в наше время в блоках и восстановленный археологами. Тутмос I сооружает три великолепных пилона, ведущие к храму, и гипостильный (колонный) зал; царица Хатшепсут строит зал из кварцитовых блоков для ритуальной ладьи Амона и ряд других строений, а также четыре высоких обелиска.

Но наследник Хатшепсут и ее соправитель Тутмос III в первую очередь занимается тем, что старается стереть с лица земли все, что связано с именем его тети. У Тутмоса были основания ее ненавидеть.

Когда умер великий фараон Тутмос I, он оставил царство сыну наложницы Тутмосу II, и тот, чтобы упрочить свои права на престол, тут же женился на своей сводной сестре, молодой и прекрасной принцессе Хатшепсут, дочери главной жены своего отца. Восемнадцать лет брат и сестра правили Египтом, и когда в 1501 году до нашей эры Тутмос II умер, то престол должен был перейти к его сыну, десятилетнему Тутмосу III, происхождение которого также оставляло желать лучшего: его матерью была незнатная наложница.

В первые два года правления юного Тутмоса ничего не менялось в государстве: управляя страной, Хатшепсут делала это от имени племянника. Но затем царице надоело оставаться на заднем плане, и произошел бескровный переворот, в котором женщина объявила себя фараоном. В этом царицу поддерживали могущественные вельможи, опасавшиеся, что с молодым фараоном к управлению страной придут жадные до власти и уставшие ждать своего часа стяжатели.

Почти двадцать лет Тутмос ничего не мог поделывать со своей теткой. Жизнь проходила, а энергичная царица оказалась на редкость живучей и никак не желала отдавать племяннику трон. Только тридцатилетним мужчиной Тутмосу удалось избавиться от тетки, которая умерла или была убита.

Все последующие годы своего правления Тутмос III выискивал по царству барельефы, статуи, надписи своей тетки и разрушал их, чтобы стереть с лица земли память о ней.

В Карнаке Тутмос решил разделаться с громадными тридцатиметровыми обелисками Хатшепсут. Казалось бы, самым простым методом борьбы с ними было разрушить их и заменить

своими. Но почему-то, возможно из-за противодействия могущественных жрецов Амона, Тутмос не решился на это, а предпринял на редкость непроизводительную акцию: он приказал возвести стены и замуровать в них обелиски – никто не должен их видеть.

Для того чтобы замуровать тридцатиметровые обелиски, следует построить соответственные по высоте стены. Стена поднялась на 20 метров, и почему-то на этом сооружение тюрем для обелисков было прервано. Вершины обелисков жирафьими головами возвышаются над тюремной стеной.

Зато с барельефами и надписями Хатшепсут Тутмос расправился беспощадно. Лица царицы сбиты долотом, картуши с ее именем стесаны. Правда, не везде: порой каменщики были нерадивы либо среди жрецов существовала какая-то оппозиция – все следы царствования Хатшепсут Тутмосу уничтожить не удалось.

Расправившись с памятью о тетке, Тутмос приступил к собственному вкладу в храм. Были поставлены два обелиска и несколько статуй, построен роскошный зал для «хебседа» – царского юбилея, перестроено большинство уже стоявших сооружений, выбиты барельефы, повествующие о военных подвигах Тутмоса, и, наконец, сооружен зал, получивший название «ботанического сада», потому что на его стенах изображены растения и животные Египта.

Два последующих фараона этой династии не внесли особых изменений в храмовой комплекс, зато Аменхотеп III (1411–1375 годы до нашей эры) взялся за перестройку храма с энтузиазмом. Он соорудил новый храм, окруженный полумесяцем священного озера, в котором поставил 600 двухметровых гранитных статуй богини Сохмет. Почему-то этим статуям довелось уже в наше время много попутешествовать – во всех крупнейших музеях мира есть делегаты этой многочисленной семьи. Одна из статуй стоит и в Государственном Эрмитаже. У священного озера Аменхотеп установил внушительную монолитную статую священного жука-скарабея и, наконец, воздвиг центральную колоннаду, увенчанную капителями в виде раскрытых цветков лотоса. Двадцатиметровые толстые колонны так велики, что на капители каждой из них может разместиться сто человек.

Аменхотеп III не ограничился работами в храме Амона. Не менее известен и его собственный заупокойный храм, сооруженный на другом берегу Нила, у которого стоят две громадные статуи фараона, известные как колоссы Мемнона. При нем же воздвигнуты грандиозный третий пилон и храм Монту.

Когда мы сегодня отдаем должное Аменхотепу III, мы этим в

первую очередь обязаны другому Аменхотепу, сыну Хапу, человеку с плоским скуластым лицом, большими, резко очерченными, почти негритянскими губами, крепким подбородком и узкими выпуклыми глазами. Статуя этого некрасивого, полного человека сохранилась в одном из храмов Карнака.

Если Имхотеп – первый гений истории, изобретатель пирамид и каменной архитектуры Египта, то тезка фараона завершает создание нового типа классического храма. Зодчий Аменхотеп, сын Хапу, столь высоко ценился фараоном, что ему дозволено было построить свой собственный заупокойный храм в Фивах, где в упрощенной и ясной форме видно все то, чего достигла египетская архитектура.

Принцип храма, задуманный архитектором Инени и разработанный в окончательной форме Аменхотепом, заключался в следующем.

Храм начинался от Нила. Там сооружался мол, к которому могли приставать ладьи, перевозившие в праздники статую божества. От воды к храму вела аллея сфинксов, которая завершалась у высоких торжественных пилонов, украшенных барельефами и надписями. Перед пилонами обычно стояли колоссы фараонов. Пройдя под пилоном, оказываешься в обширном дворе, окруженном с трех сторон колоннами, далее попадаешь в гипостильный зал с двумя рядами главных колонн, образующих неф, и несколькими рядами колонн по бокам. Затем следует зал для ритуальной ладьи Амона и зал для статуи божества. Кроме того, в задней части храма расположено множество других помещений: сокровищницы, кладовые, архив и так далее. Комплекс храма дополняется парком и священным озером.

Эта схема могла варьироваться. Иногда бывало меньше залов, иногда больше, в уникальном храме, подобном Карнаку, оказалось куда больше пилонов и статуй фараонов, чем возможно для иного святилища, а в заупокойном храме самого зодчего Аменхотепа количество и размер помещений скромны и невелики.

В этой системе все было продумано и проверено опытом поколений. Создавая на ее основе великие храмы Фив, зодчие в первую очередь имели в виду воздействие храма на молящегося.

Когда торжественное шествие поднималось между рядами строгих сфинксов к пилонам, те вырастали, казалось, до неба и подготавливали к встрече с таинством. Недвижные колоссы фараона доказывали ничтожество человека, входящего в храм. После просторного, величественного, яркого двора человек

попадал в полумрак таинственного леса гипостильного зала, в лес смыкающихся в сказочной высоте колонн, зелень пышных капителей которых растворялась в синеве потолка, сверкающего золотыми звездами.

Остальные помещения дворца были теснее, ниже и темнее предыдущих, лишь в реликварии порой предусматривалось отверстие в стене или в потолке, откуда луч света падал на статую бога...

Последующая история Карнака вновь возвращает нас к борьбе идей и партий. Аменхотеп IV (Эхнатон), бунтарь, провозгласивший культ Атона и перенесший столицу в Амарну, где родился странный, трогательный, реалистический и в чем-то декадентский стиль нового, оваянного гуманистическими, но нежизненными идеями искусства, не любил храма Амона – воплощения власти жречества. К востоку от карнакского храма он выстроил храм Атона. Но от него ничего не осталось: после гибели смелого и обреченного на неудачу эксперимента жрецы и последующие фараоны сровняли храм Атона с землей. Но, как и везде, в Карнаке ничто не пропало бесследно. Тому виной практичность последующих строителей. При раскопках были обнаружены статуи еретика Эхнатона, а многие блоки из его храма, украшенные барельефами в стиле амарнской школы, оказались вкрапленными в позднейшие постройки во славу Амона.

Замаливая грехи Эхнатона, его наследники Тутанхамон и Эйе поспешно воздвигли в Карнаке стелы и обелиски в честь вернувшегося к власти Амона. Фараоны следующей, XIX династии Сети I и Рамзес II также прибавили славы Карнаку, воздвигнув еще один гипостильный зал. Кроме того, Рамзес оставил след в Карнаке, воздвигнув там двух своих колоссов – сидячие статуи, у ног которых стоят карликовые фигуры его жены Нефертари.

Сменялись династии, сменялись фараоны, и Карнак продолжал обрастать стелами, обелисками, пилонами, храмами и «киосками». Особенно старались те фараоны, которые не были уверены в своих правах на священный престол. Так, нубийский фараон Тахарка предпринял строительство колоннады в первом дворе храма, от которой сохранилась лишь одна не очень красивая, сходная с бочкой двадцатиметровая колонна. Посетил этот храм и Александр Македонский, из политических соображений чтивший чужих богов. Он приказал перестроить одно из помещений за залом Тутмоса III, которое и теперь называется «молельней Александра». Многие соорудили в Карнаке и Птолемеи, которым Египет достался при дележе империи Александра. Именно с их деятельностью связана

странная находка на территории храма, сделанная в 1903 году французским археологом Легреном.

Рядом с одним из пилонов Легрен обнаружил яму с обломками стел и статуй. В этом не было ничего удивительного: за тысячу лет храмы ветшали, разрушались врагами (например, в 663 году до нашей эры ассирийский царь Ашшурбанипал целиком разграбил и сжег Фивы). Тяжелые, непригодные в дело обломки могли и закопать. Но удивительными были масштабы находки. Когда Легрен извлек из-под земли обломки, оказалось, что под ними лежат другие статуи и барельефы. Месяц за месяцем трудились рабочие, вытаскивая из невероятной ямы, вернее, пропасти все новые чудесные памятники древнего Египта. На глубине четырнадцати метров раскопки пришлось прекратить, потому что в тайник хлынули подземные воды. Одних каменных статуй было обнаружено семьдесят пять, не считая многочисленных стел и барельефов.

Вот эта свалка и приписывается теперь Птолемеям, наводившим порядок в доставшемся им хозяйстве... Им-то уж совсем не было дела до труда далеких фараонов.

К тому времени Карнак стал туристским центром. А туристы, как известно, не меняются со временем, их «профессиональная» болезнь свирепствует сегодня с такой же силой, как она свирепствовала две тысячи лет назад. Так вот на стенах Карнака сохранилось немало античных надписей типа «Вася + Петя посетили». Правда, сегодняшние археологи относятся к ним куда терпимее, чем к надписям, оставленным на карнакских стенах нашими современниками, – а их тоже, к сожалению, немало.

Абу-Симбел

Дважды чудо

Античные авторы, отнесшие пирамиды к числу чудес света, не обошедшие вниманием Александрийский маяк на острове Фарос и немало писавшие об Александрийской библиотеке, ни слова не сообщили об Абу-Симбеле. Они о нем уже не знали. Не сообщили об этом храме и спутники Наполеона: его полки туда не добрались. И потому, когда в 1813 году швейцарец Буркхардт, который путешествовал вверх по Нилу переодетый арабом, добрался до третьих порогов Нила и услышал о храме Эбсамбала, он попросил отвести его к этому строению. Но храм, увиденный им, хотя и показался красивым, большого впечатления не произвел. В Нижнем Египте Буркхардт видел куда более впечатляющие храмы.

Стоя на берегу Нила между первыми и вторыми порогами, почти у южной границы Судана, Буркхардт смотрел на пилоны, вытесанные в круто спускающейся к берегу скале. Между пилонами, оберегая вход в храм, возвышались шесть статуй – четыре мужские и две женские, до колен засыпанные песком. Статуи тоже были вытесаны в скале.

Буркхардт заглянул внутрь. Обширный низкий зал уходил в темноту, и свет факелов, которые принесли с собой проводники, выхватывал изысканные, когда-то раскрашенные барельефы. Под ногами хрустели угольки от костров и шуршали пересохшие тряпки. Проводник объяснил Буркхардту, что окрестные феллахи прячутся в этом храме от набегов бедуинов. Было душно, и прекрасные царицы простирали тонкие длинные руки к богам, не обращая внимания на закутанного в бурнус пришельца. В глубь храма, в тесную тьму коридоров, Буркхардт забираться не стал. С облегчением выбрался через гору песка обратно к берегу и зажмурился от ослепительного солнца.

Спускаясь к ожидавшей его лодке, Буркхардт обернулся, чтобы кинуть последний взгляд на каменные статуи, отвесы скал и языки песка, наваянные за тысячелетия пустыней. И вдруг он увидел нечто необычное слева, там, где склон плоскогорья отступал от воды.

Язык песка, влившийся в долину, словно водопад, и добравшийся до воды, достигал там многометровой толщины. Из песка на путешественника смотрела громадная голова, увенчанная двойной короной фараона, дальше от берега он увидел еще две утопленные в песке короны.

– Что это такое? – обернулся Буркхардт к проводнику.

Проводник пожал плечами. Статуи джиннов были спрятаны пустыней испокон веку.

– Там тоже храм?

Проводник не ответил. Взявшись за высокий нос лодки, он ждал, когда этот любопытный хаджи последует за ним. Но Буркхардт уже бежал, утопая в песке, к погребенным колоссам...

Ничего больше Буркхардт не увидел. Он даже не понял, стоят ли эти статуи, сторожа скрытый вход в храм, либо это сидячие статуи, как колоссы Мемнона в Фивах...

Прошло четыре года, и итальянский путешественник Джованни Бельцони сделал второй шаг в открытии колоссов у городка Абу-Симбел. Итальянский авантюрист был в несколько ином положении, чем его предшественник: у Бельцони был документ, выписанный английским генеральным консулом и подтвержденный турецкими властями. Ему разрешалось искать древности для Британского музея.

Бельцони знал об открытии Буркхардта и предположил, что статуи Абу-Симбела берегут храм, в котором, спасенные пустыней от грабителей, таятся сокровища.

Приехав в Абу-Симбел, Бельцони нанял рабочих и принялся копать песок между статуями. Через несколько дней показался вход в колоссальный пещерный храм, состоящий из нескольких обширных залов с десятиметровыми статуями. Это был, как писал Бельцони, «один из самых великолепных храмов мира, богатый замечательными рельефами, картинами и гигантскими фигурами». Бельцони спустился внутрь с блоком, надеясь зарисовать то, что видел, но жара в храме была такая, что пришлось спасаться бегством, чтобы не потерять сознание от духоты.

Саркофагов, мумий, драгоценностей – сокровищ в храме не было.

Через несколько лет одну из статуй, сидевших у входа в храм, ту, что была ближе других к реке, расчистили. Статуя достигала двадцати пяти метров в высоту и была вырезана, как и весь храм, из скалы. Вес ее (что узнают куда позже и что будет немаловажно для тех, кто придет сюда в середине XX века) превышал 1200 тонн.

Стало ясно, что статуя изображает Рамзеса II, одного из последних великих строителей Нового царства, построившего этот пещерный храм за тринадцать столетий до нашей эры.

С тех пор Абу-Симбел стал одним из самых популярных мест паломничества туристов в Египте и самой южной точкой, до которой добирались туристы.

Одной из них была Амелия Эдварде, попавшая туда в один из

октябрьских дней 1870 года. Она вошла в храм утром, когда еще нежаркое осеннее солнце поднялось за Нилом, освещая постепенно фасад храма. В тот момент, когда Амелия Эдварде проходила между высокими пилонами, солнце как раз высветило лица статуй – три одинаковых гигантских лица, голова четвертого колосса упала и лежала у ног статуи.

Амелия не спешила. Несмотря на жару и духоту в храме, она шла медленно, задерживаясь у барельефов, и проводник терпеливо вел факелом вдоль стен, заставляя статуи гримасничать. Наконец Амелия добралась до последнего зала – святилища... И вдруг ей показалось, что ее настигает огонь: ослепительный свет ударил в спину, и луч солнца уперся в фигуры Рамзеса и бога Амона, сидящих у задней стены святилища. Несколько минут статуи купались в солнечном свете, потом луч исчез, и святилище вновь погрузилось в темноту.

Так было сделано открытие.

Оказалось, что храм построен с таким расчетом, что дважды в году, утром, поднимающееся солнце пронзает всю анфиладу подземных залов и освещает статуи святилища. Подсчитано, что впервые солнце осветило статуи 20 октября 1274 года до нашей эры, в день тридцатилетнего юбилея царствования Рамзеса II.

Пожалуй, на этом и можно бы завершить рассказ об Абу-Симбеле, дополнив его несколькими фразами о том, как строили и раскрашивали этот храм, или рассуждениями (впрочем, ничего не объясняющими), почему Рамзес избрал местом для столь гигантского строительства пограничный район своей державы, пустынный и безлюдный...

Но судьбе было угодно, чтобы с Абу-Симбелом была связана драматическая история наших дней.

Уже к началу строительства Асуанской плотины было ясно, что созданное людьми водохранилище – озеро Насер постепенно затопит побережье Нила выше первых порогов и под воду уйдет ряд памятников Верхнего Египта и Нубии. И наверняка храмы Абу-Симбела – малый храм, увиденный Буркхардтом, что построен в честь царицы Нефертари, и большой храм – Рамзеса и Амона.

Когда об этом стало известно, возникло множество планов спасения Абу-Симбела. В ЮНЕСКО, возглавившую кампанию по спасению храмов, поступали проекты со всех концов света. Помимо ряда просто фантастических либо фантастически дорогих существовали проекты реальные. Например, французский проект предлагал сооружение вокруг храмов каменной, заполненной песком дамбы. Однако вскоре выяснилось, что если сооружение самой дамбы вполне осуществимо, то стоимость

системы отвода просачивающейся сквозь дамбу воды превысит стоимость сооружения самой дамбы, но не даст гарантии, что храм будет обезопасен. Итальянские инженеры предложили вырезать из скалы оба храма целиком и поднять их домкратами. Но для этого требовалось создать домкраты, способные поднять две глыбы в 300 тысяч и в 60 тысяч тонн весом. Был проект соорудить громадные понтоны, дожидаться, пока вода подступит к храмам и сама поднимет их выше. Из Польши поступил проект, который предлагал оставить храмы под водой, но покрыть их железобетонными колпаками. Наконец, англичане предложили затопить храмы, но окружить их тонкой стеной, которая бы не пропускала к храмам мутные воды Нила, а создала как бы аквариум чистой воды, чтобы туристы могли любоваться затопленными храмами с пароходов.

В результате долгих переговоров и рассмотрения сотен проектов ЮНЕСКО и правительство АРЕ остановились на итальянском проекте подъема храмов домкратами. Но последнее слово осталось не за инженерами, а за финансистами. Стоимость итальянского проекта составляла девяносто миллионов долларов – сумму, которую оказалось невозможным выделить.

Время не ждало: вот-вот должно было начаться заполнение водохранилища. И тогда пришлось пойти на компромиссный план, предложенный шведами: распилить храмы на блоки, поднять их поочередно вверх и там, на новой площадке, собрать храмы вновь.

Однако и этот план оказался крайне сложным. Без преувеличения можно сказать, что спасение Абу-Симбела стало одним из замечательных инженерных достижений XX века.

Работы начались с того, что параллельно со строительством городков для инженеров и рабочих, подвозом оборудования и материалов были сделаны пескопроводы – большого сечения трубы, сквозь которые к храмам Абу-Симбела подавался песок. Строители, как ни странно это может показаться, намеревались вернуть храмы к тому состоянию, в котором их увидел Буркхардт сто пятьдесят лет назад. Лишь после того как статуи у храмов были полностью погребены под тысячами тонн песка, начались работы: следовало взорвать скальный козырек, нависающий над статуями, убрать лишнюю породу над самим храмом.

После того как козырек был взорван и глыбы камня по песчаному склону скатились к поднимающейся воде, начались раскопки: надо было добраться до пещерного храма сверху, через многометровую толщу породы. В то же время срочно ставили забор из стальных свай: Нил поднялся уже так высоко, что в весенний разлив мог затопить храм. К сваям насыпали дамбу:

весной 1965 года Абу-Симбел совсем исчез – за дамбой и песчаной горой.

И тогда, завершив подготовительные работы, начали самое главное – распилку храма.

Песчаник, из которого состоит скала, сравнительно мягок, но это, облегчая работу, в то же время призывало к особой осторожности. Мягкость и податливость камня грозила опасностями, ведь голова второго от реки колосса упала еще при жизни Рамзеса.

Прежде чем начать разборку храма, специалисты простучали, проверили каждый квадратный сантиметр памятника, составили подробные схемы, на которых отметили любую трещину и раковину, а все подозрительные места скрепили полимерными клеями. Для того чтобы распилы были точными и тонкими, из Италии пригласили камнерезов с мраморных карьеров – знаменитых мастеров этого дела. Итальянские рабочие и их помощники, египетские каменотесы, тонкими пилами осторожно пилили камень, причем порой им приходилось работать, согнувшись под потолками храмовых помещений, среди тесных стальных лесов, которыми были обнесены храмы изнутри.

Наступил знаменательный день 10 октября 1965 года. В том году святилище храма не дождалось, пока луч света проникнет туда снаружи: крыша была уже снята и поднята по блокам на подготовленную площадку. Там же стояли рядами блоки: одинаковые павианы человеческого роста, что еще недавно составляли портик храма, пронумерованные, забинтованные, словно мумии, колонны и пилястры из нижних залов... 10 октября подъемный кран протянул крюк к лицу крайней статуи... Журналист, присутствовавший при этом, записал в дневнике: «Рассвет привлек на площадку участников события. Солнце чуть поднялось над горизонтом, когда крановщик получил приказ начинать. Медленно, медленно лицо бога-царя отделилось от ушей... это было зрелище, которого я никогда не забуду. На какое-то мгновение мной овладела дикая мысль, что великого фараона пытаются уничтожить современные варвары. Повиснув на тросе, громадное лицо медленно поворачивалось вокруг оси. Казалось, выражение лица под лучами солнца преобразается игрой света и тени... Затем лицо фараона нежно уложили на подстилку специального трейлера, чтобы тот отвез его на платформу, где уже хранились прочие части храма».

А для строителей лицо фараона лишь блок номер такой-то, один из тысяч блоков, каждый из которых нужно доставить на новое место в целости и сохранности. Это не означает, что инженеры и рабочие не могли так же чувствовать красоту и

величие колоссов, как и приезжий журналист, – им просто было некогда. Вся операция по спасению Абу-Симбела велась как непрерывная гонка, соревнование с Нилом: к августу 1966 года все работы должны были быть закончены, иначе вода озера Насера хлынет через временную дамбу и все, что не успели поднять наверх, станет ее добычей.

Впервые за много тысячелетий открытые для солнца и воздуха помещения – залы и колоннады храмов поражали прежде всего тем, сколько сил и умения потратили художники и скульпторы древнего Египта, чтобы украсить внутренние помещения. Сотни барельефов и фресок писались в душной темноте при свете факелов или светильников – там, где и полчаса трудно пробыть. Все стены исписаны сплошь – этот титанический труд совершен во славу фараона-бога. В те отдаленные места изредка наезжали паломники да государственные чиновники. И лишь порой по залам, мимо статуй Рамзеса, проходил жрец, свет от языка пламени касался фресок на стенах, и вновь храм погружался во тьму.

Храм построен в ознаменование «седа» фараона – тридцатилетия его восшествия на трон. «Сед», как полагают, был памятью о тех отдаленных временах, когда вождя племени, достигшего старости, убивали, дабы передать его функции более молодому правителю. Поэтому «сед» в древнем Египте означал как бы возобновление царской власти, новое царствование. Для того чтобы оно прошло не менее удачно, чем предыдущее, следовало показать богам, чего великий фараон стоит. Оттого столь велики колоссы у входа, оттого барельефы в храме столь торжественно рассказывают о победах над хиттитами, которые в действительности были лишь оборонительными боями. Все это предназначалось не для посетителей, а должно было напоминать богам, видящим и во тьме, что фараон достоин принадлежать к их когорте.

При переносе храма параллельно шло его изучение, которым занимались египетские археологи. Ведь редко выдается такой случай: на глазах у ученых целый храм извлекается на свет, и можно изучить не только каждую букву надписей, но и каждую трещину, каждую ошибку художника, каждую прихоть фараона, тщательно скрываемую от смертных. К примеру, удалось увидеть на одном из барельефов, что первоначально фараон был изображен стоящим перед восседающим Амоном и богиней Мут. Затем последовал приказ изменить табель о рангах. Скульпторы перекроили барельеф таким образом, что теперь Рамзес уселся между богами как равный. А для того чтобы новый бог уместился, пришлось отодвинуть богиню Мут направо и уменьшить ее.

Стало ясно, что во время строительства и украшения внутренних помещений храма умерла любимая наложница фараона Исет-Нефerti. Дело в том, что дочь Рамзеса и Исет-Нефerti изображена на барельефах главного зала как принцесса, вместе с матерью и отцом. А вот в глубинных помещениях найдены фрески, изображающие ее уже как царицу. Это могло случиться только после смерти ее матери. Обычаи, разрешавшие фараонам жениться на своих сестрах и дочерях, имели определенные этические ограничения.

Вскоре после завершения строительства, очевидно еще при жизни фараона, голова одного из колоссов упала. Строители храма недосмотрели какую-то трещину или каверну в песчанике. Поставить голову на место оказалось невозможным. Неизвестно, воспринял ли фараон это как дурное предзнаменование либо, как бог, был выше частных, но по всему, что удалось понять в разобранным храме, конструктивные недостатки и частичные разрушения, обнаруженные в первые же десятилетия после сооружения храма, так и не были исправлены.

Еще лет триста храм был действующим: в нем жили жрецы и раз в год выносили к Нилу ладью со статуями божеств, включая статую Рамзеса, но затем Египет потерял власть над Нижней Нубией, храм был заброшен, и песок пустыни начал ручьями сыпаться с плато, постепенно поднимаясь к статуям.

Еще одна любопытная деталь обнаружилась при работах: удалось установить, что к VI веку до нашей эры песчаная гора достигла бедер колоссов. Тогда через эти места проходила армия греческих и финикийских наемников, посланная на очередное покорение Нубии. Видно, армия не спешила: два наемника поднялись по песчаному склону к бедру Рамзеса и, основательно поработав ножами, высекли на ноге фараона-бога следующее «коммюнике»: «Царь Псамметих пришел к Элефантине, и те, кто был с Псамметихом и плыл вверх по реке, пока было возможно, написали это. Потасимто вел иностранцев, а Амасис – египтян. Мы написали это: Архон, сын Амоибихоса, и Пелкос, сын Удамоса».

Это одна из древнейших греческих надписей.

...Строители успели. В дни, когда воды озера Насера уже подбирались к площадке, на которой недавно еще стоял храм, началась сборка блоков, а затем и колоссов на верхней террасе, где в скалах была вырублена ниша, могущая вместить огромный храм. Уже иные проблемы волновали строителей: что делать с упавшей некогда головой второго колосса? Как заштукатурить шрамы между блоками...

Директор Египетского археологического управления,

размышляя над вторым вопросом, сказал: «Повреждения, нанесенные фараону, будут залечены. Соединительные швы будут заполнены раствором вплоть до нескольких миллиметров от поверхности. Мы могли бы добиться и большего: не только залечить раны, но и сделать швы незаметными. Но будет ли это справедливо по отношению к нашим предкам, к нам самим и тем, кто придет сюда после нас?»

Тимгад

Образцовый римский город

В Северной Африке существовало в древности несколько цивилизаций, сменявших друг друга, поглощавших и, разумеется, взаимно обогащавшихся – желали они того или нет.

Египет не распространял свою власть на запад дальше Ливии, но идеи и посланцы его достигали даже Атлантического побережья. Недаром следы египетского влияния найдены на фресках Тассили.

Вслед за египтянами в тех краях появились финикийцы – величайшие торговцы и мореплаватели древнего мира. Их города возникли пять тысяч лет назад на берегах сегодняшних Ливана и Сирии.

Библия в переводе на русский означает «книга». Происхождением своим это слово обязано финикийскому городу Библу (Гублу), в котором, хотя не все лингвисты с этим согласны, очевидно, была разработана фонетическая письменность.

Финикийцы в отличие от других создателей фонетического письма не только «внедрили» его в обиход, но и разнесли по всему Средиземноморью.

Именно финикийцы за две тысячи лет до Васко да Гамы обогнули Африку, причем шли они с востока на запад по приказу египетского фараона Нехо, который восстановил старый канал, соединявший восточный проток Нила с Красным морем. Пройдя канал, остроносые, сходные с полумесяцами финикийские корабли подняли квадратные паруса и поплыли на юг, вдоль берегов Африки. Когда, по их расчетам, наступила осень, моряки высадились на берег, посеяли пшеницу, дождались урожая, собрали его, наполнили трюмы зерном и поплыли дальше. Путешествуя таким образом, финикийцы могли не опасаться голода, и длительный путь им не был страшен. Еще год прошел в плавании, снова финикийцы высадились на берег, и гребцы превратились в землепашцев. Только на третий год они вернулись в Средиземное море через Геркулесовы столпы.

Об этом путешествии слышал Геродот, но не поверил рассказу. И было отчего не поверить. Вот что пишет мудрый грек: «Вернувшись, они сказали (некоторые им поверили, а я – нет), что, когда они плыли вокруг Ливии, солнце было у них по правую руку».

Разумеется, солнце поднималось справа, как и положено в Южном полушарии. Геродот же, полагавший, что земля плоская, принял это лучшее и бесспорное доказательство правдивости

рассказа финикийцев за фантастическую выдумку.

Куда бы ни попадали предприимчивые и деловые жители финикийских городов, они основывали колонии или торговые поселения, легко приживались на новом месте, приносили с собой новые ремесла, знания и страсть к перемене мест. Их торговые поселения превращались в города, и цепь финикийских колоний протянулась по всему Средиземноморью. К тому времени, когда корабли путешественников вокруг Африки вернулись в Средиземное море, они могли чувствовать себя как дома в любой его точке: финикийские поселения были на Родосе, Кипре, Крите, Мальте, Сардинии, вплоть до Испании и Туниса. Возвращаясь домой, мореходы, наверное, заглянули и в Карфаген, основанный финикийцами за триста лет до смелого путешествия.

Финикийцы углублялись в Атлантический океан, и никто не скажет, как далеко они заходили в его воды. По крайней мере известно, что они бывали в Англии, где покупали олово и свинец, и на Азорских островах, в то время как греки и римляне не имели о них представления. Существует гипотеза посещений финикийцами и Америки.

Карфаген, один из крупнейших городов античного мира, постепенно распространил свою власть на всю Северную Африку и стал основным соперником Рима. Эта торговая республика, которой правили богатые торговые дома, кое в чем была сходна с Венецией средних веков. Ее корабли были хозяевами в Средиземном море, а караваны уходили из Карфагена в глубь Африки, достигая саванны, откуда в Карфаген поступали слоны, черные рабы, золото и железо.

Пунические войны, известные каждому школьнику, славные имена карфагенских полководцев Газдрубала и Ганнибала, битвы у ворот Рима, морские сражения – титаническая борьба сильнейших государств того времени привела к крушению Карфагена. На пороге новой эры он пал и был разрушен, но финикийские колонии в неверной Африке не исчезли. Население в них было смешанное, финикийцы составляли лишь меньшинство: там жили ливийцы, берберы, выходцы из Азии и Италии, арабы и негры; создавая свой мир на африканском берегу, финикийцы умело вписывались в существовавшие связи, постепенно занимая главенствующее положение и подчиняя себе местные династии.

По тому же пути пошли и сменившие карфагенян римляне – третья власть в Северной Африке. Римский порядок оказался даже более эффективным и прочным, чем власть Карфагена. Подобно тому как кушитское царство внешне восприняло египетский пантеон, египетское искусство, египетские концепции

власти, так и города, созданные Римом на месте финикийских в неверной Африке, внешне не отличались от римских городов Европы или Азии: римляне были умелыми организаторами империи.

Несмотря на то что население городов Магриба оставалось смешанным и римляне никогда не составляли там большинства, атрибуты римского города здесь настолько очевидны, что в случае, если такой город пощадили бы время и враги, нелегко было бы сказать сразу, в каком районе Римской империи он построен.

Характерным примером такого города в Северной Африке был Тимгад. Основанный в 100 году нашей эры на месте карфагенского поселения императором Траяном, он получил вскоре права римского города, то есть признание его граждан почти равноправными гражданами империи. Расширившись до крайних пределов своего могущества, империя заботилась о верности окраин.

Тимгаду повезло: когда он пришел в упадок и потерял свое значение, его сравнительно быстро забросили и забыли. После падения Римской империи он перешел под власть Византии, но когда часть города разрушило землетрясение, он уже умирал.

Экономическая система Римской империи была подорвана, экспорт пшеницы, которым держалась Северная Африка, упал, климат стал суше, иссякли источники, питавшие город, и потеряла смысл сложная водопроводная система, за тринадцать километров с помощью акведуков подававшая воду от источника в горах к фонтанам и резервуарам Тимгада. И то, что в римские времена казалось несложной инженерной задачей – найти новые источники и провести еще несколько километров акведуков, к началу средневековья стало уже не под силу. Сахара взяла свое. Люди покинули город и забыли о нем. А так как воды поблизости нет, то и крестьяне не селились рядом с развалинами и не растаскивали, как случалось в иных местах, драгоценные плиты на хозяйственные постройки. Сахара, погубившая город, сохранила его, подобно тому как лава сохранила Помпею.

Тимгад, образцовый римский город, был построен с помощью линейки и циркуля: две широкие центральные улицы пересекали его, встречаясь в центре. За ними шахматными клетками вплоть до городских стен, напоминающих о том, что Тимгад вначале был военным лагерем, как и многие колониальные города империи, шли одинаковые жилые кварталы. Впоследствии, когда город стал центром района, военный лагерь был перенесен в Ламбес, где сохранилась внушительная, чем-то похожая на средневековый замок триумфальная арка.

Среди однообразных кварталов, маленьких домиков горожан возвышаются крупные общественные здания: римскому городу было положено иметь их полный набор. Городские бани, где сохранились подвалы топок, откуда шел пар, обогревая ванны. Там и сегодня угадываются теплые и горячие бассейны, зал для натираций и площадки для неспешных бесед «настоящих» римских граждан, и в глаза не видевших Рима. Одна из главных улиц города, Декуманус, в каменной мостовой которой сохранились глубокие шрамы – вековые следы повозок, приводит к величественной арке Траяна, ну какой римский город без триумфальной арки? Статуи, украшавшие ее, исчезли, но колонны стоят, как прежде, и улица проходит под тремя пролетами: широким центральным – для повозок, боковыми – для пешеходов. Убедились? У нас все как в Риме! В самом центре находится... разумеется, форум. От главного зала сохранился лишь пол курии, где заседал муниципальный совет, и напротив базилика, где размещались суд и биржа. Тимгад был в первую очередь торговым городом. Он торговал зерном. От статуй императоров и прочих знатных и достойных лиц остались лишь постаменты, но число их говорит, что и в этом римские граждане различных национальностей старались ничем не отстать от столицы. Две гигантские колонны венчают холм, на котором когда-то стоял капитолий – храм, посвященный сразу трем богам: Юпитеру, Юноне и Миневре. Когда-то колонн у переднего фасада капитолия было шесть, внутри храма огромный зал разделялся на три притвора – каждому богу свой.

Рынок в Тимгаде, сохранившийся лучше, чем в иных римских городах, интересен и необычен: остались лавки, с каменными столами и прилавками внутри. Лавки щедро украшены орнаментами и лепниной, заменяющей вывески. Нетрудно представить себе, как шумел рынок, когда собирались здесь караваны из пустыни и с побережья.

Римские граждане старались подражать своим европейским компатриотам и по части искусства. Громадный театр Тимгада достигал шестидесяти трех метров в диаметре и вмещал до четырех тысяч зрителей. Вряд ли такие размеры диктовались исключительно тщеславием: город был культурным центром всей округи. К культурным памятникам относится и тимгадская библиотека – полукруглое двухэтажное здание с нишами для свитков, шкафами для книг и даже книгохранилищем во дворе. Строительство библиотеки обошлось, как следует из найденной там надписи, в 400 тысяч сестерциев, и финансировал ее некий Марк Юлий Квинтан. Фонды этой библиотеки были велики даже по современным масштабам – около двадцати пяти тысяч томов.

Казалось бы, город умер, не оставив следов. Стерлась память о форуме, шумном базаре и журчании фонтанов, мудрых беседах на террасах бань. Завоеватели, пришедшие сюда после того, как умерла память о римлянах, не интересовались ни их книгами, ни их богами, ни театрами...

И все-таки это не так. Это был город африканский, в какую бы «истинно римскую» оболочку он ни рядился. И когда ушли из него последние римские граждане – ливийцы, финикийцы, берберы, негры, то есть торговцы, рабы, ремесленники, они унесли с собой память о статуях, книгах и театральных масках, и эта память, трансформированная в поколениях, ушедшая в иные области Черного материка, влилась ручейком в широкий поток африканской культуры. Хочется верить, что в скульптурах Нок, головах Ифе, стенах Зимбабве хотя не прямо и бессознательно, но отразилось то, что существовало здесь полтора тысячелетия назад, так же как потомки творцов фресок Тассили, уйдя в другие земли, принесли с собой опыт и память о своем высоком искусстве, что никак не умаляет достижений других времен и других народов и не лишает скульптуры Ифе и Бенина их неповторимой оригинальности.

Громкая слава страны фараонов, богатство искусства и величие памятников Египта затмили память о странах, лежавших южнее, занимавших территорию нынешнего Судана. И в первую очередь о стране Куш...

Пепи II, фараон шестой династии, живший почти за два с половиной тысячелетия до нашей эры, получил послание наместника Юга, Хуефхора, возвращавшегося из похода за пороги Нила. Наместник перечислял богатую добычу (черное дерево, слоновая кость, ладан, страусовые перья и черный карлик-пигмей). Фараон, выслушав послание, тут же продиктовал ответ – единственное письмо Древнего царства, дошедшее до нас, ибо оно было высечено на стене сохранившейся гробницы Хуефхора.

«Выезжай на север к нашему двору, – приказывал фараон. – И захвати с собой этого карлика... когда он будет[^] плыть с тобой вниз по реке, назначь отличных людей, которые будут при нем у бортов корабля, пусть берегут его, чтобы не упал в воду. Когда он будет спать ночью, назначь отличных людей, которые будут спать рядом с ним, проверяй их за ночь десять раз. Мы желаем видеть этого карлика более, чем все дары Синая и Пунта».

Письмо понятно, если учесть, что фараону исполнилось только восемь лет. Фараоны тоже бывали мальчишками, которым безразличны дары Пунта, если можно увидеть настоящего черного карлика.

К началу Среднего царства, через пятьсот лет после того, как фараон Пепи (доживший, кстати, чуть ли не до ста лет) увидел наконец карлика, Египет утвердил власть на нубийских землях южнее первых порогов Нила. Прошло еще пятьсот лет – в те времена история куда медленнее, чем сегодня, раскручивала свою нить – и Тутмос I прошел походом четвертые пороги Нила и оставил пограничные посты в областях, где обитали кушитские племена. Миновало еще пятьсот лет, и Египет, впавший в полосу неудач, потерял власть над кушитами. К тому времени они создали собственное государство.

...Вниз по Нилу, от столицы Судана Хартума, чуть южнее современного города Шенди, железная дорога проходит по району странных холмов. В одном месте она прорезает два из них: на десять метров по сторонам полотна поднимаются почти черные, блестящие стены породы. Эти холмы – на сто процентов создание человеческих рук. Черная порода – шлак от горевших здесь столетиями плавильных печей.

Далее, за холмами, видны развалины какого-то храма, напоминающего египетский, и пирамиды – в них есть что-то от египетских, и в то же время они резко отличаются от тех, что стоят в тысячах километров к северу. Пирамиды невелики, в несколько метров высотой, куда круче египетских и порой срезаны сверху. Это место напоминает детскую площадку гигантов. Здесь они резвились, сооружая себе игрушки из кубиков – метровых обтесанных глыб известняка.

Побывавший в этом мертвом городе, одной из столиц государства Куш, Мероэ, английский историк Бэзил Дэвидсон так описывает этот до сих пор мало исследованный город: «В Мероэ и прилегающих к нему районах руины дворцов и храмов, представляющих собой порождение цивилизации, которая процветала более двух тысяч лет назад. А вокруг руин, все еще сохраняющих свое бывшее величие, лежат могильные курганы тех, кто создавал эти храмы и дворцы. Даже несколько часов, проведенных среди развалин Мероэ, позволяют заглянуть краем глаза в ту далекую эпоху. Стелы из красного базальта, испещренные таинственными письменами, фрагменты барельефов из белого алебаstra, некогда украшавших великолепные крепости и храмы, черепки окрашенной глиняной посуды, камни, не утратившие еще своих ярких узоров, – следы великой цивилизации. Там и сям печально стоят заброшенные гранитные статуи Амона-Ра, бога Солнца, и ветер пустыни носит над ними тучи коричневатого-желтого песка...»

Раскопки в Мероэ начинались неоднократно, но до сих пор эта столица Куша, как и другие города государства, возникшего на южных границах Египта, изучена еще далеко не достаточно. Когда в 1958 году директор суданского Департамента древностей представил правительству доклад о памятниках, которые надлежит исследовать и раскопать в Мероэ, список их превысил двести объектов. Дальнейшие дополнения к этому списку сделали недавно археологи из ГДР.

Но все-таки в настоящее время, когда археология превратилась из охотника за ценными предметами в науку о прошлом человечества, в Мероэ сделано немало: открыт из обломков и песка гигантский храм Солнца, исследованы ограбленные в незапамятные времена пирамиды правителей Куша и найдены сложные подземные ходы, которые вели к усыпальницам цариц. Найден список царей Куша, который доказал, что местные династии непрерывно правили государством с 1200 года до нашей эры до 200 года нашей. Изучены керамика, стелы и барельефы, расшифрованы надписи... Сегодня наконец можно сказать, что развалины храмов и городов

Куша уже не немые – они заговорили... Заговорила первая великая африканская цивилизация южнее Сахары, многое перенявшая в Египте, развивавшаяся под его влиянием, но впоследствии нашедшая собственные пути и в некоторых аспектах превосшедшая учителей.

Первые века истории Куша связаны с египетским владычеством. Собственная аристократия, жрецы, царский дом во многом перенимали египетские моды и обычаи, хотя вряд ли северные веяния проникали в глубь общества, ибо оно не только отличалось от египетского этнически, но и сами занятия кушитского населения были часто иными: кушиты не были прикованы к реке – дарительнице жизни. Саванна способствовала скотоводству: многие племена, подвластные Кушу, оставались кочевыми.

Очевидно, к 800 году до нашей эры слабые фараоны XXII египетской династии были вынуждены предоставить Кушу независимость. Столицей Куша стал город Напата, у четвертых порогов Нила, центр культа Амона, которого кушиты изображали в виде барана.

Прошло совсем немного времени, и кушитские цари сами начали продвижение на север. Первый из «великих» царей Куша, по имени Кашта, воевал в южных нотах Египта. Его сын Пианхи провел ряд кампаний против египетских властителей, причем есть основания полагать, что он пользовался поддержкой жрецов храмов Амона, которые предпочитали, чтобы в Египте правил сильный государь, почитавший их бога. А власть Амона, как известно из надписей и позднейших сочинений, была в Куше большей, чем в Египте: многие из действий правителя диктовались предписаниями жрецов Амона, у которых был немалый опыт управлять не только храмами, но и государствами.

Вскоре пали Фивы, затем, после осады, Мемфис, причем Пианхи проявил себя умелым полководцем, способным не только находить слабые места в обороне врага, но и умело маневрировать своими армиями, идти на союзы с враждующими князьями и царьками, не забывая при этом чтить египетских жрецов.

Египет был обречен на поражение, война с кушитами проходила в основном так: египтяне запирались за могучими стенами городов и крепостей, а, как известно, неприступных крепостей не бывает. Рано или поздно крепость, лишенная поддержки извне, обязательно падет. Пианхи знал об этом.

Победив последнего из египетских фараонов, кушитский царь основал очередную, XXV «эфиопскую» династию, и в течение полувека Египтом правили африканцы.

Правда, владычество это, короткое по масштабам того времени, прервалось внезапно и драматически. В низовьях Нила появился новый враг, опасный и суровый, кушиты и египтяне не шли с ним ни в какое сравнение.

Ассирийцы, вторгшиеся в Африку, были вооружены железными копьями и мечами – ситуация была сходна с той, которая через много веков сделает безнадежной борьбу восточных народов против европейских отрядов: разница в уровне вооружения была разительна. Бронзовые и каменные орудия египтян и кушитов были бессильны против железа.

К счастью для кушитов, ассирийцы не стали преследовать их вверх по Нилу, и Куш сохранил свою независимость.

Эта неудачная война сыграла и положительную роль в развитии кушитского общества: именно с этих пор начинают расти горы шлака у литейных печей Мероэ и других городов. Этот процесс занял века, и Мероэ, по выражению английского археолога, постепенно превращается в «Бирмингем» Африки. К рубежу нашей эры государство Куш становится источником распространения железа в Африке. Железо было настолько обычно в Куше, что здесь делали даже железные складные стулья.

Оторванность от иных крупных государств Востока (враждебным армиям, чтобы достигнуть кушитских городов, надо было пройти многие сотни километров по негостеприимным землям) способствовала сохранению самостоятельности Куша в то время, как севернее его сменялись империи и рушились государства.

На рубеже нашей эры Куш, вторгшись в Египет, подвластный Риму, и разбив римские отряды, вновь вмешивается в ближневосточную большую политику. Карательная экспедиция, предпринятая римской армией, разгромила город Напату и, как отмечают историки этого похода, хотя и не смогла покорить или присоединить Куш, освободила пленных римлян, а также вернула захваченную ранее кушитами статую императора Августа. Видно, статуя была не единственной, потому что в одном из дворцов города Мероэ при раскопках найдена бронзовая голова того же императора.

К тому времени столица Куша переместилась южнее, в Мероэ. Основным свидетельством этому стали гробницы богинь-цариц, которые начинают воздвигать чаще в Мероэ, чем в Напате. Возможно, виновница того – надвигавшаяся пустыня.

К тому времени в Куше процветали и другие значительные центры. В тридцати километрах от Мероэ, в пустыне, лежат величественные развалины дворца одного из правителей Куша – здесь тоже несколько до сих пор не раскопанных холмов, среди

которых возвышаются остатки могучих стен и ряды невысоких толстых колонн. Даже по тому, что сохранилось, нетрудно представить себе закат древневосточной цивилизации, достигшей второго тысячелетия своего существования, изысканной, слабеющей и лишь ожидающей толчка извне, чтобы погибнуть. Остатки оросительных систем показывают, что вокруг дворцов лежали возделанные поля, зеленые деревья давали тень каменным террасам и покоям. Купцы, приезжавшие сюда из Индии и даже Китая, привозили экзотические товары. Свидетельством об этом может служить китайская чаша, найденная в Мероэ.

В тридцати километрах от этих дворцов лежат развалины храмов Нагаа. Они возведены к началу нашей эры, когда египетская культура уже практически завершила свой путь, а кушитская еще существовала. Основной и наиболее сохранившийся из храмов Нагаа – храм Льва. Всесильный Амон уступает первое место кушитским богам. На пилонах храмов кушитские цари совершают забытые подвиги, а на задней стороне храма находится странный барельеф трехголового четырехрукого львиного бога Апедемаака (ученые читают надписи кушитов, но не научились еще понимать), который при первом же взгляде навекает аналогии с богами Индии. Может быть, это – случайное совпадение, но вероятно, случайности здесь нет: индийские товары приходили в Куш, и неизбежен был обмен идеями и художественными образами между этими странами.

Прошло сто или двести лет после войны с римлянами, и у кушитского государства появился опасный сосед – растущее эфиопское царство Аксум. Усиливаясь, Аксум перекрыл торговые пути, ведущие из Куша к Индийскому океану, и этим окончательно подорвал могущество древнейшего из существовавших в то время царств. Куш еще сопротивляется, но к IV веку нашей эры надписи его царей и упоминания о нем в сочинениях древних авторов исчезают. Кушу неоткуда было ждать помощи: античный мир погибал под ударами варваров, падение кушитской державы прошло не замеченным для окружающего мира. Мало знавшие об Африке европейцы не делали большой разницы между государством Аксум и его предшественниками – кушитами: всех именовали эфиопами.

С падением городов Куша погибли оросительные системы, пустыня быстро поглотила дворцы и храмы, а пастухи, сменившие земледельцев, не нуждались в храмах, не знали их надписей и богов. И потребуются еще много лет работы историков и археологов, прежде чем мы сможем оценить в полной мере значение кушитской державы – посредника между Египтом и

Африкой.

Аксум

Небоскребы для душ

Отношения Европы с Эфиопией складывались необычно. Ее теряли, не забывая, и, найдя, забывали.

Полторы тысячи лет назад Эфиопия считалась одной из четырех великих держав мира – вряд ли многие знают об этом. Но персидский пророк Мани писал, что существует четыре великих царства в мире: царство персидское и вавилонское, царство римское, царство Аксум и царство китайское. Пророка нельзя обвинить в незнании географии, он был человеком осведомленным.

После падения Рима об эфиопском государстве Аксум совершенно забывают. И не вспоминают почти до самых крестовых походов, когда по Европе начинает распространяться слух о христианском царстве пресвитера Иоанна, находящемся где-то на востоке и терпящем бедствия от «неверных». Кроме освобождения Иерусалима требовалось оказать помощь единоверцам.

Христианскую державу помещали где-то на востоке. Африка тогда вообще была практически неизвестна: к концу XV века португальцам придется открывать то, что не вызывало сомнений у александрийских лоцманов и даже кормчих египетской царицы Хатшепсут, не говоря уже об индийских купцах и морях Южной Аравии. Поэтому, если под царством святого Иоанна подразумевалась Эфиопия, то искали ее не совсем там, где она находилась, взятие Иерусалима ненадолго приблизило крестоносцев к эфиопским церквям. А ведь христианство было живо и активно не только в самой Эфиопии, но и в среднем течении Нила, в нубийских и коптских владениях, которые пали под ударами мусульман лишь к XIV веку.

Эфиопия осталась христианской. Убедились в этом португальцы лишь после того, как самый прозорливый из португальских королей, Энрико Мореплаватель, стал рассылать послов и шпионов во все края света, чтобы подготовить путешествия на Восток, отрезанный турками от Европы. Вскоре, уже зная о существовании христианской Эфиопии, туда устремились португальские миссионеры, которым не терпелось утвердить в Эфиопии (оказавшейся не столь христианской, как хотелось бы католикам) этику христианства. Своим рвением они вызвали такой гнев Эфиопии, что были изгнаны оттуда. Следов католицизма в Эфиопии не осталось. Что не смогли сделать враги за тысячу лет, то было не по зубам и португальцам, зато остались

записки португальских миссионеров, проникших в далекие области страны.

Попали миссионеры и в Аксум.

...Путь в Аксум ведет от побережья, от древнего порта Адулис, который куда старше, чем само Аксумское государство: вернее всего он возник за много веков до нашей эры, когда племена Эфиопии были уже известны египтянам под именем хабашанов (эфиопов). Через порт Адулис, руины которого, в том числе черные базальтовые колонны и обелиски, сохранились до сегодняшнего дня, проникали в Эфиопию не только торговцы, а иногда и завоеватели. Среди торговцев и моряков было немало сабейцев и других жителей Южной Аравии, которые селились там и, возможно, способствовали созданию своеобразного этнического типа современного эфиопа. Жители Аравии принесли с собой некоторые ремесленные и строительные навыки, религию – все то, что, соприкоснувшись с кушитской культурой, с нравами, обычаями, искусством и верованиями абиссинских племен, создало основу для аксумской цивилизации.

Эфиопия – пример удивительной стойкости государства. Независимо от того, какие ручьи вливались в русло эфиопской культуры, какие завоеватели (впрочем, их было сравнительно немного – уж очень изолирована Эфиопия) приходили туда, все растворялось в просторах прохладных нагорий и жарких степей.

...Высаживаясь с кораблей, португальские миссионеры отправлялись в глубь страны. Дорога от моря должна была производить на них сильное впечатление. Дорога в Аксум богата стелами, менгирами, остатками крепостных стен и дворцов. Правда, миссионерам можно было утешаться тем, что все виденное ими порождено благотворным христианством. Если они и думали так, то глубоко ошибались: сухой климат Эфиопии сохранял строения с тех времен, когда о христианстве никто и не слышал.

В развалинах древнего города Колоэ, одного из крупнейших центров Аксумского государства, миссионеры обнаружили водохранилище, облицованное плитами известняка. Оно состояло из двух частей: сверху овальный водоем диаметром пятьдесят метров собирал воду горного потока, оттуда она поступала вниз, в квадратный бассейн площадью 5000 квадратных метров, который перегораживала каменная дамба длиной семьдесят метров, снабженная сложной системой шлюзов. Все это сооружение было сложено без раствора, но глыбы были пригнаны так хорошо, что вода сквозь них не проникала.

У города Йехе миссионер Альвареш увидел поразивший его

каменный дворец. Там миссионеру запомнилась «большая красивая башня, изумительная по высоте и тщательности. Она окружена обширными домами с террасами, похожими на замки больших сеньоров». Теперь дворец и «дома сеньоров» разрушились, лишь обрубок башни поднимается на пятнадцать метров над фундаментами и мраморными лестницами. Миссионер был уверен в том, что видит остатки величия христианства, но в наши дни археолог Мюллер прочел надпись у дворца, определил ее как сабейскую и датировал VI–V веками до нашей эры, эпохой зарождения Аксума.

Сам Аксум, столица этого еще почти не изученного мира, славен сегодня не развалинами и даже не гигантскими каменными креслами – то ли постаментами статуй, то ли, если верить легенде, местом заседания судей Аксума, – не подземным мавзолеем, не руинами четырехбашенного дворца, а своими обелисками.

...Это были удивительные годы, годы царствования великого государя Эзаны, в которые с поразительной для тех времен плотностью сконцентрировались знаменательные события в жизни молодого и агрессивного Аксума. Все последующие столетия – словно продолжение и разъяснение событий тех двадцати-тридцати лет.

Именно на эти годы падает возвышение Аксума и превращение его в великое царство. В 330 году молодой эфиопский царь Эзана вторгся в Куш. К тому времени Куш уже потерял свое значение. Свидетельство тому не только исторические документы, но и тот факт, что погребальная пирамида последнего, 72-го кушитского государя Малекеребара – горстка кирпичей. Некому было даже достойно похоронить царя: кушиты попали под власть кочевников, пришедших из пустынь.

Эфиопский царь Эзана оставил надпись о своем походе, формальным поводом для которого послужило не завоевание Куша, не присоединение его, а освобождение от кочевников, называемых Эзаной «ноба». В надписи говорится, что ноба нападали на послов Эфиопии и бесчинствовали. «Дважды и трижды они нарушали свои клятвы». Это заставило Эзана преподать им достойный урок. Произошло сражение, в котором он разгромил кочевников, а затем, преследуя их 23 дня, достиг «кирпичных городов», т. е. Куша. Эзана захватил эти города, а также «города из соломы» поселения кочевников. Изгнав кочевников, он не стал возвращать кушитский трон родственникам Малекеребара. Куш стал частью царства Аксум. Население Куша, смешавшись с покоренными кочевниками, дало

начало новой культуре христианских государств Нубии, существовавших до XV века.

Армии Эзаны достигли Южной Аравии: Эфиопия вышла к Индийскому океану. Город Адулис стал одним из крупнейших портов мира. Можно привести один пример международных связей Аксума. В 1940 году в монастыре неподалеку от Аксума был найден клад – кубышка с сотней золотых монет. Но не аксумских, а кушанских. Кушаны владели в то время Центральной Азией и Северной Индией.

В эти же годы обелиски и сравнительно простые монументы, воздвигавшиеся в Аксуме, вдруг трансформируются в памятники настолько оригинальные и необычные, что до сих пор поражают путешественников...

А потом в течение считанных лет все меняется.

Сооружение обелисков прекращается. Луна и звезды на монетах уступают место кресту, в надписях гордый царь Эзана, возносивший хвалу древним богам, говорит о боге едином, всеведущем, всеильном. Можно спорить, как спорят еще ученые, значит ли это, что царь Эзана, повинаясь проповедям святого Ферментия, сменил в одночасье веру или он придумал иную, промежуточную, еще не христианскую, а в христианство абиссинцы перешли лишь через несколько десятилетий, но не это сейчас важно. Важно другое: расцвет языческого искусства Аксума приходится именно на последние годы существования язычества, на период взлета Аксумского государства, знаменовавший одновременно гибель старых богов, храмы которых никто не разрушал, однако они лишились прихожан – новая вера оказалась живучей.

Но воздвигнутые в эти годы обелиски Аксума остались. Правда, только один из них стоит на своем старом месте, иные упали или раскололись.

Пожалуй, наиболее широко распространено мнение о том, что обелиски Аксума связаны с культом мертвых – это нечто вроде погребальных монументов. Высота единственного стоящего обелиска – 21 метр. Это сплюснутый четырехгранный столб, напоминающий скорее всего чуть затесанную вверх доску, воткнутую в землю широким концом. Наверху «доски» нечто вроде веера, обращенного широкой частью вверх. Когда обелиски исследовали, оказалось, что некогда веера были покрыты золотыми пластинами: сохранились отверстия от гвоздей, которыми эти листы крепились к камню.

Удивительны изображения на обелисках. Они одинаковы: это небоскреб, дом. На Большом обелиске Аксума дом девятиэтажный. Внизу обратным рельефом врезана дверь,

которую нельзя открыть, выше, рядами по два, – окна с рамами и переплетами. Если бы обелиск был полым, то он точно соответствовал бы размерам девятиэтажной башни. Обелиски и есть дома, но не для людей, а для бесплотных душ. Это предположение подкрепляется существованием единственного в своем роде архаического обелиска, лежащего на земле. Длина его – девять метров, ширина – два с половиной. На этой плите довольно грубо вырезан растительный орнамент, напоминающий лотос, а над ним – «домик», внутри которого стоит ящик. Можно предположить, что это – изображение погребальной камеры с саркофагом, а от одноэтажного домика до небоскреба не так далеко, как кажется, – было бы воображение. И если появление этого образа – башни для мертвых – связано с именем царя Эзаны, старавшегося найти новую, более соответствующую молодой империи веру, то мы оказываемся свидетелями неудачного, но тем не менее величественного эксперимента.

Обелиск уходит еще на несколько метров в землю так, что общая длина монолита достигает тридцати метров: он массивнее и больше самых крупных обелисков Египта.

Обелиски Аксума окружены платформами, в которых вырезаны углубления для того, как считают археологи, чтобы туда стекала кровь жертвенных животных во время заупокойных служб.

Если ученые правы в своих предположениях, то небоскребы Аксума – дома для душ (все в них похоже на настоящее, но условно: условна дверь – зачем стараться, если душа и так проникнет сквозь камень, условны окна, сквозь которые могут выглядывать нетленные призраки). Дом, как сказал бы современный фантаст, построен в ином измерении.

Английский путешественник и художник Генри Солт, посетивший Аксум в начале прошлого века, писал, что обелиск – «самый удивительный и совершенный монумент, который мне приходилось видеть».

Обелиски в честь языческих богов сохранились в христианской Эфиопии. Веротерпимость эфиопских царей была известна далеко за пределами страны. Тому есть интересные примеры: когда в первые годы существования ислама родственники и близкие Магомета подвергались опасности, пророк велел им отправляться на юг. «Бегите в Эфиопию, – сказал он, – царь которой никого не угнетает». И пророк, как всегда, оказался прав. Царь могучего Аксума дал приют беглецам, и в последующие годы, пока ислам не восторжествовал на Ближнем Востоке, Магомет присылал туда все новых беженцев.

Правда, справедливости ради скажем, что, после того как

магометане стали хозяевами своей родины, они забыли о благодарности. Уже к 702 году относится война между арабами и Аксумом. В ходе ее эфиопские армии захватили Джидду, и в Мекке, падение которой казалось неминуемым, началась паника. Однако вскоре фортуна отвернулась от Аксума, и взявшие верх арабы захватили и разрушили порт Адулис.

Лалибела и Кайласанатха

Различные близнецы

Ахмед Гран, имам Зейлы, был в походе против страны эфиопов, последних «неверных» в Северной Африке, которых следовало жестоко наказать за неприятие веры пророка. Отважный имам, разумеется, не помнил о словах пророка Магомета, славшего своих родственников под защиту эфиопского царя и ценившего того за терпимость к иноверцам.

С мечом шел имам по землям эфиопов, и другие имамы тоже спешили добить сопротивлявшееся из последних сил царство.

И однажды воины ислама вышли к ручью, который, как сообщил проводник, звался Иорданом. Имам улыбнулся совпадению.

– Святая река, – сказал он с усмешкой, но слова его не удивили проводника.

– Это святое место, – сказал тот. – Здесь построены священные храмы, равных которым нет в мире.

Имам кивнул. Нет так нет. Он уже всякого насмотрелся в этой упрямой стране и думал, что вряд ли что-нибудь его удивит... Над городком Лалибела поднимается гора Абуна-Йосиф, пятна красного вулканического туфа кровавятся по зелени склонов. Никаких чудес не видно. Проводник попросил подняться за ним по склону горы. Солдаты обогнали имама, чтобы проверить, нет ли впереди засады, и, пока предводитель арабов поднимался к чуду, обещанному проводником, они согнали на широкий, вырубленный в скалах двор монахов, стариков и женщин с детьми, прятавшихся в монастыре.

Перед имамом возвышалась церковь христианского бога, не очень большая и не очень тщательно отделанная, красная, как и гора.

Ну, – обернулся к проводнику имам. – Где же чудо?

Монахи и женщины жались к стене. Плакали испуганные дети.

– Соизвольте сойти с коня.

– Зачем?

– Войдите внутрь.

Имам подчинился.

И, только пройдя под аркой портала церкви, он понял. Имам долго пробыл внутри церкви, переходя от статуи к статуе, разглядывая барельефы и проводя ладонью по колоннам и стенам. А затем приказал загнать в храм монахов и беженцев.

Ему было горько и обидно оттого, что люди потратили такие

усилия и проявили такое умение для восхваления ложного бога.

– Церквей здесь одиннадцать, – сказал проводник. – Они соединены подземными ходами и галереями, и если вы прикажете...

Имам махнул рукой. Он не хотел видеть других церквей. Ему было достаточно одной, вырубленной из этой скалы целиком, вплоть до арок, колонн, статуй, барельефов, – вечный памятник богу и строителям храма.

Имам приказал принести хворост и разжечь на полу храма костер.

Сухой хворост быстро занялся, и блики пламени заставили гримасничать и смеяться суровые лики святых.

– Вы можете резать камни во славу вашего бога, – сказал имам. – А кто из вас настолько любит его, чтобы добровольно ступить в костер?

Монахи молчали.

– Ну!

И тогда одна из женщин шагнула в разгоревшийся костер.

Имам отвернулся от огня и крикнул солдатам, чтобы они вытащили ее из костра. «К сожалению, – пишет арабский летописец, – лицо ее уже обгорело с одной стороны. И имам решил не разрушать эти храмы, а лишь сорвать покровы, взять драгоценности, собранные там, и испортить лица изображением идолов».

Так неизвестная женщина спасла от гибели храмы Лалибелы. И это было именно так, ибо записал эту историю арабский летописец, которому не было нужды прославлять христианские деяния: подвиги славного имама Ахмеда были темой его сочинения.

...Войска арабов двигались к столице Эфиопии. Ослабевшему государству не под силу было выстоять перед этим нашествием. Но неожиданно пришла помощь с океана. От единоверцев.

Проникновение португальцев в Индийский океан – одна из наиболее кровавых и трагических страниц в истории Востока. Ворвавшись в океан, корабли Васко да Гамы и эскадры, шедшие следом, грабили, топили, жгли корабли и города индейцев и арабов, уничтожали все, что стояло на пути, ибо цель была запугать, ошеломить прежних хозяев океана.

Лишь для Эфиопии было сделано исключение, ее объявили союзником Португалии – разногласия в тонкостях религии были отложены на будущее. И поэтому, когда негус обратился к португальцам с просьбой о помощи, на берег Эфиопии высадился португальский отряд в пятьсот солдат, моряков и благородных идалго. Во главе его, в панталонах и жилете из красного бархата

и золотой парчи, французском плаще из дорогой черной ткани, расшитой золотом, и в черной шляпе, усыпанной драгоценными камнями, выступал сам дом Криштован, пятый сын адмирала Васко да Гамы. Дому Криштовану было ужасно жарко, но он представлял здесь христианнейшего короля и потому терпел эти муки. Арабские имамы были разбиты.

В несколько лет португальцы наводнили Эфиопию, словно саранча. Впереди солдат и торговцев шли христианские миссионеры. Португальцы старались превратить Эфиопию в добровольную колонию и переусердствовали. Недовольство против спесивых и жадных союзников накапливалось с каждым годом, и, когда иезуитам удалось обратить в католичество одного из негусов, произошел взрыв. Эфиопия восстала, многие из миссионеров были убиты, а оставшимся в живых семи тысячам португальцев пришлось покинуть страну.

Португальские миссионеры, как это случалось не раз, проявили себя не с лучшей стороны, за что и поплатились. Однако они принесли существенную пользу современной исторической науке. Как лазутчики они были мастерами своего дела. Уже в XVI веке миссионеры проникли в самые отдаленные уголки Эфиопии, туда, где после них европейцев не было вплоть до начала нашего века. И оставили подробные описания всего, что видели.

А один из миссионеров, Альвареш, добрался и до Лалибелы, чуть было не разрушенной имамом Ахмедом Граном. Посвятив несколько страниц своего труда восторженному описанию церкви Лалибелы, он завершил его такими словами: «Я прекращаю, чувствуя утомление от моего труда и пребывая в уверенности, что никто не поверит мне, если я напишу более, да и за то, что я написал, меня будут корить как лжеца. Но клянусь именем господя, что все написанное здесь правда, я мог бы написать куда больше, если бы не боялся обвинений во лжи». Потом, решив, видно, что репутация его все равно погублена, миссионер все-таки не удержался и добавил: «Подобного храмам Лалибелы на отыщешь во всем мире».

Лалибела – странное, словно из звоночков колокольчиков слово – не только географическое название. Это имя одного из эфиопских царей династии Загве, правившего с 1182–1220 год (иногда встречаются иные даты его царствования, что происходит из-за разночтений между эфиопским и европейским календарями).

Ничем особенным негус Лалибела не выделялся среди других царей, и, если впоследствии церковь провозгласила его святым и придала ему соответствующие черты, причиной тому – храмы

Лалибелы.

Порой создание того или иного памятника понятно, логично и объяснимо вполне реальными причинами. Карнакский храм получился именно таким, какой он есть, потому что являл собой основное святилище страны. Тадж-Махал должен был быть построен, ибо он – гробница жены Великого Могола. Эти памятники могли быть иными, но возникновение их закономерно. А вот появление храмов Лалибелы ничем не объяснишь, хотя бы потому, что в Эфиопии у них нет предшественников и единственный в мире их прототип и близнец находится на другом берегу Индийского океана и отделен не только расстоянием в несколько тысяч километров, но и половиной тысячелетия.

К сожалению, побуждения царя Лалибелы определить невозможно, зато их следствие налицо. Так или иначе, примерно в 1200 году царь замыслил создать чудо на берегу ручья с претенциозным названием «Иордан». Скорее всего в этих местах уже существовали пещеры, где жили христианские отшельники, может, даже какой-то исключительный но святости аскет, имени которого история не сохранила. Здесь был применен необычный способ строительства. В склоне горы вырубалась траншея глубиной десять-пятнадцать метров, которая квадратом охватывала громадную глыбу породы, а из этой глыбы высекали церковь. Достигались сразу две цели. Во-первых, не надо было решать проблемы, стоящие перед обыкновенным строителем, так как автор получал уникальную возможность ваять целый храм как статую. Во-вторых, что немаловажно в то тревожное время, церкви были потаенными: каждая из них стояла в яме. Между церквями в горе были проделаны подземные пещеры и ходы, по которым можно быстро и незаметно перейти в соседний двор.

Из одиннадцати церквей десять построены при царе Лалибеле, одиннадцатая, в его честь, – вдовой царя. Церкви не повторяют друг друга, но все они эфиопские, ни одна из них не могла быть построена в другом месте. Лаконичность и строгость эфиопской архитектуры, которая зародилась в Аксуме и сохраняет по сей день определенные черты, помогают ученым реконструировать древние постройки. Если возникают сомнения в том, каким был дворец в Колоэ или Аксуме, достаточно обратиться к средневековым замкам Гондара, чтобы в зубчатых стенах, выступающих пилястрах и квадратных колоннах угадать древние традиции, да и современный каменный дом с арками и колоннами, с террасами строится по тем же канонам, что и дворцы Аксума. Торжество эфиопского стиля тем более впечатляет, если вспомнить, что царь Лалибела, задумав грандиозное строительство, призвал иноземных мастеров в

помощь своим, эфиопским.

В летописях сохранились сведения о том, что к Лалибеле приехало 500 строителей и художников из Египта и Иерусалима. Еще одну любопытную деталь сохранили летописи: инструменты для строительства собирались по всей стране и в специальных мастерских изготавливались новые. И неудивительно: строительство продолжалось двадцать четыре года.

Храмы почти полностью сохранились, если не считать повреждений, нанесенных некоторым статуям и барельефам мусульманскими завоевателями. Но, за исключением этих горестных эпизодов, христианские монахи никогда не покидали Лалибелу и тщательно оберегали церкви.

Невозможно рассказать обо всех одиннадцати церквах-скульптурах, но упомянуть хотя бы вкратце о двух, наиболее интересных, следует.

Церковь святого Георгия стоит несколько особняком от остальных. Она совершенно невидима, пока не подойдешь к ней вплотную.

Представьте, что вы идете по пологому склону горы, между редкими коренастыми деревьями, и вдруг оказываетесь на краю обрыва – траншеи. В этом каменном колодце глубиной двенадцать метров стоит церковь, крыша которой вровень со склоном горы. Учитывая необычность точки, с которой зритель может увидеть храм, строители сделали его в плане правильным крестом. Вот этот крест длиной двенадцать метров с нанесенным на него геометрическим орнаментом и видишь у своих ног. Помимо четырех фасадов, как у любого другого здания, церковь имеет и пятый – крышу, – обращенный к небесам.

Если же спуститься в колодец, то оказываешься перед высоким красным храмом, стены которого оживлены карнизами, пилястрами и разнообразными окнами (зодчим не надо было беспокоиться о таких деталях, как рамы или переплеты, поэтому возникли окна в виде крестов, квадратов, свастик, овалов).

Самый большой из лалибельских храмов – Медане Алем. Сторона его – более тридцати метров. Со всех четырех сторон он обнесен колоннадой. Десятиметровые квадратные колонны поддерживают украшенный простым узором портик, а фасад, спрятанный за колоннадой, вытесан так, будто сложен из толстых деревянных балок, концы которых даже вылезают из стен.

Здесь не раз уже повторялись слова: ничего подобного в мире нет. Но по отношению к храмам Лалибелы этого не скажешь, потому что такой храм есть. Совпадение настолько удивительно, что я позволю себе объединить эти два сооружения, разделенные временем и пространством, в одной главе, чтобы подчеркнуть

прихотливость путей творчества, могущих привести созидателей в разных местах Земли к поразительно сходным решениям.

...Традиции пещерного зодчества в Индии сложились за много веков до нашей эры, а с укреплением там буддизма пещерный храм стал настолько обычен, что к началу средневековья их было построено несколько тысяч. Самые знаменитые – пещерные храмы Аджанты и Элуре. Происходящие от скромных пещер буддийских отшельников, пещерные храмы постепенно превращались в значительные сооружения. Одно время они становятся основным видом индийского культового зодчества и оказывают такое влияние на развитие индийской архитектуры, что даже в храмах, построенных вдали от скал и гор, угадываются их предки – пещеры. Сам храм, сходный с крутой пирамидой, сложно изукрашенной скульптурами и барельефами, напоминает гору, а его внутренние помещения, придавленные плоскими перекрытиями, вызывают ассоциации с пещерами.

К середине 1 тысячелетия нашей эры пещерные храмы стали изысканными, сложными и огромными. Достаточно сказать, что буддийская пещера-храм Тхин-Тхаль в Элуре поднимается на три этажа, каждый площадью 800 квадратных метров. Площадь пещеры Дас Аватар – около тысячи квадратных метров.

К началу средневековья пещерных храмов строилось все меньше. Тому несколько причин: упадок буддизма, истощение запасов подходящих скальных обрывов, желание индуистских правителей сооружать храмы у себя в столицах, а не в неудобных местах, диктуемых прихотями природы.

И вот на закате эры пещерных храмов появился в Южной Индии храм Кайласанатха в Элуре, возведенный по приказу раджи Кришны из рода Раштракутов. Произошло это в конце VIII века.

Храм Кайласанатха воплотил в себе два направления в индийском зодчестве. В нем слились пещерный храм и храм наземный – традиции храмов Аджанты и храмов Канчипурама.

Сочетая пещерное и наземное зодчество, Кайласанатха построен так же, как церкви Лалибелы: в пологом склоне горы вырубили траншею, окружившую монолитную глыбу, а затем эту глыбу скульпторы превратили в храм с двумя внутренними залами, со множеством статуй и барельефов.

Храм Кайласанатха, возведенный на пятьсот лет раньше, чем церкви Лалибелы, превосходит их размерами, сложностью и изысканностью форм. И неудивительно: эфиопские мастера были изобретателями, каждый храм – первый и единственный. В Индии архитекторы не только имели опыт строительства подобных

сооружений (хотя никогда еще храм не строился именно таким способом), но и пользовались подробными трактатами по строительству, где были изложены все нормы и правила. Это, разумеется, ограничивало инициативу зодчих, лишало их права экспериментировать, зато давало им уверенность. К тому же царю Лалибелу, правившему обедневшей Эфиопией, пришлось собирать по стране инструменты, торговаться с мастерами, ввозить скульпторов и каменщиков из других стран, а у властителей деканской империи были в распоряжении десятки тысяч опытейших мастеров и избыток инструментов.

Для сравнения достаточно обратиться к размерам храма Кайласанатха. Колодец, в котором он стоит, почти сто метров в длину, пятьдесят – в ширину. Основание храма – шестьдесят один на тридцать три метра, а высота его – тридцать метров. То есть в храме Элурь могли бы разместиться почти все лалибельские здания, к тому же по числу скульптур и барельефов Кайласанатха богаче, чем все эфиопские церкви, вместе взятые.

К счастью, эти арифметические подсчеты ничего не значат. Произведение искусства не измеряется кубометрами. Лалибела и Кайласанатха не соперники. Сравнить их и нельзя, но соблазнительно обратить внимание читателей на то, что, по каким бы различным путям ни шла человеческая мысль, на этих путях встречаются удивительные совпадения.

Зимбабве

Копи царя Соломона

Как и многие рассказы об Африке, этот тоже начинается с записок португальца.

«В центре этой страны, – рассказывает португальский путешественник XVI века ди Гоиш, повествуя о той части Африки, где ныне расположена Южная Родезия, – находится крепость, сложенная из больших тяжелых камней... Это весьма интересное и хорошо выстроенное здание, при укладке которого, согласно сведениям, не употреблялось никаких скрепляющих материалов... Крепости, сооруженные таким способом, высятся и в других районах равнины. Всюду у царя есть свои наместники... Царь Бенамотапы владеет огромным государством...»

Вернее всего португальцы не забирались столь далеко в глубь материка и сведения о Зимбабве, встречающиеся в трудах того времени, почерпнуты у торговцев с восточного побережья Африки, которые часто бывали в царстве мономотапы (так произносился титул царя, португальцы звали его бенамотапой), могущественном средневековом африканском государстве.

Последующим европейским путешественникам рассказы о царях и крепостях не были интересны: Европа выкачивала из Африки ее богатства, в первую очередь рабов. И в течение нескольких столетий никаких сведений о таинственной крепости в Европу не поступало.

Лишь сто лет назад английский путешественник Адам Роджерс забрел в долину реки Лимпопо и в трехстах километрах от реки, в зарослях кустарников, обнаружил развалины гигантских каменных сооружений, которые он даже не смог толком описать, так как не видел раньше ничего подобного. Ясность внес немецкий геолог Маух. Спустя несколько лет он попал в те же места, осмотрел руины и объявил, что видел, без сомнения копию храма царя Соломона, а в долине, под крепостью, – копию дворца царицы Савской, в котором она изволила пребывать во время своего визита в Иерусалим.

Трудно сегодня догадаться, откуда у геолога Мауха возникла теория о храме царя Соломона и местожительстве царицы Савской, но в Европе, охваченной в то время интересом к Африке, которую делили европейские державы, слухи об открытии Мауха стали сенсацией. Очевидно вдохновленный этим рассказом, английский писатель Рай-дер Хаггард написал известный роман «Копи царя Соломона».

В 1890 году в долине реки Лимпопо появился отряд

англичан, и фактическая сторона рассказов Мауха подтвердилась. Громадные каменные строения в самом деле возвышались в том районе, а по соседству жили племена, совершенно не представлявшие себе, кто и когда мог сотворить эти сооружения.

Вслед за военными отрядами на земли народов машона и матабеле пришли и первые белые поселенцы: земли здесь плодородные, а климат куда лучше, чем в Западной Африке. Поселенцев в их довольно одинокой жизни утешала мысль, что они – не первые колонизаторы в этих краях. Еще царь Соломон пытался присоединить эти земли к своей короне. «Теперь, – писал один из них, – в стране Офир находятся англичане, которые заново открывают сокровища древности».

Сведения о том, что именно здесь лежит библейская золотая страна Офир, не были вымыслом англичан. Когда Васко да Гама пытал зинджей, попавших к нему в плен у берегов Мозамбика, один из них признался, что золото, уходящее из Африки через восточный порт Софала, в самом деле поступает из глубины континента: он сам видел старые книги и свитки, из которых явствует, что речь идет о тех самых копиях, откуда раз в три года получал золото царь Соломон.

Когда эти сведения достигли португальского короля Манозеля Счастливого, тот немедленно приказал принять все меры, чтобы золото шло только к нему. С 1489 года Софала официально именовалась в португальских документах как «земля, в которой расположены золотые копи».

Португальские короли получали золото из Африки далеко не в тех количествах, в каких желали: мешали конкуренты – местные торговцы. Их было так много, что всех не изведешь. Но главным врагом португальского короля оставались собственные же подданные. Подсчитано, что три четверти получаемого в Африке золота оседало в карманах чиновников и комендантов крепостей.

Легенды об Офире возродились уже на рубеже нашего века. Золотая лихорадка, охватившая земли машона и мата беле, по размаху не уступала калифорнийской или аляскинской – она лишь не обрела своего Брет Гарта или Джека Лондона, и потому о ней известно немного. Но достаточно сказать, что к 1900 году в тех краях было зарегистрировано 114 тысяч заявок на золотоносные участки, в основном на месте древних рудников, которые казались золотоискателям наиболее верным путем к богатствам Офира. В течение нескольких лет от рудников и следа не осталось, а вот золота нашлось немного, ибо рудники зачастую были выработаны уже много лет назад. Заодно золотоискатели разрушили все старинные плавильные печи, мастерские и жилища рудокопов.

Наступила очередь развалин древних крепостей и дворцов. Первым догадался искать здесь сокровища царя Соломона некий Поссельт, который принялся за дело в 1888 году. Он облазил руины Зимбабве, золота не нашел, зато откопал несколько изображений птиц из мыльного камня (стеатита), к которым проводники относились с суеверным ужасом.

...Золотоискатель впервые увидел цитадель Зимбабве с вершины скалистого гребня, спиной крокодила поднимающегося над долиной. Стоявшая там крепость, которую археологи впоследствии назвали акрополем (Маух считал ее храмом царя Соломона), была возведена на самом гребне «крокодила» таким образом, что скалы гребня, соединенные перемычками из неотесанных глыб, вошли в нее составной частью. Спускаясь затем по склону десятиметровой толщины, стена полукольцом охватывала большой внутренний двор. По верху стены сохранились обрубки колонн, а внутри крепости – множество помещений, где укрывались в тяжелые времена жители долины.

И вот оттуда, с высоты, открылось в окружении множества разрушенных каменных зданий удивительное эллиптическое строение – само Зимбабве.

Маух и другие путешественники вслед за ним были убеждены, что Зимбабве построено пришельцами с севера. Поразительна сила самогипноза, ведь нелегко в классической форме африканского крааля – в овале, происшедшем из изгородей для скота, от тростниковых оград, углядеть угловатые, четкие линии архитектуры Ближнего Востока.

Грандиозная каменная крепость, словно вычерченная по лекалу, с одной конической башней обнесена стеной почти трехсотметровой длины, толщиной в основании пять метров и высотой – десять, почти полностью сохранившейся – так тщательно и умело были уложены каменные глыбы. (Подсчитано, что в стены Зимбабве уложено пятнадцать тысяч тонн камня.)

Входные ворота в цитадель давно уже разрушены, но, если пройти в закругляющийся внутрь проем и подняться по ступеням, слева увидишь «тайный» проход к башне – узкую щель между основной и дополнительной стеной, достигающей в длину шестьдесят метров. Саму башню Поссельт видел целой, видел он и другие строения внутри Зимбабве, которых мы никогда уже не увидим. И снова виноваты царь Соломон и геолог Маух...

Вслед за Поссельтом к реке Лимпопо пришли другие охотники за драгоценностями иудейского царя. Вера в их существование была так сильна, что все новые группы грабителей ворошили старинные здания, сравнивали с землей крепости и рушили дворцы. Больше других известен золотоискатель Нил,

основавший «исследовательскую» «Компанию древних развалин». За пять лет своей деятельности, по словам самого Нила, только эта компания «исследовала» сорок три района развалин и обнаружила 500 унций золота в различных предметах, которые были переплавлены и проданы как «не имеющие художественной ценности». Но, как пишет Бэзил Дэвидсон, «никому не удалось узнать, сколько найдено предметов из золота, ибо вся эта орава, подобно Нилу, переплавляла их и продавала». Никто из золотоискателей не был заинтересован в том, чтобы преувеличивать свои находки и тем самым обратить на себя внимание властей и конкурентов. Куда выгоднее было приbedняться. И если Нил признался в пятистах унциях (все-таки больше десяти килограммов золотых изделий), то можно себе представить, сколько уничтожено бесценных произведений негритянского искусства.

Но к «заслугам» любителей старинных развалин относится не только уничтожение золотых изделий: добывая их, они планомерно разрушали все встречавшиеся памятники. От большинства из сорока трех, ограбленных Нилом, и следов не осталось. Даже в Зимбабве, с которым ничего не удалось поделаться времени и врагам, Нил уничтожил несколько строений внутри цитадели и снес вершину конической башни.

Любители поработали на славу и продолжали работать, только негласно, и после 1902 года, когда был издан указ об охране памятников древности. Пример тому – правда, счастливое исключение – история с находками на холме Мапунгубве.

Этот холм расположен к югу от Зимбабве. Там, среди поселений племени бавенда, были раскиданы редкие фермы буров.

В 1932 году фермер Ван Граан, наслышавшись о святости холма Мапунгубве, решил взобраться на него и поглядеть, нечем ли там поживиться. Долго фермер старался найти путь на вершину холма, который поднимается над равниной отвесными стенами. Местные жители отказывались показать ему путь. «Когда белые заводили разговор о холме, они осторожно поворачивались к нему спиной. Считалось, что тому, кто заберется на холм, грозит верная смерть. Только тем великим, что предводительствовали их предками и зарыли там свои тайные сокровища, открыт туда доступ».

Наконец Ван Граану удалось найти человека, показавшего потайной путь на холм – заросшую кустарником, скрытую в скалах расщелину. Прорубая путь сквозь колючки, Ван Граан, его сын и три спутника добрались до расщелины. Внутри ее обнаружили вырубленные в скале ступеньки. Через несколько

минут кладоискатели оказались перед высокой стеной из камней и, миновав ее, вышли на плоскую вершину.

Недавно прошел ливень, смыл пыль, и глазам предстало поле, усеянное битой керамикой, кусками железа и меди. Кое-где поблескивали крупницы золота.

Кладоискатели бросились ковырять землю ножами.

Вскоре рядом с ними уже лежали кучей золотые находки: фигурки носорогов, золотые пластины, проволока... Появился из-под земли скелет, но рассыпался от грубого прикосновения...

Золота набралось два килограмма, и «исследователи», разумеется, решили ни с кем не делиться благой вестью. Эта находка также канула бы в Лету, если бы сын Ван Граана не оказался студентом-историком и не проговорился об этом своему профессору в Претории.

Профессор сообщил властям, на место выехал чиновник, которому удалось разыскать участников «экспедиции» и убедить их не переплавлять находки.

Археологическая экспедиция, впоследствии работавшая там, пришла к выводу, что вершина холма – древний некрополь, где хоронили вождей племен и родовую знать. Здесь оказалось более десяти тысяч тонн земли, принесенной снизу специально для погребений. В одном из могильников археолог Ван Тонден обнаружил двадцать три скелета «королевского» погребения. Два скелета были скованы двухкилограммовой золотой цепью, ноги третьего были обвиты сотнями золотых браслетов, там же обнаружили множество золотых пластин и около 12 тысяч золотых бусин. И до сих пор погребения в Мапунгубве еще не раскопаны до конца.

...А руинам Зимбабве продолжали отказывать в негритянском происхождении. Каких только не возникало предположений об их происхождении! Разумеется, царь Соломон оставался претендентом номер один, но с течением времени его все чаще заменяли сабейцы из Южной Аравии, финикийцы и египтяне – считалось, что постройкам не меньше двух тысяч лет. В общем, был сделан существенный шаг назад по сравнению с португальцами, которые в XVI веке не сомневались, что Зимбабве возведен в царстве мономотапы.

Гласом вопиющего в пустыне прозвучало заявление знатока Африки Селоуса, который утверждал, что некоторые африканские племена и сегодня возводят каменные постройки того же типа. В 1905 году Британская научная ассоциация решила внести ясность в эту проблему, и к руинам Зимбабве был командирован опытный археолог Дэвид Рэнделл Макайвер. Ученый заявил, что все предположения об иноземном или древнем происхождении

Зимбабве – полная чушь. По его предположениям, крепость построена африканцами в XIV–XV веках.

Казалось бы, вопрос решен, но ничего подобного. Множество ученых и историков-дилетантов в Англии, а особенно в Родезии и Южной Африке встретили заявление Макайвера в штыки. И они были столь активны, что в 1929 году пришлось посылать еще одну экспедицию во главе с Гертрудой Кейтон-Томпсон. На основе своих исследований Кейтон-Томпсон написала ставшую классической книгу «Культура Зимбабве», в которой целиком присоединялась к Макайверу. Она датировала постройки средневековым и авторами их считала народ банту. Последующие раскопки с применением радиоуглеродного анализа установили, что первые постройки в Зимбабве датируются VI–VII веками нашей эры, а покинуты эти укрепления были примерно в 1750 году. Кстати, это не означает, что сторонники «страны Офира» сложили оружие. Мне пришлось видеть изданную лет десять назад в ЮАР роскошную монографию о Зимбабве, автор которой не пожалел времени и труда для того, чтобы пробудить к жизни тени финикийцев и других благородных «белых» людей.

До сих пор один важный вопрос все-таки остается нерешенным: мы не знаем точно создателей Зимбабве. Существует несколько вполне обоснованных теорий, связывающих создание комплекса с тем или иным африканским народом, однако, ввиду того что в средневековье проходили постоянные миграции африканских племен и народов, в основном направленные к югу, ввиду отсутствия письменных памятников сегодня еще нельзя сказать, какой из этих народов начал строительство Зимбабве. Вернее всего права Кейтон-Томпсон, полагавшая, что основатели Зимбабве и первые строители – предки народа банту. Около XII века банту, очевидно, были вытеснены или покорены народом машона, правитель которого имел титул момотапы. Строительство здесь и в других районах царства момотапы продолжалось. Появляются каменные форты и здания в Налетали, Регине, Ками и других местах – сотни поселков и крепостей усеивают страну к югу от Лимпопо. К этой же или родственной культуре относится и некрополь в Мапунгубве.

Государство момотапы погибло в 1693 году под ударами народа барозви (баротсе), и к этому периоду относится последний взлет цитадели Зимбабве, перестроенной и увеличенной по приказу мамбо Чангамира. Затем появились новые завоеватели, и Зимбабве был оставлен...

Как бы ни изменялась в будущем эта картина, дополняясь и

уточняясь новыми исследованиями и раскопками, не вызывает сомнения одно: Зимбабве – замечательный памятник прошлого Африки, созданный африканскими народами и не имеющий прототипов.

Ифе и Бенин

Бронза и глина

Конец прошлого века – период окончательного раздела Африки между европейскими державами. Спеша, сталкиваясь лбами, замирая на новых границах империй при виде пушек конкурентов и разражаясь в газетных статьях «благородным» негодованием в адрес соперников и тех «отвратительных» обычаев, что царят в независимых еще районах Африки, державы требовали немедленного спасения дикарей и привнесения в Африку благородной атмосферы воскресной церковной школы.

Одним из последних приобретений Великобритании было негритянское государство Бенин, остатки некогда могучей лесной империи. Экспедиция, бескровная и быстрая, в глубь страны повергла Бенин к подножию британского трона под бурные приветствия миссионеров, журналистов и торговцев. Записки участников похода становились бестселлерами. Описания последних дней Бенина напоминали страницы романов ужасов и заставляли ежить мирного обывателя.

«...Приближаясь к городу Бенину, мы миновали несколько человеческих жертвоприношений, видели распятых рабынь с животами, взрезанными крест накрест... несчастные женщины умирали под горячим солнцем. На земле корчились рабы с руками, завязанными за спиной... когда наши белые воины проходили мимо этих ужасов, можно представить себе, какой эффект оказывало это на молодых солдат: некоторые испытывали неукротимый гнев, другим становилось плохо... Мертвецы лежали даже на королевском дворе. Казалось, что все завалено мертвыми искалеченными телами... Дай бог никогда мне больше не увидеть такого зрелища. Как раз перед тем, как мы столкнулись с этими ужасами, какой-то старик вышел из-за дерева. Он прицелился в нас из лука, полагая (как нам потом объяснили), что он неуязвим. Тем не менее его пристрелили...» Так писал военный хирург бенинской карательной экспедиции.

Разумеется, трупы пристреленного старика и других последних защитников Бенина были приплюсованы к жертвам бенинской дикости.

В первых же газетных корреспонденциях Бенин был назван «городом крови». Это название привилось и стало почти официальным, хотя, как пишет современный английский историк, «члены карательной экспедиции преуспели в создании впечатления, что народ бини проводил большую часть времени, принося людей в жертву в количествах уступающих. В

действительности все это весьма далеко от истины, хотя человеческие жертвоприношения практиковались в бенинской религии, как и в иных районах мира, включая, кстати, в свое время и Британские острова...»

Для того чтобы понять, что из себя представляло Бенинское государство, следует напомнить его историю, которая к тому же имеет прямое отношение к последующему рассказу.

В свое время Бенин был самым могучим из государств, возникших вне сферы арабского и европейского влияния. Первый европеец, португалец Жоао Аффонсо да Авейро, посетивший Бенин в 1486 году, застал его в расцвете.

Предания Бенина говорят о том, что его первые цари оба были выходцами из Ифе священного города народа йоруба. В первой династии насчитывалось двенадцать царей, затем, после переворота и времени смут, престол вновь захватил оба из Ифе и основал династию, правящую народом бини по сей день. Жоао Аффонсо да Авейро побывал в Бенине во время царствования пятнадцатого оба этой династии, таким образом, основание ее относится к XII веку, а возникновение государства, вероятно, к X веку.

Оба Бенина объединяли в своем лице светскую и духовную власть, особа царя была священной, и даже покидать свой дворец оба мог только в исключительно торжественных случаях. Четко была разработана социальная система бенинского общества. Главенствующее положение там занимали советники царя, жрецы, «правители города», «правители дворца», а также наместники подвластных провинций.

Город Бенин опоясывали высокий вал и ров, а сам город занимал около двадцати пяти квадратных километров. Он был правильно распланирован и застроен глинобитными домами с фасадами, обращенными внутрь, в изолированный и засаженный пальмами двор. В домах обязательно находились алтари многочисленным богам Бенина и духам предков. Самое большое строение в столице – царский дворец, к которому прилегали обширные внутренние дворы, окруженные высокими стенами и галереями. Тут же располагались жилища сановников, конюшни, казармы и множество алтарей и святилищ, одновременно служивших хранилищами истории государства.

Бенин – одно из первых крупных африканских государств, столкнувшихся с европейцами, что сыграло в дальнейшей его истории роковую роль.

Если в странах Юго-Восточной Азии и в Индии португальцев в первую очередь интересовали пряности, то в Африке – золото и рабы. Экспедиции за рабами в глубь материка были опасны и

далеко не всегда продуктивны. Куда удобнее отыскать посредника, африканского вождя, согласного продавать рабов в обмен на оружие, ткани, порох. И оба Бенина стал для португальцев таким посредником. Возникла причинно-следственная цепочка: правитель Бенина продавал португальцам рабов, португальцы снабжали его оружием. Это позволяло Бенину вести завоевательные войны и захватывать новых рабов, опустошая соседние земли и подрывая собственное благополучие. И когда португальцев вытеснили голландцы, затем англичане, этот странный, не всегда мирный и в итоге губительный для Бенина симбиоз продолжался. Постепенно империя приходила в упадок. Покоренные области были безлюдны, хозяйство разрушено, в самом Бенине, военизированной империи, господствовал застой, а вельможи и жрецы, наживавшиеся на грабеже соседей, процветали. Они зачастую не щадили и собственных крестьян – народ бежал из страны. Целые поселки, даже районы Южной Нигерии были заселены эмигрантами из Бенина. Бежавший из Бенина царевич Гинува основал даже «эмигрантское» королевство Варри.

В последние десятилетия государство Бенин, потерявшее свое могущество, спрятавшееся в лесах, стало анахронизмом – с тщательно поддерживаемой властью оба и жрецов, с господством древних богов, рабством, отсталостью. Английская экспедиция, вторгшаяся в Бенин, заставила вельмож и жрецов содрогнуться от страха перед неминуемой гибелью государства. И, как пишет английский историк Ян Бринкуортс, «массовые жертвоприношения в Бенине совершают лишь во времена великих бедствий: карательная экспедиция была самым великим бедствием в истории Бенина, может быть, за тысячу лет. В результате охваченный паникой, обезумевший двор обратился за спасением к богам...»

А ведь до этого в Бенине побывало множество путешественников и торговцев, которые оставили описания Бенина, где нет ни слова об особой кровожадности его правителей.

В описаниях кровавой гибели государства, в пламени сгоревшей в дни разгрома столицы как-то отошло на второй план открытие, сделанное завоевателями во дворце. «В королевском дворце, – пишет военный хирург рот, – на высокой платформе или алтаре во всю длину его мы нашли замечательных идолов. Все они были покрыты кровью... Среди них лежали во множестве бронзовые головы с отверстиями вверх, в которые были вставлены невероятных размеров резные слоновьи бивни. Трудно представить, какое они оказали на нас впечатление... Мы

взламывали эти алтари...»

Начался грабеж. Бронзовые головы и плиты, изделия из слоновой кости вывозились в Англию и оседали в домах офицеров и чиновников. Что-то из этих произведений искусства попало в музеи, что-то беинцам удалось спрятать... Нигерийское правительство в последние годы старается по возможности вернуть в страну краденые ценности. Недавно, например, на аукционе в Лондоне за пять тысяч фунтов стерлингов нигерийцам удалось приобрести бронзовую скульптуру – портрет королевы-матери, датируемый XVI веком.

Искусство Бенина – явление уникальное не только из-за особенности изобразительных средств. Дело в том, что в большом централизованном государстве с давними традициями, развитым пантеоном богов не было письменности. Искусство, в первую очередь бронзовое литье и резьба по кости, призвано было компенсировать это: бронза Бенина – это летопись государства, зашифрованная в символике обобщенных образов.

Многофигурные композиции Бенина делятся на две группы.

Первая – памятники, посвященные тому или иному правителю или вельможе. Чаще всего это бронзовые плиты с высокими барельефами – статичными, окаменевшими фигурами: в центре находится сам герой повествования со всеми регалиями, по сторонам – его соратники и жены, каждая фигура решена условно и лаконично, словно рисуется не сам человек, а представление о его величии. Таковы и портреты правителей с поднимающимися над головой слоновьими бивнями, словно гигантские тиары, – здесь тот же условный стиль, то же стремление к обобщению образа: грубо вылепленное лицо теряется в высоком вороте ожерелий и под изысканным боевым шлемом. Изображения, вырезанные на бивнях, условны – этим рисункам один шаг до пиктограммы.

Условность нарушается в некоторых многофигурных композициях. В круглом алтаре Энуа фигура самого героя повествования статична, как на бронзовой плите, статичны и его соратники, но верхняя часть композиции неожиданно взрывается движением – фигуры воинов и простолюдинов словно смешались в танце. Таковы же, например, известная скульптура охотника с собакой, несущего на плечах убитую антилопу, или фигуры леопардов.

Вторую группу памятников составляют портреты и маски из слоновой кости. Они резко отличаются от прочих находок во дворцах, словно перед мастером стояли иные задачи: он перестает быть историком, забывает о строгих канонах прославления и превращается в художника, и только художника.

Маски из слоновой кости воспеты уже не первым поколением ценителей искусства. Они заслуженно ставятся в один ряд с Нефертити. Слоновая кость передает мягкость линий и нежность кожи, создается странное ощущение, что лица эти с широко открытыми, выпуклыми глазами познали глубокий, дремотный покой.

В чем-то близки к этим маскам портреты королей, относящиеся, очевидно, к XVI веку. Художник, лепивший их, словно забыл о величии королевы: перед нами робкая задумчивая молодая женщина в высоком колпаке-короне, с косичками, выбивающимися из-под нее. Взгляд черных глаз (зрачки сделаны из железа), полуприкрытых веками, устремлен вниз и задумчив, чуть капризно изогнуты губы – бронзовая Джоконда да Винчи, почти ее сверстница, погружена в тайные мысли.

Когда смотришь на эту голову, столь далекую от торжественного, резкого искусства Бенина, вспоминаешь, что цари этого города пришли когда-то из Ифе, что, по преданиям, первого литейщика прислал царю Бенина Огуоле в конце XIV века царь Ифе – священного города народа йоруба, что царства йоруба всегда граничили с Бенином и что между Бенином и Ифе всегда сохранялись теснейшие связи.

К тому времени, когда бронза Бенина уже была известна во всем мире и о ней писались первые статьи, еще никто в Европе, за исключением колониальных чиновников и офицеров, не слышал об Ифе – одном из многочисленных владений Британской империи.

И вот через несколько лет после покорения Бенина разнеслась весть об открытии Атлантиды.

Немецкий археолог Лео Фробениус проводил раскопки в Западной Нигерии, на территории, заселенной йоруба. Раскопки длились всего две или три недели, но за это время Фробениусу удалось найти осколки стеклянных бус, керамику, тигли для плавки стекла, иные предметы и, наконец, бронзовую голову, сделанную столь реалистично и строго, что Фробениус, знакомый с условностью и символикой африканского искусства, сразу понял: изваять ее могли лишь за пределами Африки. Но где?

В 1913 году Фробениус издал книгу «Голос Африки», в которой, как ему казалось, убедительно доказал, что в Ифе найдена древнегреческая колония и эта колония, затерянная и забытая античными авторами, и была Атлантидой. Голова же принадлежала статуе одного из богов атлантов.

Так была сделана очередная попытка лишить Африку ее культуры. Причем Фробениуса, крупного ученого, никак нельзя отнести к сознательным врагам Черного континента. Он оказался

жертвой убеждений того времени: Африке свойственно лишь примитивное искусство.

В последующие годы точка зрения Фробениуса торжествовала безраздельно. Правда, как и в случае с Зимбабве, претенденты на авторство менялись. Ими оказывались финикийцы, сабейцы, эфиопы, кушиты и даже персы. Однако в дальнейшем столица йоруба дарила исследователям все новые находки, постепенно разрушавшие стройную теорию Фробениуса. Когда в 1939 году велись работы на месте давно разрушенного дворца в священной роще, строители натолкнулись на клад, состоявший из тринадцати бронзовых голов. Приехавшим археологам удалось отыскать еще четыре головы и поясной портрет правителя Ифе в церемониальном наряде.

В 1947 году была создана Нигерийская служба древностей, и начались планомерные раскопки на месте древней столицы. С каждым годом число находок росло, но наибольшая удача ждала исследователей в 1957 году – бронзовые и терракотовые скульптуры, которые значительно расширили представление об искусстве йоруба, так как среди находок оказался портрет правителя в полный рост, двойной портрет царя с царицей и, кроме того, наконечники ритуальных жезлов, представляющие собой две головы рабов, связанные веревкой.

В ходе раскопок стало ясно, что головы Ифе не имеют отношения к атлантам: они создавались в Нигерии и изображают конкретных людей. Стало возможным говорить о связях между искусством Ифе и Бенина.

Но тем не менее оставалась тайна: как, почему и когда скульпторы Ифе стали ваять реалистические, выразительные, яркие портреты людей в натуральную величину, отливать их в бронзе или изготавливать в терракоте? Казалось, что искусство Ифе начинается с какой-то высокой точки, не имея истоков, предшественников и учителей.

Народ йоруба пришел с востока немного больше тысячи лет назад. Предыдущая история этого народа практически неизвестна, и определить, принесли ли йоруба это искусство с собой или научились чему-то у тех народов, что жили здесь ранее, нельзя.

Правда, есть надежда проследить какие-то ниточки в прошлом. В Центральной Нигерии, в селении Нок, английский археолог Фегг, раскапывая древние оловянные рудники, нашел несколько мастерски выполненных скульптурных портретов.

Древняя культура селения Нок связана с оловянными и железными копьями. Некоторые из портретов культуры Нок датируются I тысячелетием до нашей эры, другие – первыми

веками нашей эры.

Сходство скульптур Нок и пластики Ифе дает основания полагать, что йоруба, придя в этот район, застали здесь многочисленное население, у которого многое переняли.

Скульптуры Ифе делятся на две основные группы. Более известны и чаще репродуцируются бронзовые головы царей и цариц, вылепленные точно и величественно. Порой цари увенчаны коронами и на их лица нанесены тонкие вертикальные линии, которые либо имитируют-татуировку, либо изображают тонкие нити мелких бус, которые, словно вуаль, подвешивали к коронам.

Вторая группа – терракотовая скульптура Ифе. Здесь художник чувствует себя куда свободнее, результаты – живее и разнообразнее. Скульптура Ифе трактовкой человеческого лица в чем-то сродни античной греческой скульптуре. Но это говорит лишь о родстве человеческих устремлений и сходстве образа мышления художников разных культур.

Часть 4.

Индия и Шри Ланка

Колонна Чандрагупты

Опять пришельцы!

«В Дели я увидел прекрасную железную колонну, – писал Эренбург. – Ее поставили в пятом веке. Шли дожди, палило южное солнце, но ржа не тронула железа. Не скрою – я удивлялся, я не знал, что древние индийцы в таком совершенстве владели тайнами металлургии...»

Нам порой свойственно смотреть на древних с высоты научных знаний и опыта, накопленных за последующие столетия. Да, нас удивляют пирамиды майя и Великая китайская стена. «Чудо, – говорим мы, – как могли они создать такое в то время, когда не было бульдозеров и счетных машин?» Мы склонны забывать, что и пирамиды, и календарь, и стены появились не на пустом месте, творцы их располагали опытом многих поколений. Некоторые древнейшие цивилизации достигали удивительных высот в различных областях знания, но погибали, не сообщив секретов потомкам, потому что потомков чаще всего не было: гунны или монголы не утруждали себя мыслями о будущем покоренных ими народов. Людям нередко приходилось возвращаться к истокам открытия и начинать все сначала.

Именно неверие в возможности древних цивилизаций приводит к рождению космических теорий происхождения земных чудес. Появляются доброжелательные марсиане или филантропы из окрестностей Сириуса. Они, желая оставить след на Земле, обтесывают плиты в Баальбеке, рассчитывают календарь для майя и позируют фресковым живописцам в пустыне Сахара.

Железная колонна в окрестностях Дели не избежала подобной участи. Она не ржавеет, она полторы тысячи лет стоит как новенькая. С железными колоннами, да еще с такими древними, это случиться не может. Ну хотя бы была она маленькой, а то семиметровая. И диаметр почти полметра. Несколько тонн нержавеющей стали.

От центра Дели до колонны полчаса езды. Сначала – новый, хорошо распланированный город, застроенный светлыми коттеджами, громадными общественными зданиями и захлестнутый зеленью парков. Постепенно коттеджи мелькают все реже, перемежку с хижинами, обнесенными глиняными заборами. Справа неожиданно появляется поле аэродрома, уставленное разномастными самолетами. Хижин становится все больше, и они все беднее.

И вот поверх деревьев и крыш видишь Кутб-минар,

размерами и формой напоминающий современную телевизионную башню.

Для начала стоит взобраться на вершину этого одного из высочайших в мире минаретов. Правда, не очень приятно, особенно в жаркий день, одолевать его семидесятиметровую высоту, карабкаясь по узкой, крутой, вьющейся лестнице. Витки ее становятся все уже и уже, кружится голова, и кажется, как в кошмаре, что попал в бесконечную трубу, из которой нет выхода. Но когда уже свыкнешься с печальной мыслью, что до конца не добраться, когда поймешь, что без помощи джиннов ее построить было невозможно – ведь пока рабочие взбирались на вершину минарета, кончался день и пора было спускаться обратно, – неожиданно оказываешься на верхней площадке.

Ветер норовит столкнуть вниз, туда, где в рыжей дымке виднеется отдаленная земля.

Смотришь вниз и осознаешь, как стара эта страна – Индия. Кучки белых и рыжих домиков, пятна деревьев, и до самого горизонта развалины умерших городов и крепостей.

Внизу, недалеко от подножия минарета, во дворе древнего храма, стоит черная спичка – такой кажется колонна с семидесятиметровой высоты. Колонна отлита предками тех, кто вознес к небу Кутб-минар, построил Тадж-Махал, современниками тех, кто расписывал пещеры Аджанты и высекал в скалах храмы Элурь... Правда, порой легче воздвигнуть громадный храм, чем постичь ускользающие тайны металлов, научиться подчинять своей власти огонь и железо.

Уж очень мала эта колонна, когда глядишь на нее с высоты. Лучше спуститься вниз, познакомиться с ней поближе, дотронуться до нее.

Темная поверхность колонны на высоте человеческой груди ярко блестит: паломники и туристы отшлифовали ее ладонями. Колонна проста: чуть сужаясь, она поднимается до неприязнательной капители. Колонна испещрена строчками двух аккуратных надписей. Кто оставил память о себе на железе? Кто вырезал эти тонкие буквы?

– Девятьсот лет назад в Дели правил мудрый царь Ананг Пал, – говорит Хасан, который делает вид, что все знает.

Хасан одет в щегольской черный пиджак и белые дхоти. Мы познакомились на вершине Кутб-минара, ему хочется быть гостеприимным, и еще ему хочется получить адреса моих знакомых студентов, чтобы обмениваться марками.

– Ананг Пал, – повторяет Хасан внушительно, чтобы у меня пропали всякие сомнения. – При нем расцветали науки и искусства. Легенды гласят, что ему были подвластны даже звери

и птицы. Однако я полагаю, что это – преувеличение.

– Я тоже так думаю.

– Ананг Пал приказал отлить колонну из чистого железа и поставить ее на голову закопанной в землю громадной змеи. Очевидно, змея была каменной.

– Ее нашли?

– Нет, возможно, это тоже легенда. Так вот, колонну отлили и поставили. Но через много лет одного из потомков царя охватило сомнение, и он приказал подвинуть колонну, чтобы посмотреть, там ли змея. Он был наказан за неверие: династия рухнула.

– Значит, колонна всегда стояла здесь?

– Не знаю. Но вот надпись, которая поменьше, я могу ее прочесть, обозначает имя Ананг Пал и годы правления. В любом случае в легенде, как часто бывает, есть зерно истины. Значит, ей девятьсот лет. У вас есть карандаш? Я вам дам свой адрес.

– А вторая надпись? – спросил я. Я не отрицал зерна истины, заключенного в легендах. Мне хотелось получить максимум зерна. Это стремление привело меня в библиотеку и заставило перелистать несколько томов «Известий Индийского археологического общества». Там я нашел и факсимиле, и перевод второй надписи.

Она сделана знаками, которыми пользовались в древнеиндийском царстве Гуптов. В этом ученые не сомневаются. Значит, относится она к V веку, и мудрый Хасан несколько ошибся.

Надпись – эпитафия царю Чандрагупте II, умершему в 413 году. Колонна, как говорится в тексте, воздвигнута в память этого царя на горе под названием Стопа Вишну и посвящена богу Вишну. Особенности алфавита, начертания букв говорят, что колонна первоначально находилась в Аллахабаде, на востоке Индии. Теперь историкам оставалось только найти гору, именуемую Стопой Вишну.

И ее нашли. Оказывается, колонна когда-то стояла перед вишнуйским храмом и была украшена сверху изображением священной птицы Гаруды. В том районе были найдены и другие подобные колонны, но они были сделаны из камня, а не из железа.

Царь же Ананг Пал действительно существовал. Он перевез колонну в Дели, но не имел никакого отношения к ее изготовлению.

Для того чтобы понять, как могла возникнуть колонна, придется обратиться к истории и посмотреть, что представляла собой Индия тысячу пятьсот лет назад, в эпоху Гуптов.

Не говоря о высоком уровне знаний в различных областях

гуманитарных наук, об интереснейшей литературе, искусстве – это ведь не имеет прямого отношения к колонне Чандрагупты, – остановимся на металлургии. Индийцы времен Гуптов знали многие металлы. Они умели золотить и серебрить украшения, делать сплавы благородных металлов. Кроме золота и серебра они знали железо, медь, свинец, олово и «не расшифрованный» до сих пор металл под названием «вайкринта». Уже в древнейших письменных памятниках Индии – Ведах – упоминается бронза, а железо, судя по недавним археологическим раскопкам, было известно еще в X веке до нашей эры. Из металлов изготавливались оружие, утварь, украшения. Ртуть тоже употреблялась еще древними индийцами в основном в медицине. В индийских текстах есть описание различных химических процессов, связанных с приготовлением кислот и щелочей. К металлам индийцы относили и асфальт, который широко применяли в строительстве. Они считали, что асфальт – смесь четырех металлов, выделяющая под действием солнца «маслянистую нечистоту».

В описаниях похода Александра Македонского говорится о том, что правители одного из пенджабских княжеств преподнесли Александру сто талантов стали (талант приблизительно равен 25,9 килограмма). По нашим меркам, подарок скромный – две с половиной тонны, но сталь в те времена ценилась куда выше, чем сегодня.

Если во времена Александра Македонского металлургия была уже так развита, значит, корни ее надо искать еще глубже. И действительно, о выплавке железа говорится в Брахманах – священных книгах, относящихся примерно к IX–VI векам до нашей эры. Таким образом, ко времени создания колонны металлургия в Индии имела по крайней мере полуторатысячелетнюю историю и железо стало таким обычным, что его употребляли для изготовления плугов.

Но подавляющее большинство изделий древнеиндийской металлургии не сохранилось до наших дней: их уничтожила коррозия – смертный враг металлов, – которая, по подсчетам современных ученых, съедает в мире за год на миллиард с лишним рублей металла. Ржавеют рельсы и сваи, приходят в негодность машины... А колонна Чандрагупты стоит.

Мне приходилось слышать: «До сих пор не научились делать ничего подобного. Вот колонна индийская, булатная сталь... Где она сейчас? Неужели секреты утеряны навечно?»

К сожалению, придется разочаровать сторонников теории, что колонну создали таинственные существа неизвестным способом.

Еще в конце прошлого века колонной заинтересовались металлурги. С тех пор проведено множество анализов колонны; результаты их не засекречены, но, увы, мало кому известны. Историки не читают статей по металлургии, а металлурги предпочитают не вмешиваться в споры историков.

Удалось установить, что:

во-первых, колонна сделана не из железа, а из низкоуглеродистой стали, «очень чистой по сере и недопустимо загрязненной по фосфору» с таким же содержанием углерода, как у «современной весьма ходовой стали 15». А вот мнение металлурга о качестве этого металла: «Если бы современный специалист по обработке металлов посмотрел на структуру такого сплава в микроскоп, он заявил бы, что данный материал следует применять только для изготовления неотчетливых деталей, а лучше не применять его вовсе из-за недопустимо большого количества неметаллических примесей»;

Во-вторых, колонна оказалась не цельной. «Комки железа весом 20–30 кг сваривали вместе ковкой: на колонне сохранились удары молота и линии сварки»;

И, наконец, в-третьих, то, что колонна не ржавеет, – миф. Шведский металловед Вранглен догадался провести простое исследование. Он раскопал землю у подножия колонны и поглядел на ту ее часть, что не видна историкам и пришельцам. Подземная часть колонны оказалась покрытой сантиметровым слоем ржавчины с коррозионными язвами до десяти сантиметров глубиной.

Вот вроде ничего от легенды и не осталось. Правда, возможно такое гипотетическое возражение: «Но ведь наземная часть колонны не ржавеет? Может быть, она сделана иначе?»

Ничего подобного. Тот же Вранглен отпилил от колонны несколько кусочков и отвез один из них на побережье океана, другой – в Швецию. Образцы проржавели с завидной скоростью. Оказалось, что создателям легенды помог сухой и теплый климат Северной Индии. Исследования по коррозии металлов, проведенные недавно в различных точках Земли, показали, что Дели стоит на втором месте в мире после Хартума по пассивности атмосферы. Даже нестойкий цинк в Дели почти не окисляется.

Помимо надписи, указывающей на время и место изготовления колонны, есть и еще одно свидетельство того, что она сделана в Индии, и именно в эпоху Гуптов. Это доказательство возвращает нас к временам Александра Македонского. Сокрушив персов, сломав границы государств, великий завоеватель вызвал к жизни не только большие переселения людей, но и позволил в новом, эллинистическом

мире быстрее и проще путешествовать идеям, взаимообогащаться ранее неизвестным культурам. В значительной степени результатом походов Александра было возникновение в Индии монументальной архитектуры, создававшейся первоначально с помощью греческих и персидских мастеров. Это особенно прослеживается в зодчестве эпохи Маурьев – североиндийской династии, возникшей вскоре после походов Александра. Так вот, колонна Чандрагупты увенчана канителью, в которой без труда угадываются персидские каноны. Это так называемая лотосовая или колоколовидная капитель, заставляющая вспомнить о колонном зале Персеполя. Очевидная связь времен, но связь – земная.

Однако колонна не уникальна. Так же как и она, не поддались коррозии железные балки десятиметровой длины диаметром двадцать сантиметров, которые были использованы при строительстве храма в Канараке (Конараке), о котором и пойдет речь далее.

Храм в Канараке

Черная пагода

Принц был красив, умен и весел. Боги наградили его всеми талантами и достоинствами. Был принц рожден брахманом, и все соответствующие знаки брахманского достоинства у него наличествовали. Женился принц очень удачно, и не было сомнений, что он унаследует корону своего отца.

Но в один несчастный день принц ранил слона. И никто не знает, сделал он это нечаянно или нарочно, не стали разбираться и боги, и разгневанный Вишну, принявший облик Индры, поразил неосторожного принца проказой. Как только первые признаки проказы появились на лице принца, отец выгнал его из дворца, и стража вытолкала несчастного за пределы города. Отныне он стал отверженным.

Много лет бродил принц по стране, и даже люди самых низких каст отворачивались от него.

Однажды на рассвете принц пришел на берег океана. Лег, обессиленный, на песок и закрыл глаза. Вдруг сквозь прикрытые веки он почувствовал яркий свет – первый луч восходящего солнца вырвался из-за океана и осветил полосу песка.

– Сурья! – закричал тогда принц в отчаянии. – Сурья, бог Солнца, помоги мне! Я построю здесь храм лучший в мире, и будет он похож на твою колесницу, и ты будешь на нем, как на колеснице, каждое утро въезжать на небо! Помоги мне, вылечи меня и дозвожь вернуться во дворец!

Бог, летевший на своей сверкающей колеснице над морем, приостановился и поглядел вниз. Маленькая фигурка на широкой полосе песка извивалась от боли и горя, и вид ее опечалил и тронул всемогущего бога.

Кроме того, в те древние времена в Индии боги даже на большом расстоянии могли отличить настоящего принца от простолюдина, а может быть, и знали всех принцев в лицо. Наверно, давно уже никто не обещал построить богу Солнца храм в таком удобном месте, да притом самый большой в мире.

Сурья взмахнул рукой, и принц сразу почувствовал облегчение. Он наклонился к луже, оставшейся от прилива, и увидел, что лицо его чисто и следов проказы нет. Принц пошел к ближайшей деревне и объявил рыбакам, что он не кто иной, как будущий их властелин, и рыбаки, которые порой были не менее сообразительны, чем боги, сразу отдали ему лучшую повозку и отвезли в столицу.

Отец принца очень обрадовался, увидев, что сын выздоровел,

и тут же подтвердил его права на престол. И не только подтвердил, но и вскоре умер. Принц стал царем.

Он был могучим царем, покорил многие народы, но ни на минуту – ни в боях, ни в утехах – не забывал об обещании, данном богу Солнца.

Как только у него в сокровищнице накопилось достаточно золота, а в бараках возле столицы – достаточно рабов, он вызвал архитекторов и приказал им спроектировать громадный храм, который мог бы одновременно служить колесницей богу Сурье. И, не ожидая завершения рабочих чертежей, царь согнал рабов, художников, скульпторов и повелел крестьянам привезти много тысяч повозок, груженных камнем, и строительство началось.

Храм – колесница о двенадцати колесах, запряженная семью небесными конями, – возводился в том месте, где когда-то лежал несчастный прокаженный, на самом берегу океана, и волны в прилив должны были омыwać ступени его лестницы. Бог Солнца, садясь в свою колесницу, с удовлетворением отмечал каждое утро, что за прошедший день стены поднялись еще на один ряд камней.

Рос храм, росло и царство бывшего принца. Царю приходилось все больше времени проводить в боях и походах, ибо такова судьба завоевателей: ни один из них не смог завоевать все, что ему хотелось. Стоило захватить княжество или государство, тут же обнаруживалось, что за ним находится еще одно, более богатое и обширное, достойное быть включенным в империю. Царю становилось не до храма. Да и как выбрать время, чтобы посетить строительство и распечь нерадивых десятников, если у тебя на носу битва или тактическое отступление?

А десятники тем временем проворовывались, как и было положено десятникам. Старосты деревень забывали привезти новые обозы с камнем, скульпторы потихоньку разбрелись в соседние города, где строились храмы поменьше, а платили побольше. Да и сама стройплощадка была не самым лучшим местом в Индии. Там было скучно: ни города, ни деревни рядом, только песок и море. Новых рабов царь тоже не присылал: они ему оказались нужны в других местах – то крепость построить на дальней границе, то возвести летний дворец в далеких Гималайских горах. И как-то Сурья, пролетая в колеснице над строительством, обратил внимание на то, что работы остановились и последние каменщики связывают в узелки свой нехитрый скарб.

Сурья был оскорблен в своих самых лучших чувствах. Ах так, подумал он, вот она, людская благодарность! Не хотите строить мне храм, ну и не надо. Он размахнулся и снес одним ударом

стоявшую рядом с храмом башню. Она рассыпалась по песку. Еще раз Сурья взмахнул рукой – и воды океана отступили от недостроенного храма, оставив его среди песка. И третьим ударом он, как и следовало ожидать, лишил царя его могущества.

Царь быстро догадался, что произошло. Сравнительно слабый противник нанес ему чувствительное поражение. Отступая, царь встретил гонцов. Они рассказали ему о печальном инциденте с богом Сурья.

– Буду строить! – кричал царь. – Всю жизнь положу, но построю!

Но кто поверит человеку, который не сдержал такого, в сущности, простого обещания? Сурья, естественно, не поверил.

Царь вскоре погиб в одной из битв, тщетно стараясь удержать ринувшихся со всех сторон на его царство врагов, а храм остался стоять на берегу, неподалеку от океана, понемногу разрушаясь, страшный, пустой, покинутый богами и людьми.

Жители побережья Ориссы прозвали его Черной пагодой.

Впрочем, пагоду не только боялись, связывая ее запустение с гневом божьим. Случайные посетители этих мест, историки и путешественники, находили для нее другие слова, слова восхищения. «Даже те, чье суждение недоброжелательно, – писал Абдул Фазл, историк императора Акбара, в 1585 году, – даже те, кого трудно удивить и восхитить, при виде этого храма останавливаются в изумлении».

Но есть и другие отзывы. Христианские миссионеры которым не по душе были смелые, с их точки зрения, сюжеты скульптур, украшавших храм, полагали, что он строился извращенными людьми, лишенными моральных принципов, вкуса и такта. Соглашались с миссионерами и колониальные чиновники. А широкая публика не знает этого храма, не видела его изображений. Тадж-Махал известен. Известны и пещеры, и Боробудур, но мало кто слышал о храме Солнца в Канараке, или о Черной пагоде.

«Перед нами лежала широкая плоская равнина, – рассказывает современный путешественник, побывавший в Канараке, – уходящая в бесконечное пространство под бледным светом нового дня. Почти голая долина была у горизонта ограничена черточками деревьев, обещавших тень и прохладу. „Там, за деревьями, – сказал возница, – Черная пагода“.

Но не раньше, чем солнце поднялось высоко над головой, мы обогнули невысокую возвышенность и увидели невероятно величественную, заброшенную и великолепную Черную пагоду. Она, гордая своей силой, плыла над вершинами окружающих деревьев – маяк для бесконечных поколений рыбаков, источник

мифов и легенд, символ вершины одного из наиболее энергичных периодов индийского зодчества. Это был великий храм, который объединил в себе элементы индуизма и таинственные ритуальные фрагменты тантризма, пробравшегося в дебри основной религии».

...Она стоит, видимая за много километров, среди невысоких песчаных холмов на берегу океана в индийском штате Орисса. Вокруг пески и болота. И люди редко приходят сюда. Разве только случайный рыбак остановится у ее стен или ежегодный пагодный фестиваль оживит ее.

Если подойти поближе, то увидишь: громадное здание как бы стоит на колесах. Четырехметровые колеса – по шесть с каждой стороны – вырублены барельефами в основании.

Арам и в самом деле символизирует колесницу. Перед ним остатки широких ступеней с пьедесталами для коней. Когда-то семь коней, каменные исполины, изгибая упругие шеи, упершись копытами в камень, тянули храм-колесницу к морю.

Для того чтобы представить себе, как выглядел бы канаракский храм после завершения, надо обратиться к другим храмам Ориссы, ибо все они, и маленькие и большие, строились по одному образцу, по одним законам.

Тип южноиндийского храма сложился приблизительно в VII веке. С тех пор на протяжении сотен лет храмы Ориссы состояли из двух частей – основного здания с пирамидальной крышей, которое называлось джагамо-хан, и башни – деула – рядом, так что вместе получалось нечто вроде русской церкви с отдельной колокольней, соединенной с церковью коридором.

Алтарь и изображение бога, которому посвящен храм, находятся не в основном здании, а в камере, расположенной в башне, камера эта называется гарбхагриха... Кроме этих основных частей храма перед его входом строились обычно и другие здания, например зал танцев и зал приношений.

Символика индийского храма очень сложна. Каждая часть его имеет особое название, указанное в специальных трудах, имеющих силу закона для строителей. Вряд ли где-нибудь еще в мире строители храмов были так скованы многочисленными законами и правилами. Например, необходимо было подчиняться двум числам – четыре и семь. Семь – число волшебное, мистическое. Четыре – стороны квадрата, который лежал в основе любого здания. Одновременно здание храма представляло собой человеческое тело: тот, кто строит храм, вернее, дает деньги на его строительство, будь то раджа, брахман или просто богач, должен знать, что части храма – части его собственного тела. Существовало поверье: если работа над храмом не завершена или

какая-то часть сооружена плохо, соответствующие части тела строителя будут поражены недугом.

Вернемся в Канарак. На высокой платформе с громадными колесами по бокам стоит джагамохан. От башни же остались только отдельные плиты. По размеру фундамента и основания, зная законы, которым подчинялись индийские зодчие, нетрудно подсчитать ее размеры: башня достигала высоты семьдесят пять метров. Невероятная высота для храма, построенного на песке у самого океана. Можно представить, как рассыпалась когда-то эта башня, как далеко разлетелись плиты перекрытия...

Но эти плиты, каждая весом в несколько десятков тонн, лежат у самой платформы. Они лежат рядышком, будто кем-то уложены нарочно, а не рухнули с громадной высоты. Они даже не треснули, не зарылись в песок. Поодаль плиты поменьше.

Такого быть не могло. Остается один вывод: плиты эти никогда не были положены на место и никогда не падали с высоты. Их просто-напросто не поднимали наверх – только заготовили, а потом строители покинули площадку.

Значит, права легенда? Значит, и в самом деле царь за походами и войнами забыл об обещании, данном богу, за что и был лишен своей силы? Тогда легенда уже переплетается с поверьями о том, что незаконченный храм грозит гибелью строителю. А если не была завершена башня, то, значит, опасности подвергалась именно голова царя.

Ученые, исследовавшие храм, подтверждают единогласно: канаракский храм никогда не был достроен. Недостроенный храм – редкое явление в Индии – неизбежно вызывал в умах тех, кто видел его, представление о печальной судьбе царя, приказавшего его построить. И родилась легенда.

Но что же случилось с храмом на самом деле?

В средние века восточноиндийская провинция Орисса была разделена на несколько небольших, враждующих между собой княжеств. В 1106 году на престол в одном из них вступил князь Чода Ганга, который благополучно правил более семидесяти лет и собрал под свою руку большинство княжеств Ориссы и несколько государств, граничивших с нею. При его жизни было построено множество храмов, далеко уступающих, правда, канаракскому храму, но тем не менее весьма внушительных и украшенных ценными скульптурами и барельефами.

Потомкам основателя династии пришлось нелегко. Север Индии стал мусульманским, последователи ислама, объединенные под властью делийского султана, совершали походы на юго-восток Индии, стараясь подчинить себе всю страну. Один из последних императоров Ориссы, Нарасимха-Дэва

И, прославился тем, что в середине XIII века отразил нашествие мусульман.

При этом императоре и была построена Черная пагода.

Император Нарасимха-Дэва – личность историческая, и достоверно известно, что он никогда не болел проказой и избегал войн. Он с головой ушел в политику, стараясь отсрочить нашествие мусульман. Отец Нарасимха-Дэвы любил своего сына и никогда не пытался выгнать его из дворца, так что если император и побывал в молодости на пляже Ориссы и встречался с богом Солнца, то не в качестве изгнанника, а как законный наследник престола.

Храм, который замыслил построить Нарасимха-Дэва, должен был стать крупнейшим в стране, однако, вскоре после того как начались строительные работы, обнаружилось, что песок – слишком ненадежный грунт. Но так как место постройки храма указал сам император, никто не посмел его изменить.

Шли месяцы, годы, была готова массивная платформа, которой предстояло, по мысли строителей, принять на себя и распределить невероятный вес храма. По сторонам платформы вырубили колеса солнечной колесницы. Затем началось возведение джагамохана. Параллельно, рядом с джагамоханом, легли первые плиты в основание башни. Строительство джагамохана продвигалось куда скорее, чем сооружение башни, – он будет не так высок, не так узок в основании. А вот с башней дело застопорилось.

Неизвестно, на сколько метров она все-таки поднялась, прежде чем строителям пришлось отказаться от дальнейших работ, чтобы не погубить уже сделанное. Она явно начала оседать. Еще немного – и платформа не выдержит, и рухнет не только башня, но и уже наполовину построенный джагамохан.

Однако строительство надо продолжать. Приказ императора. Как сделать, чтобы здание получилось надежным и крепким? И вот строители, видно располагавшие большими средствами, идут на применение новых материалов, на изобретение, которое выделило храм среди прочих зданий Ориссы. Они сделали ему железный каркас.

Плиты стен храма скреплены железными прутьями и клиньями, а потолок основного зала джагамохана держится на металлических балках. Причем балки, невиданные в восточном средневековом зодчестве, достигают десяти метров в длину и двадцати сантиметров в поперечнике. Одни из них кованые, другие сварены холодным способом из широких железных полос.

Интересна и сама процедура строительства, которая позволяла втаскивать на большую высоту неподъемные глыбы и

плиты. Уложив первый ряд плит, строители засыпали площадку песком на высоту этого ряда. По мере того как росли стены, росла и гора песка, так что стен не было видно: изобретение строителей пирамид было сделано вновь.

По склонам песчаной горы волоком поднимали плиту и клали их на стены. Песком была заполнена и внутренность здания. Это еще больше увеличивало надежность и прочность конструкции, не скрепленной еще сверху потолочными плитами. Джагамохан был завершен. От башни пришлось отказаться.

...Никто не знает, как отнесся к вести о прекращении строительства царь. Вряд ли спокойно. Он понимал, что храм – это его тело и, если башня не достроена, умрет и он сам. Возможно, он приказал казнить строителей, решив, что срыв стройки – косвенное покушение на его жизнь. А может быть, царь был умным человеком и, когда ознакомился с расчетами, согласился, что лучше сохранить уже построенное, и соответственно голов никому не рубил.

Потом, когда из храма ушли строители и разбрелись во все стороны многочисленные торговцы, чернорабочие, нищие монахи – все, кто в таком изобилии окружает строительство храмов, рыбаки создали легенду о том, что башню снес разгневанный бог Солнца.

«...И даже в полуразрушенном состоянии, подобно торсу какой-нибудь знаменитой классической статуи с утерянными руками и головой, этот храм, избитый и надломленный, полусасыпанный песком, все-таки, несомненно, произведение высокого искусства» – так сказал о Черной пагоде крупнейший знаток индийской архитектуры Перси Браун.

На первый взгляд джагамохан, украшенный скульптурами и барельефами, может показаться сложным, изысканным, но, стоит приглядеться, увидишь, что он сравнительно прост. Он состоит из бады – кубического тела и пиды – пирамидальной крыши. Длина основания равна общей высоте здания, то есть джагамохан полностью вписывается в куб со стороной тридцать шесть метров.

Пирамидальная крыша состоит из трех террас, на каждую из них ведут ступени. На террасах стоят статуи музыкантов выше человеческого роста. Это – новаторство для индуистского храма, в других храмах таких скульптур не найти. Да и вообще даже в Индии мало храмов, столь богатых скульптурами. Возможно, строители сочли, что храм, посвященный богу Солнца, должен быть пышнее, нежели прочие храмы Ориссы.

Помимо семи коней, влекущих храм-колесницу, во дворе храма стояли скульптурные группы, изображавшие слонов в натуральную величину, коней, львов. Эти статуи берегли подходы

к храму.

Знаменит канаракский храм также барельефами и статуями, украшающими его стены. Если в ранних храмах Ориссы скульпторы изображали лишь богов, хотя и в образе человеческом, танцовщиц и музыкантов, услаждающих богов, то в позднейших храмах, а к ним относится и храм в Канараке, большую роль играет человек. Жизнь его, обыденные дела становятся сюжетами, достойными того, чтобы их отразить в скульптуре храма. Индуистский скульптор, изображая сцены из жизни окружавших его людей, полагал, что их любовь, повседневные дела так же важны, как и деяния богов. На скульптуру храмов оказал большое влияние тантризм – учение, придававшее особое значение ритуалам и заклинаниям, при помощи которых человек может постичь истину. В тантре есть элементы и анимизма, и черной магии. Тантра рассматривает тело человека как воплощение истины всей вселенной. Поэтому в храмах, подверженных влиянию тантры, скульптуры порой казались неприличными благовоспитанному английскому путешественнику. Любовные сцены были для него, воспитанного на целомудрии христианской церкви, недостойными дома бога, недостойными того, чтобы лицезреть их. То, что веками скрывалось в темноте, о чем можно шептаться, но нельзя сказать вслух, – все это вынесено на стены индийских храмов. Неудивительно, что миссионеры и чиновники ругали канаракский храм на чем свет стоит и разрушили бы его, если бы имели возможность.

Для индусов же бог и человек – одно целое и нет в жизни человека таких сторон, которые нельзя изобразить на стенах храма. Вопрос состоял в другом – и тут в дело вступало искусство: жизнь человека должна быть красивой, достойной богов.

Нигде больше в Ориссе не найдется столько совершенных скульптур и барельефов, нигде не достигнуто такое полное единство архитектуры и скульптуры. Черная пагода, недостроенная и забытая, – высшая точка, которой достигло искусство Ориссы, на ней закончилась история одной из великолепнейших индийских школ.

Фатехпурсикри

Город бунтовщика

Фатехпурсикри (Фатехпур-Сикри) был придуман Акбаром, построен Акбаром и заброшен Акбаром.

Отец Акбара, Хумаюн, второй Великий Могол, верховный правитель Индии, очень недолго правил этой страной, хотя в учебниках истории против его имени ставятся годы правления: 1530–1556. В 1530 году он сменил на престоле великого Бабура и решил продолжать дело отца – объединение Индии в единое государство. Сам Хумаюн был мусульманином, но отлично понимал, что без союза с индусами и представителями других индийских религий страны не объединить. Параллельно с походами против непокорных князей Индостана он начал привлекать индусов на службу, давать им должности высоких чиновников и советников. Но в одном из походов Хумаюн потерпел поражение и, не процарствовав и десяти лет, вынужден был с семьей бежать в Персию через пески Раджпутаны, терпя лишения, опасаясь разбойников и мстительных врагов. В пути родился его сын Акбар. Он попал в Персию грудным младенцем и провел там пятнадцать лет, прежде чем отцу удалось вернуть себе трон.

Семья возвратилась в Индию, и Хумаюн собирался возобновить прерванную деятельность, но не успел ничего сделать. Он умер через год после возвращения. Трон перешел к юноше Акбару.

Государство, которое унаследовал Акбар, было весьма невелико. По крайней мере полдюжины других индийских государств были и обширнее и богаче. Юноша Акбар, воспитанный при персидском дворе, привыкший к свободомыслию и широте взглядов в стране, давшей ему приют, оказался почетным пленником, окруженным мусульманскими сановниками, фанатичными муллами и чиновниками, блющими свою корысть. Регент Байрам-хан покорял для Акбара мелкие соседние княжества Гвалиор и Джаунпур и принимал за него решения. До объединения Индии было еще далеко...

Четыре года юноша царствовал, но не правил. На пятый он неожиданно для окружающих разогнал советников, отстранил регента Байрам-хана и захватил власть в собственном царстве. С этого момента в историю вошел Великий Могол Акбар, крупнейший из Великих Моголов.

Став хозяином царства, Акбар продолжил политику отца, больше того, стал развивать ее дальше, да так, что очень скоро

зашевелились недовольные муллы, не смея вслух противоречить слишком решительному монарху. В 1562 году в возрасте двадцати лет Акбар женился на раджпутской княжне, дочери раджи Амбера. Невеста была не мусульманкой. Муллы были шокированы. Акбар приблизил к себе несколько индусов, предоставив им должности, ранее доступные только правоверным мусульманам. Он назначил сикха Ман Сингха правителем Кабула – мусульманского города. Акбар отменил подушный налог на индусов, а также налог на индусов-паломников. Впервые за много лет индусы перестали чувствовать себя нежеланными гостями в своей стране. Понятие «Индия для мусульман» на глазах теряло свое значение. Не следует считать Акбара филантропом, бескорыстно сочувствующим бедам индийцев. Он был политиком и не желал иметь врагов среди подданных. Он хотел, чтобы индусские раджи стали его союзниками. И он оказался прав. Когда восстали Бенгалия и Бихар, когда афганцы, воспользовавшись этим, напали на Индию с севера, войска раджпутских князей не оставили Акбара.

Но не все было ладно в индийском королевстве. Акбар не был счастлив. Ему не исполнилось еще тридцати лет, но, проведя десять из них в походах, он испытал уже и предательство, и вероломство, и ненависть. Он был одинок, насколько может быть одиноким человек, который не верит даже самым близким из друзей, который только что победил собственного брата, предательски напавшего на него.

Представим себе Акбара – молодого человека, прошедшего детство в чужой стране, при чужом дворе, презираемого и гонимого более удачливыми принцами. Представим себе Акбара, чья юность прошла в одиночестве в индийском дворце, где он был только пешкой в придворных интригах мусульманских вельмож. Представим себе Акбара, по-своему любившего Индию, но не только Индию – вотчину Тимуридов, одним из которых он был, но и Индию императора Ашоки, раджпутов и маратхов, где он так часто чувствовал себя чужим, но не хотел быть таким.

Акбар любил хорошо поесть и повеселиться, но большую часть жизни провел в походах. Он любил поспать, но это редко ему удавалось, любил поэзию, науку, но был неграмотным. Он старался найти смысл жизни, пытался создать универсальную религию, но не смел порвать с исламом.

Акбар жил в Агре – столице Моголов, но Агру он ненавидел. Она напоминала ему о четырех годах почетного плена, она была слишком переполнена всезнающими муллами и надутыми придворными. Агру он не любил еще и потому, что именно здесь недавно умерли его близнецы-сыновья.

А в это время неподалеку, в маленькой деревне, жил отшельник. Отшельник обитал среди скал на окраине деревни, время от времени предсказывал дождь или засуху и питался добродетельными подаяниями крестьян. Неизвестно, почему отшельнику пришло в голову распространить свои предсказания на самого императора. И он заявил, окруженный крестьянами, что скоро у императора родится сын, который станет наследником престола.

Дальше все произошло как в восточной сказке. И это неудивительно, потому что восточные сказки питают именно такие действительные истории. Акбар прознал про предсказание. Ему так хотелось поверить ему, что он немедленно отвез в ту деревеньку свою жену. Вскоре родился здоровый мальчик. Отшельник оказался прав.

И тогда Акбар, в котором ненависть к Агре в сочетании с желанием совершить невиданное чудо вылилась во вспышку яростной энергии, решил тут же строить новую столицу. Столицу, еще не существующую, называли Фатехпурсикри.

Строили столицу лучшие архитекторы Индии и Персии. Строили Фатехпурсикри четырнадцать лет, строго по плану, и потому она скорее сродни Ленинграду или городу Бразилиа, чем средневековым индийским городам. В ней не было ни узких улочек, ни тесноты средневекового города. Все разумно, все подчинено общей мысли, все рационально, рационально с точки зрения Индии XVI века.

Первое, чего хотелось Акбару в новом городе, – это простора, простора военного лагеря, способного вместить и армию с ее слонами и конями, и роскошные процессии, и радостные толпы. В городе много площадей, и на главной высится громадная мечеть, построенная специально для прозорливого отшельника.

Город никак не скучен. И не только потому, что в нем нет одинаковых строений. Фатехпурсикри, вернее основные здания его, сложенные из красного песчаника с отдельными вкраплениями мрамора, расположен на разных уровнях, для чего использованы частично спрямленные холмы. Главная улица Фатехпурсикри, вдоль которой стоят здания, не прямая, она слегка изогнута. Это все придает городу живописность и красоту. Фатехпурсикри поднимается над равниной и виден издалека.

Интересно, как строители разрешили проблему водоснабжения города, стоявшего на возвышении посреди безводной равнины. Неподалеку было вырыто искусственное озеро, откуда вода подавалась в цепь резервуаров и потом расходилась по городу паутиной каналов и канавок. Были в городе и подземные водохранилища. Столица Акбара за

несколько лет превратилась в один из самых зеленых городов Северной Индии: деревья в тропиках растут очень быстро.

...Вы входите в город через Высокие ворота, которые также назывались Воротами победы. Они возвышаются на шестьдесят метров над землей. По обе стороны от ворот расходятся невысокие зубчатые стены. Вы оказываетесь на обширной площади. Она окружена галереей, тянущейся на полкилометра. Галерея прерывается входом в Большую мечеть, рядом с которой могила прославленного отшельника.

Можно бродить часами, открывая все новые и новые здания, переходя из галереи в галерею, взбираясь па стены, заходя в легкие беседки, пересекая заброшенные площади, широкие улицы, заглядывая в конюшни, стойла для слонов, кладовые. Почти все изумительно сохранилось в сухом воздухе. Только деревья и металла не найти в Фатехпурсикри: четыреста лет прошло с тех пор, как город покинут, вокруг жили бедные люди, а дерево и металл очень нужны в крестьянском хозяйстве.

Город пуст и мертв. Иногда в первой половине дня на центральной площади появляются кучки туристов. Но площадь приспособлена для большего числа людей: туристы теряются на ее просторах. Потом они разбредаются по улицам города, и он остается так же тих и пуст, как и вечером, когда последний турист покидает его стены.

Человек, который планировал город, участвовал в его строительстве, руководил им, был молод и энергичен. И кажется, что Фатехпурсикри сохранил дух Акбара. Город светел, просторен и крепок. В нем удивительно слились персидские и индийские мотивы. Ведь сам Акбар воспитывался в Персии, оттуда же он призвал и многих архитекторов. Но строили город индийские мастера. Еще не сложился полностью тот стиль могольской Индии, который найдет свое полное выражение при потомках Акбара в строениях роскошных, величественных и легких. Некоторые здания стоят того, чтобы заглянуть внутрь. Они связаны, как и весь город, с молодостью Акбара, со временем сомнений и смятения чувств.

Зал приемов стоит на одной из площадей, окруженных галереями. С фасада он кажется двухэтажным и украшен по углам крыши четырьмя беседками, но на самом деле этаж только один. Посредине зала стоит странная, невиданная колонна, не достигающая до потолка. Капитель, венчающая ее, похожа на нижнюю половину гриба-сморчка или на широкий бокал. Капитель больше самой колонны и тоже придумана, без сомнения, индусским архитектором. От капители к четырем углам здания расходятся висячие галереи-мостики. Говорят, что

во время аудиенций молодой император сидел на капители, министры его располагались на мостиках, а все остальные рассаживались внизу, на полу. Может, это диктовалось соображениями безопасности, может, было прихотью Акбара, но в любом случае подобного тронного зала, в котором трон стоял бы над головами придворных, нигде больше в мире нет.

На соседней площади стоит двухкупольный изящный дом Бирбала – он был бедным бродячим певцом-индусом и за ум и находчивость полюбился молодому императору, который приблизил его к себе. Однако мудрый и веселый Бирбал не был хорошим полководцем, а во времена Акбара каждый министр должен был уметь выигрывать битвы. Бирбал проиграл битву на севере и сам погиб.

Был в столице и Дом дискуссий. Акбар хотел знать, в какого бога верить; чтобы найти истину – желание редкое для восточного монарха, – он, мусульманин, призывает в Фатехпурсикри представителей основных религий известного ему мира и заставляет их вести диспуты, в которых и сам принимает живое участие. Спорили в том зале и два отца-иезуита, и, говорят, им приходилось нелегко. Теологи восточных религий были зачастую сильнее в аргументах, а призвать на помощь пушки друзей-христиан иезуиты не могли. С армией Акбара не посмел бы потягаться ни один европейский король. Этого дома теперь не найти. Он был снесен по приказу самого Акбара, когда тот понял, что истины нет ни у христиан, ни у индусов, ни у мусульман, ни у джайнистов, ни у буддистов. Это совсем не значит, что разочарованный император отказался от религии вообще: он формально остался мусульманином и посещал мечеть – скорее из политических, чем из других побуждений. Он поддался советам мудреца и своего друга Абдулы Фазла, который создал «Божественную веру». В ней Акбару предназначалась роль «верховного наставника». «Божественная вера» совмещала в себе элементы всех известных религий Индии и должна была помочь объединению страны. Акбар принял ее, но тоже из политических соображений. Дальнейшая судьба веры и ее основателя была печальной. Наследник Акбара Джахангир, подчиняясь требованиям мулл, первым делом по вступлении на престол обезглавил мудреца и запретил «Божественную веру».

Исчез Дом дискуссий. Исчезла и библиотека. Может быть, она помещалась в одном из уцелевших домов? Императорская библиотека принадлежала к числу крупнейших в средневековом мире. При Акбаре она насчитывала более двадцати тысяч томов, многие из которых были специально переписаны и иллюстрированы для любознательного молодого императора. Он

сам не умел читать – чтецы до поздней ночи, сменяя друг друга, нараспев разбирали вязь мудрых строк.

Вечереет. Мы возвращаемся. Снова проходим по площадям, усталым громадными, точно пригнанными каменными плитами. Вот маленькие дворцы императриц. Сразу можно отличить дворцы индусок от дворцов мусульманок. Акбар разрешал женам строить дворцы по вкусу...

Пустота города тревожит. Хочется населить его людьми, вернуть к жизни, увидеть солдат, поэтов, чиновников, каменщиков. Мужская мода времен Акбара объединяла индийские дхоти или мусульманские шаровары с короткими широкими юбочками или длинным, до колен, камзолом. У пояса меч, на голове чаще всего тюрбан. Женщины под чадрой – мусульманки, с открытыми лицами – индуски. Полуголые слуги, торговцы, и всюду люди, люди...

Но так было недолго. Четырнадцать лет строилась столица и в один год была покинута. Говорят, что иссякли резервуары с водой. Вряд ли это правда. В распоряжении Акбара были лучшие инженеры. Им ничего не стоило протянуть каналы дальше, поставить дополнительные колеса для подъема воды. Просто император Акбар повзрослел. Кончился период смятения и поисков. Уже меньше интересуют старые друзья, приобретенные в этом городе и здесь же утерянные. Акбару уже под сорок. Он завоевал почти всю Индию, и никто не посмеет посягнуть на его власть. Сыновья, которые наследуют престол, подрастают. Их даже слишком много – как бы после смерти императора не началась кровавая борьба за престол. Забыты и обиды молодости. Теперь никто не посмеет унизить Великого Могола...

И город умер.

Тадж-Махал

Белая половина чуда

У тюремного окна стоял Великий Могол Шах-Джахан, властитель Индии, чье величие было безграничным, имя повергало в трепет, а взгляд был страшнее молнии.

У тюремного окна стоял больной, немощный старик, у которого в жизни осталось две радости: похлебка – ее принесут к вечеру – и узкое окно-бойница в каменной стене.

Окно не вмещало в себя ни рыжих, пропыленных долин, ни темных кущ манговых деревьев у храмов, ни глиняных кубиков деревенских домов. В тяжелую каменную раму окна вписан лишь легкий, белый, как облако, Мумтаз-Махал, мавзолей давно умершей жены Шах-Джахана.

Шесть лет назад Шах-Джахан, внук Акбара и продолжатель его политики, тяжело заболел. Встал вопрос, кому из его сыновей занять престол? Старший сын, Дара-Шикох, был единомышленником отца, деда и прадеда. Он хотел единства страны, мира с индусами, союза с раджпутскими и маратхскими раджами. Мусульманские муллы и вельможи, раздраженные либерализмом и веротерпимостью двора Великого Могола, стеной стояли за Аурангзеба, третьего сына, мусульманского фанатика, жестокого и мрачного. Аурангзев победил брата и вошел с войсками в Агру. Здесь он узнал, что отец благополучно выздоровел и не собирается освобождать трон. Сколько еще проживет отец? Дождется ли Аурангзев его смерти? Власть, однажды попавшую в руки, нелегко добровольно отдать. Аурангзев приказал арестовать отца и заточить его в крепость. Шах-Джахан попал в тюрьму. Шел 1659 год...

– Кому в Агру? Кому в Агру? Вам в Агру?

Шоферы-сикхи качают тюрбанами, стоя у потрепанных «фордов» и «шевроле».

Мне в Агру. Мне надо увидеть мавзолей Мумтаз-Махал, известный более под именем Тадж-Махал. Мало кто помнит о печальной судьбе Шах-Джахана и его жестоком сыне Аурангзеве, но вряд ли кто не слышал о Тадж-Махале. Его писали художники при свете солнца и при свете луны, его фотографировали издали и вблизи, его изучали, измеряли, описывали. Тадж-Махал настолько превратился в символ красоты, изящества и совершенства, что поневоле начинаешь относиться к нему с некоторым недоверием.

До Тадж-Махала, который стоит в городе Агре, бывшей столице Великих Моголов, от Дели километров двести. Я выгреб

из кармана рупии. Рупий хватило. Шофер посмотрелся в зеркальце и поправил чалму. Медленно выбрался на асфальт и повернул к арке Независимости.

Мелькнул уткнувшийся в горячее небо Кутб-минар, самый высокий в мире минарет, и город остался позади. Шоссе миновало последние домишки делийской окраины и побежало по сухой индийской равнине, где на протяжении тысячелетий сменяли друг друга цивилизации, где почти каждый холм – след города или форта, стоявшего здесь сотни лет назад. Холмы многослойны, много раз приходили сюда строители, возводили стены храма или крепости, и фундаментом им служили остатки других стен, разрушенных завоевателями или временем.

Хижины не отличаются цветом от земли, такими они были и тысячу лет назад. Только иногда неожиданным диссонансом врывается в тоскливый светло-коричневый колорит деревни белый кубик новой школы или больницы.

Порой склоны холма переходят в стены продержавшейся до наших дней небольшой крепости или полуразрушенного храма. Деревья смыкаются над дорогой, и у их подножия нежатся в тени обезьяны. Они с любопытством заглядывают в окна проезжающих машин, ожидая подачки. Поля пусты: зима.

Не будем сворачивать на ответвляющиеся дороги и дорожки. Каждая вторая приведет к крепости, дворцу или мечети. Каждая пятая приведет к памятнику, который достоин специальной монографии. Если времени мало, надо выбрать самое интересное.

Агра начинается внезапно. Город как город, индийский, средней руки, с базаром, двухэтажными домами купцов и чиновников, с хижинами на окраинах, многочисленными лавками и пылью, покрывающей коричневые ноги рикш и плетеные корзинки укротителей змей.

Город давно позабыл бы о том, что он был столицей великой империи, если бы не Тадж-Махал.

Стены крепости. Здесь был заточен Шах-Джахан. Отсюда до Тадж-Махала рукой подать. Но его не видишь, близости его не ощущаешь, пока не окажешься на площади перед высокой аркой, ведущей к мавзолею.

Площадь заставлена машинами, сверкает разноцветными сари и суетится круговоротом лотков, корзин мелких торговцев. Еще не увидев настоящего Таджа, можно купить его в миллионах облиций: в виде открытки, раскрашенной анилиновыми красками, в виде маленькой модели, выточенной из мрамора или отлитой из гипса, в виде коврика, чернильницы, вырезки из бумаги, резной шкатулки и даже пряника.

Поток туристов, среди которых подавляющее большинство

индийцы, колоннами втекает под арку, слившись с рекой паломников к искусству. Момент встречи с чудом немного пугает возможным разочарованием. Когда с детства видишь картины и фотографии, изображающие всемирно известный памятник, в уме понемногу складывается определенное, трудноизменяемое представление о нем. У каждого, не видевшего Пизанскую башню, есть своя Пизанская башня, у не побывавшего в Египте существуют свои египетские пирамиды. Воображение дополняет картину, что-то меняет в ней, и, если потом приходится увидеть оригинал, оказывается, что он не совсем таков, каким должен быть. Иногда испытываешь разочарование. Честно говоря, так случилось у меня с египетскими пирамидами. Глаз скрадывал их действительные размеры, и они показались меньше, чем я предполагал. Тадж-Махал всегда представлялся мне приторным и слишком правильным...

Я пристроился к группе индийских студентов и вступил под красный камень арки. И остановился.

Тадж-Махал оказался именно таким, каким я видел его на фотографиях и картинах: те же минареты и купола – один большой в середине и четыре маленьких, прижавшихся к нему. Тот же теплый белый мрамор. Но ни фотографии, ни картины не передавали его главной черты – невесомости. Купола легко плыли в синем небе, стены чуть-чуть касались земли. Ровная водная дорожка вела к подножию мавзолея, и второй Тадж, такой же легкий и невесомый, опрокинувшись, плыл в ней. Тадж-Махал был просто-напросто совершенен. Несколько минут я стоял не двигаясь, вдыхая очарование Тадж-Махала, равного которому нет на Земле.

Как-то мне попался в руки учебник по истории архитектуры. Учебник был старый, прошедший через множество студенческих рук. Рассматривая фотографии, я дошел до изображения Тадж-Махала. Один из бывших хозяев книги, движимый недоверием к авторитетам, взял линейку и провел карандашом несколько линий по фотографии. И хотя он испачкал книгу, зато убедился в удивительном мастерстве строителей мавзолея.

Учебники архитектуры не ошибаются: Тадж-Махал построен так, что его полная высота равна ширине фасада, то есть он точно вписывается в квадрат со стороной семьдесят пять метров, причем высота портала равна половине высоты здания. Линий можно провести еще множество и обнаружить целый ряд удивительных закономерностей и соответствий в пропорциях Тадж-Махала.

В тот момент, когда я увидел Тадж, я не думал о геометрии. В этом, конечно, великая заслуга его строителей. Они добились

того, что зритель не воспринимает Тадж как сложную и правильную геометрическую фигуру, он ощущает только красоту его.

Я шел по кромке узкого бассейна, и Тадж вырастал. Его уже нельзя было охватить взглядом. Начинаешь присматриваться к деталям: в белый мрамор стен вкраплен местами орнамент из красного песчаника, он неназойлив и сдержан.

У самого входа на платформе, окружающей мавзолей, меня настиг высокий индеец в белых дхоти. Он был удивительно худ, будто высушен солнцем, и очень печален. Печаль его особенно ощущалась в контрасте с громким весельем студентов, фотографировавшихся, как и положено, на фоне высокого портала.

– Салам, – сказал он торжественно, и я с ужасом понял, что он – гид, сродни тем деятельным и весьма шумным людям, услуг которых я счастливо избежал у арки.

– Вы хотите осмотреть мавзолей изнутри? – спросил он.

– Я уже бывал там, – солгал я. – И знаю, что мне смотреть.

Человек в белом скорбно улыбнулся.

– Вас водили гиды, – сказал он. – Они как попугаи. Они повторяют чужие слова, не зная их смысла. Я хадим.

– А, – сказал я понимающе, хотя слово «хадим» ничего не говорило мне.

– Я – наследственный хранитель мавзолея. И дед мой, и прадед жили здесь. Знаете ли вы, что значат эти надписи над входом? Это гирлянды, которые должны возлечь на ваши плечи. Семь дверей пройдете вы, пока дойдете до надгробия императрицы, и семь гирлянд лягут вам на плечи, смиряя гордыню.

– Тадж-Махал, Тадж-Махал, – доносилось со всех сторон. Туристы зачаровывали себя этим словом.

– Послушайте, – сказал хадим, – Тадж-Махал – это неправда. Тадж-Махала не существует. Императрицу звали Мумтаз-Махал, и это ее раоза. Это слово имеет много значений – это арабское слово. А англичане называли гробницу Тадж-Махалом.

– Вы, наверное, много видели здесь, – сказал я, не в силах отделаться от некоторой неловкости, будто в присутствии учителя, заранее знающего, что урока ты не выучил.

– Князя и цари склоняли головы перед хадимами Мумтаз-Махала. – Он замолчал на секунду, а потом с неожиданной живостью добавил: – Видите эти кипарисы? Это тоже придумали недавно. Раньше здесь росли громадные деревья...

– Но из-за них не было видно Таджа... раозы?

– Они тоже так говорили, – с осуждением сказал хадим.

Наверное, злосчастные английские чиновники перевернулись в могилах, услышав этот гневный голос – Большие деревья закрывали раозу от любопытных глаз, но они и охраняли ее. Ведь воздух вокруг раозы был влажным, и ветер не достигал стен. А теперь мрамор трескается...

– Вы гид? – спросил полный европеец в шортах, сопровождаемый стайкой напомаженных старушек в шляпах с цветами.

– Я хадим, – ответил мой собеседник.

– Покажите нам внутри. Сколько это стоит?

– Вы сами оцените мой труд, – сказал сурово хадим, кивнул мне и пошел впереди туристов, не устаивая их словом. И они, почувствовав важность момента, притихли и засеменили ко входу.

Я подождал, пока они отойдут на несколько метров, и вошел под тень портала. Первая гирлянда легла мне на плечи, смиряя гордыню...

Внутри Мумтаз-Махал (я не смел больше называть его Таджем) не так лаконичен, как снаружи. Кажется, он сплошь завешан коврами: стены, пол, кенотафы. В главном зале Мумтаз-Махала находятся только кенотафы – богато украшенные ложные гробницы. Настоящие гробницы, где лежат Мумтаз-Махал и Шах-Джа-хан, который был похоронен рядом с женой, находятся внизу, в подвале мавзолея. Они сплошь инкрустированы полудрагоценными камнями. Ветви сказочных деревьев переплетаются с цветами, причудливыми узорами разбежались по стенам листья и лепестки. Инкрустация сделана по тому же белому теплому мрамору, из которого сложен весь мавзолей, и камни слегка светятся красными, зелеными и голубыми огоньками. Ляпис-лазурь со Шри Ланки^[1] и с Памира, нефрит из Китая, аметисты из Ирана – двадцать тысяч рабочих, художников и резчиков трудились над созданием Мумтаз-Махала восемнадцать лет.

Когда мы говорим «Тадж-Махал», то имеем в виду не только здание мавзолея. Он – лишь центр комплекса. В этот комплекс входят и платформа, на которой стоит мавзолей, и четыре одинаковых минарета по углам ее. и еще большая платформа, вмещающая не только Тадж с минаретами, но и мечеть и крытую галерею из красного песчаника. Эти сооружения сами по себе красивы, но архитектор выбрал для них не белый мрамор, а красный песчаник, чтобы здания как бы отступили на второй план, не затмевали мавзолея, а подчеркивали его белизну и легкость. В комплекс входит и большой сад с бассейнами и фонтанами, спланированный так, чтобы мавзолей лучше

смотрелся с разных точек. В саду нет уже тех деревьев, о которых говорил хадим, но и кипарисы здесь не создают ощущения кладбища, не кажутся лишними.

Постройка Мумтаз-Махала была событием государственной важности. Архивы Великих Моголов дают возможность представить, как все происходило.

Мумтаз-Махал умерла в 1629 году во время родов четырнадцатого ребенка. Опечаленный Шах-Джахан пожелал созвать на совет лучших архитекторов восточного мира. Гонцы поскакали в соседние страны с приказом любой ценой заполучить на совет мастеров. Посланцы шаха стучались в дома в Ширазе и Бухаре, Самарканде и Багдаде, Дамаске и Стамбуле. Другие гонцы срочно (насколько можно было в те времена) доставили в Агру планы и изображения всех известных сооружений Азии (об этом так и написано в хрониках).

Наконец совет собрался. Были обсуждены многочисленные варианты, испробованы и забракованы сотни схем и планов. Император хотел построить здание, равного которому в мире нет и не будет.

В конце концов остановились на проекте индийского архитектора по имени Устад-Иса. Он предложил вариант, понравившийся и всем мастерам, и императору. Шах-Джахан приказал вырезать из дерева модель будущего мавзолея, и, когда она была одобрена, началась подготовка к строительству.

Мастера чертили линии будущих куполов, чиновники собирали рабочих, в карьерах Раджнутаны выпиливались глыбы лучшего мрамора. Главные каменщики приехали из Дели и Кандагара, архитекторы Хан Руми из Стамбула и Шариф из Самарканда руководили возведением куполов, им помогал мастер из Лахора, декоративными работами ведали бухарцы и делийцы, садовода призвали из Бенгалии, каллиграфов и художников – из Дамаска, Багдада и Шираза. Главным архитектором был местный мастер, автор проекта, Устад-Иса.

Достаточно прочесть этот список, чтобы понять, почему Мумтаз-Махал сочетает в себе лучшее, чего достигла к тому времени архитектура Востока: опыт Бухары, Дамаска, Самарканда, Багдада, Шираза принесли на строительство мастера из городов, каждый из которых был славен своими мечетями, минаретами, мавзолеями, дворцами. Понятно и почему Мумтаз-Махал остался неповторимо индийским: добрая половина мастеров была из Индии, как и главный архитектор, художники, резчики, рабочие. Строительство было по масштабам мировым, но оставалось при этом индийским.

Наверное, мало кто из строителей думал о том, что строит

именно мавзолей, погребальное сооружение, – результатом их труда стало здание, воспевающее жизнь. Недаром в саду его почти всегда услышишь смех.

И когда император увидел, каким получился мавзолей, он решил построить для себя такой же, но только из черного мрамора. Возможно, он был бы так же прекрасен. Возможно, рядом два мавзолея являли бы собой зрелище и вовсе необычайное. Но второго Таджа нет. И так казна была истощена, разорены крестьяне, недовольны вельможи и муллы. В стране назревала война, и она кончилась трагически для Шах-Джахана. Рассказ о Черном Тадже – это рассказ об одном из тех чудес света, которых нет.

Перед смертью, как говорит летописец, император попросил поднести его к тюремному окну и «погрузился в глубокий бесконечный сон».

...Поздно вечером, перед тем как вернуться в Дели, я снова пришел на площадь перед Таджем. У ворот покачивались язычки свечей, зажженных торговцами. Так же текла вереница людей к арке, ибо мавзолей при лунном свете – зрелище еще более сказочное, чем днем. Голубой, он висел над черной землей, и большие звезды прижимались к его легким куполам.

Анурадхапура

Восход на горе Шрипада

Путешествие начинается ночью. От дороги, бегущей среди чайных плантаций, ответвляется неширокая, хорошо утоптанная тропа. Она полого поднимается вверх, и дальнейший путь отмечен цепью пальм. Лампы висят на столбах, на деревьях, на скалах, и цепочка их, тускнея, как отдаленные звезды, уводит вперед и вверх, к зениту, обрываясь в высоте.

Тишина, только топот тысяч босых ног, сандалий, поднимающих вверх светлые в темноте облачка пыли.

И внезапно тишину разрывает пронзительный крик:

– Садху! Саа-дху! С-ааа-а!

– Са-аа... – подхватывают голоса в темноте.

– Са-а! – катится вверх и вдаль.

Тропа сужается. Ближе подступает стена джунглей. Впереди каменные ступени: с одного бока от них – скала и обрыв, откуда к тропе тянутся вершины деревьев, и лианы – с другого. Теперь тропа становится черным, влажным, жарким туннелем, и, если бы не редкие лампы, не светильники в руках пилигримов, казалось бы, что ты потерялся в бесконечной пещере.

Цепь людей тянется медленно. Здесь много стариков. Их ведут под руки, останавливаясь через несколько ступеней, давая им отдохнуть. Порой движение прерывается, значит, впереди чайный домик или навес для отдыха – их много на этом длинном пути.

Но время торопит: нужно достичь вершины к рассвету.

В одном месте ступени каменной лестницы совсем новые: еще недавно пилигримы преодолевали этот участок пути – крутые скалы с нависающим сверху козырьком – по толстым цепям, переброшенным над пропастью. Если налетал неожиданно шквал – а шквалы на высоте нередки, – люди падали в ущелье, и их душераздирающие крики заставляли на несколько минут замирать всю процессию.

На востоке небо начинает голубеть, и на фоне его особенно черной и величественной кажется вершина горы Шрипада, куда и лежит путь пилигримов. Свет ламп становится с каждой минутой желтее и нереальнее. Еще несколько сот шагов – и вершина.

Вершина горы – плоская площадка, посреди которой под навесом продолговатое углубление метра в два длиной. Это «след Будды». К восходу солнца на площадке собираются тысячи людей. Люди стоят вплотную друг к другу, и нарастающее волнение охватывает пилигримов, не замечающих уже ни жгучего ветра на

почти трехкилометровой высоте, ни усталости после трудного пути.

Иногда над вершиной зарождается и тает в синем воздухе глубокий звон висящего здесь колокола. Это опоздавшие пилигримы возвещают о завершении своего пути.

Небо светлеет, и вот уже различимы смуглые лица, вершины окружающих гор и ранние легкие облака.

И вдруг, как всегда неожиданно, из-за горы вырывается сноп солнечных лучей, золотит вершины гор, лица людей, и еще через секунду – на экваторе восход солнца стремителен, такого никогда не увидеть жителю умеренного пояса, – еще через секунду на небо вылетает, будто выпущенное из пращи, солнце.

Этого момента и ждали все. Вдох восхищения, облегчения – будто люди уже и не надеялись, что солнце взойдет, – разносится над вершиной горы. И тут же сотни голосов подхватывают:

– Садху! Саадху! Саааа!!

По другую сторону горы – туда сейчас обращены лица пилигримов – появляется тень пика. Она кажется объемным конусом темного воздуха.

В тишину, наступившую на вершине, врывается голос монаха, читающего молитву. Монах (голос его многократно усилен громкоговорителями – техника не очень давно пришла в эти места, но, придя, укрепилась) произносит слова, повторяемые сотнями голосов:

– Я не украду...

Толпа опускается на колени.

– Я не убью ничего живого...

Люди касаются лбами холодных плит.

– Я не солгу...

А монах тем временем продолжает молитву: «...обладатель бескрайней мудрости, заботясь о спасении Ланки, трижды приходил сюда... И потому остров этот, озаренный светом истины, высоко вознесся в славе среди верующих».

Так написано в ланкийской хронике Махавамса.

Три раза посетил Будда остров Шри Ланку, и в каждом из тех мест, где он останавливался, впоследствии были воздвигнуты храмы. Когда он в третий раз покидал остров, он коснулся ногой вершины горы Шрипада и оставил на ней свой след. С тех пор к этому месту тянутся пилигримы, которые в праздник майского полнолуния спешат сюда, чтобы увидеть рассвет со святой горы и тень пика в первых лучах солнца.

Пик Шрипада, или, как его еще называют, Пик Адама, возвышается конусом посреди острова. С него открываются бесконечные холмы, поросшие джунглями, чайные плантации,

дороги, деревни, бесчисленные пагоды и храмы. Храмы удивительной страны...

Шри Ланка – капля, оторвавшаяся от Индии, мост между нею и странами, лежащими дальше к востоку. Эти страны многое переняли от Индии, их культура развивалась под индийским влиянием, идеология и религия в большой степени заимствованы из Индии.

Буддизм родился в Индии за 600–500 лет до нашей эры. Основателем его считают Гаутаму-Будду, принца одного из индийских государств, решившего принести людям учение о справедливости и истине.

В то время религия, господствовавшая в Индии, с ее усложненными и непонятными простым людям обрядами, с ее делением на варны и отрицанием равенства людей даже перед лицом божества переживала кризис. Повсеместно рождались секты, главы которых проповедовали равенство. Плодилась ересь... Одной из таких сект и был на первых порах буддизм. Судьба его до какой-то степени сродни судьбе христианства: и то и другое учения обращались к угнетенным, и то и другое обещало людям утешение. Неизвестно, был ли Гаутама исторической личностью или он такой же собирательный образ пророка, как Христос. Многие ученые склоняются сейчас к мысли, что Будда и в самом деле существовал. Его учению повезло больше, чем другим, которые рождались тогда же в Индии, но умирали со смертью идеолога.

Буддизм, объявивший всех людей равными от рождения, выступавший против сложных ритуалов и верховенства жрецов-брахманов, приобрел множество сторонников. Среди приверженцев буддизма оказались даже князья и цари, но в основном торговцы и ремесленники. В считанные десятки лет буддизм распространился на большей части территории Индии.

Особенно ревностным приверженцем буддизма был индийский царь Ашока, живший в III веке до нашей эры. Он считается у буддистов святым. При нем, как говорит традиция, собирався буддийский собор, выработавший правила жизни и поведения верующих, рассылались во многие страны миссии, проповедовавшие буддизм.

Одна из таких миссий достигла Шри Ланки. По преданию, которое не противоречит историческим фактам, во главе ее стоял сын Ашоки – Махинда (на санскрите это имя звучит Махендра).

Предание, запечатленное в хронике Махавамса, гласит, что Махинда неподалеку от места, называемого Михинтале, встретил в лесу охотившегося царя Шри Ланки Деканампийатиссу. Царь пригласил путешественника к себе, и тот довольно быстро

обратил Деканампиятиссу в буддизм.

Махинда поселился в Михинтале. Он жил в пещере, и царь приезжал к отшельнику за советом. Царь построил несколько храмов и монастырей, а когда Махинда умер, то над его могилой была возведена самая высокая в стране дагоба. Вокруг вырос город Анурадхапура.

Впоследствии Анурадхапура превратилась в один из крупнейших городов Востока и процветала несколько веков. Покинутый жителями, когда столицу перенесли в другое место, город остался на Шри Ланке наиболее почитаемым собранием буддийских памятников, ежегодно посещаемых паломниками со всех концов острова и из других буддийских стран. Многие в Анурадхапуре сохранились, а что разрушилось от времени, периодически подновлялось и подновляется.

Переносились столицы на Шри Ланке, менялись династии, уходили и приходили завоеватели, но более двух тысячелетий не меняется здесь религия. Буддизм, как и две тысячи лет назад, является господствующей идеологией. Ни мусульманство, ни христианство не смогли пустить корней среди сингалов. Подобная преемственность обусловила создание уникальной галереи памятников. Все они – построенные и много веков назад, и только вчера – тщательно оберегаются.

Отсюда, из Шри Ланки, отправлялись миссии в страны Юго-Восточной Азии, возрождая буддизм там, где он потерпел поражение или пришел в упадок. Они несли с собой священные тексты, которым должны следовать буддисты – и миряне и монахи, и каноны, по которым строились священные сооружения.

Анурадхапура была столицей царей династии Махавамса. Если Махинда появился там в III веке до нашей эры, Анурадхапура прекратила свое существование как столица в VIII веке, то есть была тысячелетней столицей, превзойдя в этом отношении все остальные города мира. Некоторые ученые полагают, что в период расцвета в ней жило более трех миллионов человек.

Старейшим из памятников Анурадхапуры считается дагоба Тхупарама. Ее, уверяют буддисты, построили еще во времена Ашоки, когда Махинда вытребовав из Индии ключицу Будды, чтобы захоронить ее в достойном месте.

Дагоба, как и индийская ступа и бирманская пагода, произошла вернее всего от могильного кургана. Ранние дагобы и ступы представляют собой полушария, порой поистине неотличимые от холмов и курганов. Со временем курган начинал вытягиваться, обрастая при этом дополнительными деталями, каждая из которых имела точно определенный смысл и значение.

В конце концов в Бирме и Таиланде пагоды вытянулись в тонкие изящные конусы.

Раз дагоба – курган, то, естественно, внутри нет и не может быть никаких помещений, кроме погребальной камеры. Но тут возникла сложность: если дагоба – могила Будды, то только одна может исполнять такую роль, остальные становятся кенотафами – ложными погребениями. Но каждая буддийская страна, каждый район, даже мало-мальски солидная пагода хотят быть настоящей гробницей.

И тут Будду начали делить. В бирманской пагоде Шведагон, по преданию, захоронены восемь его волосков. В Канди, на Шри Ланке, – зуб. Еще один зуб – в Китае. В Тхупараме – ключица и так далее. Если сегодня заняться статистикой и подсчитать, сколько же всего ключиц, зубов и пальцев Будды захоронено в мире, может оказаться, что у Будды значительно больше ног, рук и зубов, нежели положено человеку.

Из-за мощей Будды возникали в свое время международные скандалы и конфликты, которые приходилось разрешать войной, хотя буддизм и отрицает их. Бирманский король Анируда ходил войной, и не раз, на княжество Тароп, чтобы отнять у его правителя драгоценный зуб. Ланкийцы подарили принадлежавший им зуб Будды бирманцам, однако потом обнаружилось, что зуб был поддельный, а настоящий они оставили себе.

Дагоба Тхуиарама – не самая крупная из дагоб Анурадхапуры, однако многие считают ее самой красивой и совершенной. Правда, совершенство ее не изначально: дагобу, как известно, реставрировали в XIII веке.

Она состоит, как и остальные дагобы, из трех частей: из основания – полусферы, квадратного каменного куба над ней – реликвария (именно там хранятся мощи и другие священные предметы) и шпиля. Высотой она двадцать метров и окружена каменными столбами. Очевидно, раньше столбы обступали дагобу несколькими концентрическими кругами и несли на себе навес.

Царь Дуттхагамани, известный в истории Шри Ланки как освободитель острова от южноиндийских племен, был одним из основных строителей Анурадхапуры. После ряда удач на поле боя царь приступил к возведению буддийских памятников. Он построил дагобу Миришавети и начал строительство дагобы Руанвелисея, но до окончания его царь не дожил. Строительство было завершено младшим братом царя.

Руанвелисея невероятных размеров: диаметр ее – почти сто метров и высота – шестьдесят. Представьте себе белое полушарие,

увенчанное кубом и золоченым шпилем, что в сочетании с глубоко-голубым небом создает ни с чем не сравнимое зрелище.

Прошло еще несколько лет, и племянник воинственного Дуттагамани приступил к сооружению дагобы Абхаягири (Джетавана) на северной окраине Анурадхапур. Царь, как и положено царю большой страны, уверенному в своем величии и мощи, решил соорудить дагобу самую большую в мире. Фундамент любой дагобы сооружается из камня или кирпича... Ланкийский царь приказал сделать фундамент из последовательных слоев серебра, меди, кварца, глины...

В камере для реликвий внутри дагобы были выбиты слова: «Цветы здесь никогда не завянут, благовония не иссякнут, лампы не потухнут – ничто здесь не прекратится».

Царь умер, не завершив строительства. Но дети его продолжали работу, сгоняли на строительство десятки тысяч рабочих, облагали специальными налогами остров. Даже после окончания дагобы к ней снова и снова возвращались строители. Известно, что через триста лет по приказу царя Гаджабаху I на полушарие дагобы накладывали новые слои кирпича.

По словам английского исследователя Теннента, «материалов, пошедших на ее строительство, достаточно, чтобы соорудить 8000 зданий, каждое из которых будет по фасаду длиной 20 футов, и эти дома образуют тридцать улиц по миле каждая. В результате получился бы город размером с Ковентри».

Дагоба Абхаягири по грандиозности даже превосходит пирамиды Хеопса. Вместе с платформой и шпилем дагоба поднимается на сто пятьдесят метров. Диаметр ее – сто двадцать метров.

Одновременно с дагобами был построен и Медный дворец. Он представляет собой удивительное, странное зрелище. В городе среди дагоб растет лес. Лес из каменных колонн. Все столбы одной высоты – четыре метра. Их насчитывается ровно тысяча шестьсот штук, то есть сорок рядов по сорок колонн в каждом. Это все, что осталось от Медного дворца. Когда-то столбы были обшиты серебряными пластинами, а крыша, которую они поддерживали, – медными листами, отчего дворец и получил свое название.

Это остатки громадного монастыря.

Вот что сообщает хроника Махамаса о Медном дворце: «Карнизы его были украшены драгоценными камнями и золотом. Было в нем сто тысяч комнат, каждая с окнами, яркими, как глаза».

И все-таки для ланкийцев самым священным местом в Анурадхапуре являются не дагобы, как бы высоко они ни

ценились, не остатки дворцов и монастырей, а священное дерево бо – бодхи – баньян: по преданию, отросток того дерева, под которым предавался размышлениям Будда. О дереве в Анурадхапуре писали средневековые хроники и первые европейские путешественники – уже тогда оно было бесконечно древним – может, только секвойи калифорнийских лесов могут поспорить с ним в возрасте.

После падения Анурадхапуры Шри Ланка пережила тяжелые времена – вторжение врагов с юга Индии, войны и опустошения. Столица была перенесена в другой город – Полоннаруву. Эта столица, так же как и Анурадхапура, славится своими зданиями, дагобами, монастырями. Но более всего – своими статуями и барельефами. Там находится пятнадцатиметровый Будда, высеченный в скале. Но и Полоннарува пала в XII веке, когда на Шри Ланке высадились южноиндийские армии во главе с царем Мадхой.

«И этот Мадха, как яростный вихрь, – сообщает хроника, – повел свою армию на остров Ланку, и был он подобен пожару дикому, накинувшемуся на лес... Он разрушал дагобы, и сносил статуи, и выискивал спрятанные сокровища... Увы! Увы! Так тамильские гиганты разрушили королевство и религию на острове».

Сингальцы отступили в укрепленные крепости в глубине острова. Туда же была перенесена из долины главная реликвия – зуб Будды. Он был спрятан в селении Канди, в специально построенном небольшом храме. Потом пришли португальцы и голландцы...

Но через все войны и беды, сквозь века колониального подчинения жители Шри Ланки пронесли верность национальным традициям, культуре, вере. И в большие праздники, как и тысячу лет назад, сингальцы сходятся к бесчисленным храмам, дагобам, чудесным памятникам буддийского искусства. Раньше к этим дагобам шли пешком. Теперь правила не так строго соблюдаются: люди более заняты, и не многие могут себе позволить потерять несколько дней, чтобы добраться до дагоб Анурадхапуры.

В праздничные дни дороги, ведущие от Коломбо к Анурадхапуре, заполнены машинами и повозками. Вдоль дорог сооружается множество навесов, под которыми можно отдохнуть и перекусить. И отдых и питание в пути бесплатны: местные жители специально пекут печенье и варят рис к этому дню. Этот обычай остался с древности, когда паломничество к Анурадхапуре было длинным и трудным.

В Дни праздника майского полнолуния – Весак – каждый дом,

каждая деревенская хижина украшены флажками и по вечерам масляными лампами. В городах поперек улиц протянуты гирлянды бумажных фонарей и поставлены декоративные арки.

И так по всему древнему острову.

Но больше всего пилигримов стекается к горе Шрипада. Вечером загораются цепочки огней и начинается восхождение. Ведь ночь коротка, надо успеть до рассвета подняться на гору, увидеть восход солнца над страной гигантских дагоб.

Сигирия

Двадцать одна красавица

Чудеса света, о которых говорится в этой книге, созданы народом и принадлежат всему народу. Достижение индийского народа – фрески Аджанты, китайского народа – фрески Дуньхуана, ланкийского народа – фрески Сигирии. И все-таки...

Фрески Дуньхуана и фрески Аджанты создавались веками. Эти картины – не памятник какого-то короткого периода, это растянувшаяся на века школа живописи, давшая основу дальнейшему развитию искусства в стране. Как бы ни были изумительны фрески Аджанты, они закономерны. Не в Аджанте, так в другом каком-нибудь храме родились бы подобные толкования буддийской мифологии, формы и движение бесчисленных фигур. За этими фресками, как и за барельефами Ангкора, скрываются многие мастера, и первый, наиболее талантливый создатель новой школы теряется в толпе своих учеников и подражателей. Разрушитель канонов становится создателем новых.

Но бывают исключения. Бывают гении, не имеющие ни последователей, ни учеников.

И если такой художник работал много столетий назад в Азии, где не было принято фиксировать имя создателя произведения искусства, мы никогда не узнаем его имени.

Пример тому – фрески Сигирии, фрески крепости на скале в центре Шри Ланки.

История Сигирии трагична и не всегда понятна. Для того чтобы эти фрески родились на свет, необходимо было появление сначала царя-бунтовщика, царя-отверженного.

Время действия – V век. Место действия – Шри Ланка.

«Жил когда-то царь. И было у него две царицы...» – так начинается легенда о Сигирии, легенда, в которой правда переплетается с вымыслом, но больше правды.

«...И было у него две царицы. Одна была прекрасна, но низка происхождением, и царь любил ее. Другая была некрасива, но кровь ее была благородной, и она любила царя. И было у царя два сына. Сын прекрасной царицы был красив собой, но зол и коварен. Сын некрасивой царицы был уродлив, но мудр и добр. И была у царя дочь изумительной красоты, которую царь берег пуще зеницы ока.

Царь отдал свою дочь за командующего королевской конницей, но принцесса не была счастлива в браке. Свекровь обижала ее. Узнал об этом царь. А надо сказать, что царь мог

быть очень добрым человеком, и когда он был добр, то добрее его не найти никого на свете. Но если уж царь разозлится, то злее его тоже не найти на земле.

Царь узнал, что с его дочерью плохо обращаются. И он рассердился. Он увидел следы от кнута на белом теле дочери и тогда приказал сжечь заживо мучительницу принцессы. Что и было сделано.

Командующий царской конницей был закадычным другом красивого, но злого принца. Движимый местью, он склонил принца к заговору против отца. Принц захватил трон, убил отца и замуровал его в крепостной стене. Новый царь попытался разделаться и со своим младшим братом. Но младший брат был, как уже говорилось, очень умен. Он почувствовал неладное и убежал из страны.

Новый царь был несчастлив. Он боялся мести младшего брата, боялся народа, недовольного убийством царя. И тогда царь нашел неприступную скалу, стоявшую посреди долины, поросшей непроходимыми джунглями, и построил на скале город Сигирию, новую столицу, куда никто не мог бы добраться: так хитро она была устроена, что два-три солдата могли оборонять ее против целой армии.

Восемнадцать лет царь прожил на скале, управляя оттуда островом Шри Ланка. Он предавался разгулу и проводил время в пирах и забавах, чтобы заглушить голос совести и страха.

И вот однажды дозорные донесли, что с моря приближается большая армия. Тогда царь собрал свои отряды и приказал им спуститься вниз, в долину, чтобы встретить врага в поле.

Во главе наступавшей армии стоял младший брат. Началась битва. Боевое счастье склонилось на сторону младшего брата. Видя неминуемое поражение, царь повернул было, чтобы скрыться в неприступной крепости, но в последний момент стыд одолел его, и он решил умереть царем, а не изгнанником. Он вынул меч и вонзил себе в горло.

Младший брат, отомстив за смерть отца, вернулся в старую столицу Анурадхапуру и стал править там. Скалу же, где жил отцеубийца, люди вскоре забыли, забыли и пути туда».

Так или почти так и было на самом деле. Царь Кассапа (478–496), реформатор, личность незаурядная и трагическая, после убийства отца построил себе на скале город-крепость и жил в городе, пещеры и дома которого, как соты, иссверлили каменные обрывы, скрывая входы за глыбами.

В 496 году младший брат царя Моналлана, вернувшись из Индии, куда он бежал во время борьбы за престол, победил Кассапу.

Скала Сигирия с остатками древней столицы находится в двухстах километрах от столицы Шри Ланки – Коломбо и в семидесяти километрах от основной средневековой столицы – Анурадхапуры. С обеих сторон к дороге, ведущей к Сигирии, подступают джунгли, и нужно подъехать довольно близко, чтобы увидеть, как стопятидесятиметровая вершина скалы поднимается сахарной головой над лесом. Дорога внезапно обрывается перед крутой лестницей, кое-где вырубленной в камне, кое-где сложенной из кирпича. Рядом с лестницей вырастают из скалы когти сказочной птицы в три человеческих роста.

Лестница долго кружит, обламываясь на поворотах, пока наконец не приводит к длинной извилистой галерее. С одной стороны она ограничена отвесной стеной, с другой – каменным парапетом. Галерея извивается, как горная тропа, огибая выступы скалы. В одном месте галереи сохранились фрески, созданные во время царствования Кассапы. Они находятся на высоте пятнадцати метров над галереей в большой труднодоступной нише.

К нише раньше вела неустойчивая деревянная приставная лестница. Сегодня туда можно добраться (прогресс, осуществленный туристским управлением Шри Ланки) по металлической винтовой лестнице, обнесенной из соображений безопасности проволоочной сеткой. В нише находятся фрески Сигирии – чудо острова.

фигуры двадцати одной женщины – единственный пример светской живописи средневековой Шри Ланки и, пожалуй, совершенно уникальный образец искусства средневековой Азии.

фрески Сигирии порой сравнивают с индийскими фресками Аджанты. Но это не совсем правильно. Фрески Аджанты, как бы талантливы они ни были, не выходят из рамок дозволенного религией и связаны с ней. Они – не бунт, а подвиг талантливых мастеров, которые сумели оживить религиозные сюжеты, но при этом не пошли на восстание против канонов.

В Сигирии не так. До сих пор ученые не пришли к единому мнению, что изображают фрески: то ли это небесные танцовщицы – апсары, осыпающие землю с небес цветами, то ли это богини дождя и молний, то ли похоронная процессия, то ли церемония двора Кассапы, то ли просто девушки, купающиеся в озере.

Уже подобное разночтение сюжетов – а в буддийской мифологии ученые разбираются настолько уверенно, что практически нет фресок, которые не были бы наверняка отнесены к тому или иному каноническому сюжету, – наводит на мысль, что здесь нарушены религиозные каноны.

Обнаженные красавицы в человеческий рост стоят парами. В

каждой паре одна девушка темнокожая, другая – белокожая. Вероятно, художник этим показывает, что одна из них – благородная дама, другая – ее служанка. Девушки свободно размещены на плоскости стены, что необычно для азиатской живописи, и они передвигаются и живут как бы в тумане – ниже бедер фигуры утопают в белом непрозрачном облаке или в воде. Именно «передвигаются и живут» – я не знаю другого средневекового произведения искусства, в котором бы художнику удалось так достоверно запечатлеть жизнь и движение.

Стандарты красоты меняются не только от столетия к столетию, от страны к стране, но и в течение какого-нибудь десятка лет. Но есть некоторые особо высокие произведения искусства, которые побеждают и моду, и вкусы, и столетия. Венера Милосская, Венера Боттичелли, Нефертити прекрасны всегда и для всех. То же и с девушками Сигирии.

Художник хотел создать красоту. Он сделал это и победил время.

Вот почему я убежден, что в Сигирии не было ни группы мастеров, ни школы со своими канонами и законами. Был один мастер.

Как Микеланджело, месяцами расписывавший Сикстинскую капеллу, изогнувшись в напряженной позе под потолком на лесах, но работавший и работавший, чтобы победить материал, чтобы вырваться из власти условности и создать неповторимое, так и мастер Сигирии, наверное, месяцами раскачивался на ненадежных лесах над недоступной нишей и смелыми мазками писал галерею своих красавиц. Неважно, как он их назвал, как он объяснил царю, что за женщины ожили у ворот его дворца. Может, он и в самом деле сказал, что это апсары или богини молний. От названия не менялось существо фресок – они были земные, они не призывали к смирению и размышлениям о бренности жизни, они могли заставить даже самого скучного из людей любить жизнь и радоваться ей.

Художник, громя все каноны и законы, писал знакомых ему, земных и желанных женщин. Нет среди них одинаковых лиц, нет одинаковых фигур, и руки с тонкими пальцами настолько подвижны, пластичны и выразительны, что нельзя отделаться от впечатления движения, медленного и грациозного танца.

Несколько лет назад какой-то маньяк захотел убить красавиц Сигирии и, прежде чем его остановили, успел нанести фрескам значительный вред. Маньякам не по нраву великие произведения – вспомните, на кого нападали они: «Ночной дозор» Рембрандта, «Джоконда».

Давно исчезла память о гордом царе, и погиб его город, но

фрески остались. Вряд ли царь Кассапа позволил бы художнику писать их, если бы знал, что город его будет славиться только ими: царям обидно сознавать, что власть искусства превышает власть царей и правительств.

Но ничего не поделаешь. Сколько раз в истории в таких поединках побеждало искусство.

Часть 5. Юго-восточная Азия и Дальний Восток

Паган

Пять тысяч храмов

Летом 1975 года на Бирму обрушилось очередное жестокое землетрясение. Особенно пострадал древний город Паган. В газетах, сообщавших о бедствии, появились названия, ранее вряд ли известные многим: разрушен храм Ананда, погибла, упав в Иравади, пагода Бупая...

У меня же они вызывали в памяти величественные силуэты на фоне утреннего неба, прохладные, уходящие арками вверх гулкие залы храмов и шорох травы у коренастых пагод.

Уже началось восстановление поврежденных храмов, и многое будет спасено. Много, но не все...

Паган известен куда меньше, чем он этого заслуживает, хотя он – один из самых удивительных памятников человеческой культуры. И коли уж существуют пропагандисты других чудес света, то пусть на мою долю выпадет прославлять Паган, и эта страсть моя да зачтется мне в будущем существовании (так говорят буддисты) за доброе дело.

Бирма лежит южнее Китая и восточнее Индии. Всю ее, с севера на юг, пересекает могучая река Иравади. Река сбегает с тибетских нагорий, пересекает зеленые холмы севера страны, разливаясь по широкой долине, орошает сухие равнины центра Бирмы и вливается, разбившись на множество рукавов дельты, в Индийский океан.

В самом центре страны, в сухом поясе, на берегу Иравади, стоит чудесный город Паган. Его основали вернее всего первые племена бирманцев, пришедшие в страну, называемую теперь Бирмой, тысячу лет назад.

В 1044 году Паган стал столицей Бирмы, которая тогда именовалась Паганским царством, и через двести пятьдесят лет, в конце XIII века, после того как государство развалилось под ударом монгольских войск, город был оставлен жителями.

Сгнили и рассыпались деревянные дворцы и дома, заросли сухой травой и кактусами улицы, высохли пруды и водоемы, но храмы и пагоды города, числом около пяти тысяч, стоят до сих пор.

Мало кто слышал о Пагане за пределами Бирмы, сравнительно немногие побывали там. Причин несколько. И то, что Бирма долгие годы лежала в стороне от основных торговых путей, и то, что даже в Бирме Паган не очень доступен – к нему нет железной дороги. И, наконец, пока Бирма была колонией, Пагану не уделяли особого внимания: Бирма считалась

украинной провинцией Британской Индии, и индийские памятники и храмы, более известные, затмевали далекий Паган.

Но Паган не скрыли непроходимые джунгли, как случилось с храмами Ангкора и пирамидами майя, его не засыпали пески пустынь, как Хара-Хото или Хорезм. Уже 700 лет, как Паган перестал быть столицей Бирмы, но он и сейчас одно из самых чтимых в стране мест, и со слов «Это случилось в Пагане» начинается каждая вторая бирманская сказка.

Первым из европейцев увидел Паган великий путешественник Марко Поло. Хотя некоторые историки и сомневаются, был ли он там, Марко Поло, находившийся тогда на службе императора Хубилай-хана, внука Чингисхана, оставил в своей книге отчет о войне монголов с Паганом и описание самого города.

Потом прошла почти половина тысячелетия, прежде чем Паган вновь увидели европейские путешественники. Но если на долю Марко Поло выпало счастье застать город живым, то англичанин Сайме, зарисовавший некоторые из храмов Пагана, в конце XVIII века увидел мертвый город. Правда, Паган еще не был ограблен английскими туристами и разномастными искателями приключений.

В первой половине прошлого века Паган посещали англичане – миссионеры, офицеры, шпионы, дипломаты. Англия старалась покорить Бирму, и потому английское правительство было заинтересовано в сборе сведений об этой стране. О Пагане писали между прочим: древности и красоты не интересовали деловых людей, они нередко выражали сомнение в том, что город построен самими бирманцами, бирманцев принято было изображать полудиким народом, которому необходимо срочно приобщиться к европейской цивилизации.

Вслед за разведчиками, как только в 1885 году Бирма была покорена, последовали не ученые, а грабители. Это были и солдаты, поднимавшие из пыли статуэтки, и офицеры, увозившие домой статуи покрупнее, и лжеархеологи, пытавшиеся вывезти в европейские музеи целые стены фресок.

Ученые занялись Паганом только в начале нашего века. До того как Бирма добилась независимости, они исчислялись единицами, и, хотя историки многое узнали о Пагане, он во многом оставался еще городом таинственным и неразгаданным.

Сегодня в Пагане открыт музей, ежегодно ведутся раскопки и реставрационные работы, сюда приезжают на практику бирманские студенты – архитекторы, художники, филологи, искусствоведы, сюда стремятся попасть туристы. И с каждым годом Паган становится все известнее, и слава его, упрятанная в веках, возвращается к нему вновь.

...Я помню свое первое утро в Пагане. Солнце еще не встало, и воздух за окном был густого голубого цвета. К окнам маленькой гостиницы, стоящей посреди города, сбежались храмы Пагана. Они стояли, куда ни посмотришь, голубые и фиолетовые, с отблесками наступающего дня на вершинах. Совсем рядом поднимался к небу, к перистым облакам, шпиль Татбинью. От земли до верхушки зонта – семьдесят метров, но вся эта громада кажется легкой, как дворец из сказки, сложенный за одну ночь. Здесь, без сомнения, потрудились добрые волшебники.

Захватив южные земли Бирмы, населенные монами, первый царь Пагана, Анируда, свез в свою новую столицу мастеров со всех концов государства. Паган должен был превзойти города всех известных Анируде земель. С этого времени каждый царь Пагана, чтобы возвеличить свое имя, строил большой храм и несколько малых. От царей старались не отставать вельможи, министры, полководцы, богачи.

Паган стал одним из крупнейших культурных центров Азии. Его университеты видели в своих стенах студентов из дальних стран. Здесь учились ланкийские и тамильские принцы, бонзы из Тьямпы и пилигримы из Китая. В Пагане было несколько библиотек, и здание одной из них – единственное дошедшее до нас светское строение Пагана.

Первое большое сооружение Пагана – пагода Швезигон, громадная пирамида, построенная Анирудой. А несколько позже были возведены и первые храмы. Наиболее известен из паганских храмов Ананда, построенный в конце XI века. Представьте себе прямоугольное лаконичное здание в два этажа, гладкие стены которого прорезаны редкими окошками с пышными, похожими на пламя порталами. От середины каждой стены начинается одноэтажная крытая галерея, через которую можно проникнуть в центр храма, так что храм в плане представляет собой правильный крест. Крыша храма – несколько уменьшающихся крыш-террас, украшенных по углам пагодками и скульптурами сказочных львов. На последней, самой маленькой террасе стоит коническая башня – сикхара, увенчанная шпилем. Высота храма – шестьдесят метров. Снаружи он легкий, светел и кажется почти невесомым.

Совсем другой он внутри. Вы входите в высокую дверь и оказываетесь в длинной, слабо освещенной галерее. Здесь тихо и прохладно. Ощущение таинственности вдруг охватывает вас. Впереди что-то мерцает. Вы пересекаете два concentрических коридора, облегающих здание вдоль стен, и оказываетесь у ног громадной, десятиметровой позолоченной статуи Будды. Статуя освещена чуть-чуть, только прорубленное на уровне ее головы

окошко в стене бросает луч света на лицо, и кажется, будто Будда загадочно улыбается. Здесь все рассчитано на то, чтобы подавить человека, заставить его ощутить свое ничтожество перед лицом судьбы и высших сил. Коридоры, разбегающиеся в стороны, узки, но высоки и арками сходятся в полутьме над головой. В нишах спрятаны небольшие статуи, и каждый шаг отдается в коридорах гулко и четко.

Но стоит покинуть храм, снова очутиться на солнце, и здание всем своим видом, своей легкостью отрицает темноту и суровость своего чрева.

А на другом конце Пагана (храмы раскиданы довольно свободно по прибрежной равнине, и поэтому город занимает площадь в несколько десятков квадратных километров) стоит другой храм, построенный одновременно с храмом Ананда.

Это храм Манухи, царя монов, захваченного бирманцами в одном из первых походов Анораты. Анората оставил царю монов его придворных, часть казны; Мануха был почетным пленником. Но все-таки пленником, лишенным трона, родины, будущего. И вот, как гласят хроники, Мануха продал свой королевский рубин и на вырученные деньги построил храм.

Другого такого храма нет в Нагане. Здание лишено украшений, строитель его не задавался целью сделать храм красивым. Три куба: побольше – в центре, поменьше – с боков. Небольшая дверь. Когдаходишь в храм, ожидаешь оказаться в квадратном помещении, соответствующем очертанию стен. Это так, и в то же время зрелище, представляющееся глазам, необыкновенно и почти невероятно. Весь центральный зал храма заполнен статуей сидящего Будды. Голова его упирается в потолок, локти и колени – в стены, и пройти в соседний зал можно, только протиснувшись в щель между пальцами руки Будды, лежащей на колене, и стеной. Будде, десятиметровому, широкоплечему, коренастому, ужасно тесно в храме, стены давят его, он вот-вот не выдержит и, чуть двинув плечами, разрушит эту страшную тюрьму. Но Будда недвижим.

И мне кажется (я не единственный, кто так думает), что пленный царь Мануха построил такой храм специально. Стиснутый Будда – олицетворение пленного царя, и реальное ощущение неволи, неудобства, мучений, которое охватывает тебя, когда ты смотришь на задавленного стенами и потолком великана, сразу вызывает в памяти образ пленника.

В боковых залах то же самое. Еще две статуи, и им так же тесно, так же стены прижались к их спинам, локтям, коленам – никогда не выпрямить ног и рук... А когда обойдешь храм сзади, тебя ожидает еще одна встреча. Вдоль всех трех залов тянется

четвертый, длинный и низкий. Будда, заточенный в нем, лежит: он достиг блаженного покоя – нирваны. И опять же чувствуешь иронию слов «покой» и «блаженство», ведь Будда лежит в тесном гробу и крышка гроба всего в нескольких сантиметрах от его головы.

Храм Манухи одинок в Пагане. Остальные храмы, как большие, так и малые, больше похожи на Ананду. По ним видишь, как развивалась бирманская архитектура, как изменились вкусы. Позднейшие храмы – летящий, легкий красавец Годопалин, великан Татбинью, Хтиломино, Дхаммаязеди. Они освещены лучше, чем Ананда. Коридоры в них шире, окна больше, и в них легче дышится. Малые храмы, которых насчитывается много десятков, обычно обильно украшены фресками – они коврами покрывают храм от пола до потолка. Хотя фрески изображают сцены из жизни Будды, но рассказывают о жизни Пагана, о его людях, домах, так как мастера селили мифологических персонажей в знакомые им дома и дворцы, одевали в знакомую одежду и даже заставляли ездить именно в тех повозках, которые в те дни двигались по улицам первой бирманской столицы.

Важнейшим изобретением бирманских строителей, послужившим одной из главных причин такой замечательной сохранности бирманских храмов, была арка, почти неизвестная в средневековой Индии и Юго-Восточной Азии. Бирманцы придумали ей массу применений, разработали множество типов и видов ее, и потому их храмы в конструктивном отношении далеко превосходят все, что было построено в древности и в средние века в Восточной Азии.

Еще одна очень интересная и характерная черта паганских храмов – пламенные порталы. Каждая дверь, каждое окно в Пагане украшены сверху пышным порталом, похожим на языки пламени, вырывающиеся из здания. Иногда в пламени можно различить голову сказочного змея Нага. Некоторые ученые полагают, что именно пожары в древних деревянных храмах и вдохновили зодчих на создание такого странного портала. Иные думают, что раньше храмы украшались пальмовыми листьями. Но в любом случае по этим порталам можно безошибочно определить паганский храм.

Есть в Пагане и несколько храмов, которые отличаются от других, хотя и несут на себе отпечаток паганской школы зодчества. Один из храмов придуман не бирманцами. Это переработанная паганскими архитекторами копия индийского храма Боддхгайе. Именно там, в священном для всех буддистов месте, стоит храм, воздвигнутый на месте рождения Будды. Паганские мастера ездили туда и на средства паганских царей

ремонтировали пришедший в ветхость индийский храм. Вернувшись, они построили такой же в Пагане.

Другие храмы, отличающиеся от обычных паганских, – это храмы небуддийских религий. Ведь Паган был большим торговым и политическим центром Юго-Восточной Азии, и в нем существовали колонии торговцев, монахов, ученых из разных стран – индуистов, огнепоклонников, джайнистов. Они тоже строили в Пагане свои храмы, но так как архитекторами были все-таки бирманцы, то и эти храмы имеют характерные для паганского зодчества черты.

При всем том в городе не найти и двух одинаковых строений: каждый храм неповторим и уникален. Нагайон похож на ладью с вытянутым высоким носом, Дхамаянджи кажется могучей крепостью, Паятонзу – легкая игрушка, приснившаяся в веселом сне...

Кроме храмов в Пагане множество пагод. От маленьких, в человеческий рост, до многометровых, вознесенных на несколько террас. Вокруг больших пагод проходили пышные процессии в дни праздников.

Город давно умер, но это не значит, что люди ушли из этих мест. На территории Пагана впоследствии были построены небольшой городок и несколько деревень. Между храмами раскинулись поля, выпасы, сады, рощи пальм, и ребята бегут в школу, привычно огибая по узкой дорожке тысячелетние громады. Медлительные буйволы тянут плуг за оградой из узловатых кактусов, а внизу, по Иравади, не спеша ползут джонки и длиннотрубные пароходики.

Обычно, если попадаешь в Паган, принято взобраться на верхнюю террасу храма Годопалин и с высоты шестидесяти метров окинуть взглядом великую столицу и дождаться захода солнца. Солнце спускается к синим холмам на другом берегу реки, и, по мере того как оно скатывается ближе к ним, все длиннее и гуще становятся причудливые тени, пока они не сольются в сплошную вечернюю синеву. Солнце растет и краснеет, заваливаясь за горб холма; вот оно пропало, но еще несколько минут бескрайнее небо хранит его цвет – оно красное, яркое, синеющее к зениту и уже темно-синее за спиной.

Внизу, в деревне, зажигаются первые огни, лают собаки, и радиоприемник в одном из домов – слышно в этой сказочной тишине на километры – начинает передавать последние известия.

А Паган засыпает, и кажется, что тени умерших семьсот лет назад царей, вельмож и художников заполняют его широкие площади. Ночь принадлежит прошлому.

Шведагон

Самая золотая пагода

Памятникам архитектуры свойственно иногда создавать силой своей исключительной значимости совершенно определенное, но, к сожалению, порой ложное представление о стране. Если мы говорим о Египте, то мысленный пейзаж его неизбежно связан с пирамидами. Пустыни, пирамиды, сфинксы... А ведь это не так. Миллионы жителей Египта никогда не видели пирамид, слишком далеко от них они живут. Когда мы вспоминаем об Америке, то видим мысленно пилу небоскребов и статую Свободы над бухтой. А ведь Соединенные Штаты – страна, для которой Нью-Йорк – далеко не самый типичный пейзаж. Многие, думая о России, связывают ее с храмом Василия Блаженного или даже чаще с Кремлем...

Примерно так же случилось и с Бирмой. Золотая пагода Шведагон настолько поражает попавшего туда человека, что чуть ли не в половине очерков и статей Бирму именуют «страной золотых пагод». И это хотя и красивая, но неправда. Золоченые пагоды насчитываются там единицами.

Мне приходилось много ездить по Бирме, и могу сказать уверенно, что уж если называть ее «страной пагод» – пагод там действительно много, – то уж, конечно, «страной белых пагод», потому что 99 процентов их просто побелены.

Но Шведагон золотой. Шведагон всех выше, всех величественнее, всех заметнее. Он стоит на вершине холма и виден из любой точки Рангуна, он присутствует в любой книге о городе и о стране, в любом рекламном проспекте и на любой фотовыставке. Шведагон стал символом не только столицы Бирмы, но и всего государства.

История его – история Бирмы, и никто не знает, сколько ему лет, кем и когда он был построен, хотя на этот счет существуют многочисленные легенды. Вот на чем они сходятся: две с половиной тысячи лет назад два брата-купца Таписса и Бхалика, родом из Бирмы, побывали в Индии. Там они увидели Будду, сидевшего под священным деревом бо. Будда вручил им восемь волос со своей головы и приказал хранить их в родном городе купцов – Оккале, что располагается на месте современного Рангуна.

Братья немедленно собрались в обратную дорогу. Но вернуться оказалось нелегко. Цари государств, мимо которых пролегал путь купцов, прознали о даре Будды и пытались всеми способами отнять у Таписсы и Бхалики священные волосы. Два

достались царю Аджетты, два захватил царь змей: он обратился в человека и забрался на корабль.

Но четыре волоса все-таки добрались до места назначения. Какие торжества начались в Бирме, как только ее обитатели узнали о даре Будды! Даже Сакка, властелин небес, спустился на землю и помог выбрать достойное место для строительства святилища, где будут храниться волосы. Наконец место было выбрано, и, когда царь Оккалапа открыл шкатулку с даром, чтобы замуровать его в построенную специально пагоду, он обнаружил там вместо четырех волос все восемь... Волосы взлетели на высоту семи палм, от них распространились сверкающие лучи, глухие услышали, немые заговорили, а земля оказалась усыпанной жемчужинами.

На самом деле в Бирме две тысячи пятьсот лет назад не было еще бирманцев – они пришли в страну значительно позднее. Не было и царя Оккалапы. Да и вряд ли Шведагон настолько стар.

Но вполне возможно, что уже в первых веках нашей эры на месте теперешнего Шведагона стояла небольшая пагода, и наверняка известно, что в 1372 году царь города Пегу посетил пагоду и приказал ее отремонтировать. После него цари Пегу, моны, и цари Верхней Бирмы время от времени приезжали туда и отдавали приказы подновлять и золотить пагоду. И каждый раз пагода, которую обкладывали новым слоем кирпича, увеличивалась, пока к середине XV века не достигла современных размеров.

Надо сказать, что внешне пагоды в Бирме похожи на детские пирамидки из колец. По структуре своей они ближе к египетским пирамидам или пирамидам древних майя: не имеют внутренних помещений и войти в них нельзя. Только где-то в глубине каждой пагоды расположена небольшая камера, где замурованы святыни. Все церемонии, празднества, богослужения проходят на окружающей ее платформе.

Чем выше становилась пагода Шведагон – а в конце концов она достигла высоты ста с лишним метров (над уровнем платформы) и стала высочайшей пагодой в мире и вообще одним из крупнейших зданий средневековья (окружность ее основания – 460 метров), – тем больше золота шло на ее покраску. Золото накладывается на пагоду в виде тонких листочков, и каждый раз на это уходят сотни килограммов драгоценного металла.

И вот то краснеющая на закате, то ослепительно желтая днем пагода парит над Рангуном, видимая отовсюду.

Комплекс пагодных сооружений Шведагона начинается за несколько сот метров от ее конуса. На километр вокруг раскинулись монастыри, жилье для паломников, парки и сады,

маленькие пагоды и неизбежный священный пруд.

...У дороги, за невысокой каменной изгородью, ярко-зеленый прямоугольник воды. Посреди него на сваях небольшая белая пагодка. Поверхность пруда настолько гладка и спокойна, что кажется, он наполнен не водой, а зеленым желе. В одном месте к воде ведут каменные ступени. Там стоит мальчишка в клетчатой юбке-лоунджи, и перед ним корзина. Корзина полна шарами из кукурузных хлопьев. Если вы решили спуститься к воде, купите у мальчишки несколько шаров – они пригодятся.

Стоит кинуть в воду кукурузный шар, пруд мгновенно преображается. Вода вскипает, как в кастрюле на плите, и обнаруживается, что пруд совсем не так спокоен, каким казался на первый взгляд. Он буквально переполнен рыбой. Сантиметров двенадцать длиной, похожие на маленьких сомят, темно-зеленые, покрытые слизью усатые рыбы переплетаются на поверхности пруда сплошной массой – не видно воды. Дерутся за кусок кукурузы, обкусывают шар, и кажется, еще несколько секунд – и от него ничего не останется. Но в этот момент большая черная масса расталкивает рыб, из воды высовывается клюв, раскрывается, и обкусанный шар исчезает. И тут же пруд успокаивается... Но вот еще несколько шаров летит в воду, и вокруг каждого вновь вскипает пруд, и почти наверняка там появляется, распугивая рыб, черный клюв. Положите кусок хлеба или кукурузы у самого берега и тогда увидите обладателя черного клюва – это большая старая черепаха, больше метра в длину.

Пруду уже много лет: каменные берега его обветшали, и между плит проросли трава и кусты. Такие пруды, где вы можете сделать доброе дело и покормить бессловесных созданий, есть у каждой большой пагоды.

За прудом начинается площадь. Там стоят машины и автобусы, привезшие туристов, коляски велорикш; множество лавочек – здесь торгуют цветами, здесь же можно перекусить.

Два льва-чинте, ростом метров до десяти, стерегут лестницу, ведущую к пагоде. Львы белые, только морды их и когти раскрашены. Круглые глаза смотрят вдаль. Они охраняют пагоду не от людей – их глаза высматривают кого-то покрупнее. Может, ждут, что пожалует настоящий дракон или злой великан. Тогда-то они ему покажут.

Между львами портал, от него ведет вверх длинная крутая лестница, по сторонам которой бесконечные торговые лавки. Здесь, на темной лестнице, продают и книги, и безделушки, и цветы, привязанные к бамбуковым палочкам, чтобы прямее держались в сверкающих медных кувшинах, стоящих у статуй

будд, и зонтики из фольги – тоже дары Будде, и свечи.

Под навесом при свете одинокой электрической лампочки сидит хиромант. Большая простыня с грубым изображением ладони, испещренной черными линиями, нависает над ним, как авангардистская декорация. Хиромант раскачивается над разложенными на коврике волшебными книгами, будто распевает про себя тягучую восточную песню.

Вот продавец талисманов и зелий. Над ним шатром распяты рванные шкуры леопардов. Черепа оленей и диких буйволов целятся рогами в прохожих, груды корешков и сучьев, похожих на вязанки дров, бусы, косточки и темные фигурки свалены грудой, ограждающей волшебника от простых смертных.

В углу спрятался татуировщик, разложив перед собой образцы рисунков. Он строг и серьезен. Профессионально, как медсестра, держит он в руке машинку для татуировки, похожую на шприц или маленький вибробур. Прогресс проникает даже в эту область прикладного искусства.

Сейчас в городах не много желающих украсить себя татуировкой, хотя и рисунки, лежащие перед мастером, цветные, и сама татуировка механизирована и ускорена в сотни раз, а перед началом сеанса мастер протирает кожу пациента спиртом, чтобы, не дай бог, не попала инфекция. А среди стариков и старух, поднимающихся по лестнице к пагоде, многие татуированы. Да и сегодня в деревнях или в горных районах татуировкой покрывают сплошь ноги и руки, будто человек одет в синюю расписную кружевную ткань.

Лестница выводит на площадку, залитую солнцем. По другую сторону площадки примкнувший навес, под которым мерцают позолоченные статуи. Закрывая небо сплошным занавесом, поднимается необъятный склон пагоды.

Пагоду окружает платформа, устланная мраморными плитами. Платформа четырехугольная и густо застроена навесами, святилищами, маленькими храмами, так что вокруг пагоды остается только дорожка метров 10 шириной. По ней ходят туристы и паломники. Одни сидят на мраморных плитах, размышляя о жизни, другие молятся, держа в руках цветы или свечи, некоторые укрылись в тень почитать газеты или перекусить. Шлепанье многочисленных босых ног по мраморным плитам, переливы негромких голосов, отдаленный звон колокола, шуршание бумажных цветов и зонтов создают пагоде торжественный и необычный фон. Необычность и торжественность подчеркиваются и обилием, многообразием и густотой красок, из которых создан этот мир, – зеленю пальм, чьи кроны подбираются к платформе и заглядывают через барьер,

и немногочисленных деревьев, допущенных на самую платформу. Белизна и золото пагод, алость и синева крыш, всплески цветов, разноцветье статуй и столбов (на их вершинах стоят статуи охранителей пагод с мечами в руках), и надо всем – великолепное блистание ушедшего в самое небо Шведагона.

Обойдем пагоду по платформе, как это делают все, попавшие сюда, от крестьянина с дальних холмов до иностранных президентов. Путешествие, хотя и недалекое – полкилометра, достаточно насыщено, так как за две тысячи лет пагода многое накопила на своей платформе.

Прямо перед нами похожий на елку навес – тазундаун под восемью уменьшающимися крышами. Под ним полутемно и прохладно. Тазундаун прижался спиной к самой пагоде, и золотые будды внимательно глядят своими прищуренными глазами на входящих. Статуи полускрыты за кувшинами цветов и разноцветными зонтиками. Таких тазундаунов на платформе десятки.

Вот стоит небольшая пагода. В восьми ее нишах статуи сидящего Будды, над каждой – скульптура зверя или птицы, и каждая изображает планету, а также день недели. Тут требуется пояснение. Бирманская традиционная космогония несколько отличается от той, к которой мы привыкли, в ней восемь планет, причем к числу их относятся и Луна и Солнце, восемь сторон света и восемь дней недели. Восьмой день втиснут в обычную неделю не без трудностей, для того чтобы оправдать существование восьмой планеты. День этот начинается после заката солнца в среду, и кончается на рассвете четверга. Символизирует его Раху, слон без бивней. Этот день знаменует собой северо-восток, и, как день несуществующий, он соответствует несуществующей планете – гипотетическому небесному телу, которое вызывает затмения Луны и Солнца.

За пагодой восьми планет стоит на подставке колокол Махаганта, отлитый в 1778 году. Вес колокола – шестнадцать тонн. Высотой он два с половиной метра, и толщина его стенок – тридцать сантиметров. Это один из самых больших и красивых колоколов на свете. Во время англобирманской войны, когда англичане захватили Рангун, они выволокли колокол из пагоды, погрузили на пароход и хотели увезти в Англию, но пароход опрокинулся, и колокол утонул. Англичане пытались поднять его, но не смогли. Только когда за дело взялись бирманцы, река вернула колокол, и он так и не покинул Бирмы. Время от времени кто-нибудь подходит к колоколу и ударяет по нему три раза. Тогда, если верить бирманцам, исполнится заветное желание.

Дальше возвышается большой тазундаун. Зал под этим

навесом настолько велик, что вмещает десятиметровую статую сидящего Будды и еще остается место, где проводят собрания и митинги разные организации: религия довольно терпима к мирским интересам.

Вот мы вышли на угол платформы. Здесь, на площадке, ограниченной с двух сторон пагодами, а с двух – парапетом, стоит священное дерево бо. По преданию, оно – отросток того самого дерева, под которым к Будде пришло озарение: он понял смысл жизни и создал учение, ведущее к спасению. Это дерево было посажено в день празднования независимости Бирмы – 4 января 1948 года. Здесь в день рождения Будды происходит торжественная церемония: члены правительства и знатные бирманцы поливают дерево.

С этой площадки открывается город, видный в просветах между старыми деревьями, которыми порос склон шведагонского холма. В далекой дымке темнеют крыши домов, церквей и блестит лента реки на горизонте.

Склоны шведагонского холма тоже тесно связаны с историей страны. Завоевавшие Рангун англичане устроили здесь кладбище для солдат, погибших при штурме пагоды, – трудно было придумать большее оскорбление бирманцам. В годы английского колониального господства на склонах проходили забастовки и митинги, и здесь же теперь находится мавзолей Аун Сана и других министров первого правительства Бирмы, убитых в 1947 году.

Если пройти еще несколько метров, мы окажемся перед маленькой пагодкой, по преданию самым старым строением на платформе. Перед пагодой лежит камень желаний. Если вы, поклонившись камню, скажете про себя: «Пусть этот камень покажется мне легким, и тогда исполнится мое желание» – и поднимете его, то можете сами убедиться, легок камень или тяжел, – все зависит от ваших сил и воображения. Правда, остается свобода выбора. Вы имеете право сказать: «Пусть этот камень покажется мне тяжелым, и тогда исполнится желание».

Под следующим тазундауном можно увидеть статую Будды с глазами разной величины. Говорят, это статуя поставлена в честь великого ученого паганских времен Шина Итцагона, умевшего превращать свинец в золото. Интересы алхимиков во всем мире были примерно одинаковы.

У пагод и тазундаунов стоят на столбиках ящички для подаяний. А рядом дежурит кто-нибудь из членов совета Шведагона. Он торжественно благодарит каждого дарителя.

Вдруг странное зрелище. Здание у края платформы – правильный кубик, без украшений, без цветов, без статуи Будды и

даже без духа-хранителя. Дверь открывается, и снизу появляется крыша кабины самого обыкновенного лифта. Лифт поставили здесь двадцать лет назад, чтобы удобнее было подниматься на высокий холм...

Ну что ж, нам пора уходить. Может быть, еще удастся вернуться сюда в большой праздник, когда платформа заполнена народом и когда здесь поют и танцуют. Может, удастся побывать здесь как-нибудь вечером, в тот таинственный и очаровательный час, когда солнце уже село, но короткие тропические сумерки еще не кончились и все залито теплой синевой, в которой золотыми звездочками мерцают сотни свечей у пагоды и на платформе. Отражая вершиной последние лучи солнца, пагода языком пламени улетаёт в синее небо.

Пагода Мингун

Предсказание

Уже к десяти часам утра воздух над Иравади мутнеет и дрожит от жары и река становится свинцовой, почти бесцветной. Катер, спускающийся по Иравади от Мандалая, столицы последних бирманских королей, плывет в сером мареве, и вялый стук мотора вязнет в густом воздухе. Навстречу нереальными тенями возникают коричневые паруса джонок с высокими, как у каравелл, носами, изредка прошлепает длинными спицами колес дряхлый пароходик с папиросой-трубой, тянущий за собой тиковый плот с шалашом посередине.

Плоские берега, ближе к городу засеянные рисом, а ниже по реке пустынные, с редкими всплесками кустарника или пальцами кактусов, торчащими из песка, тянутся однообразно, тоскливо и безлюдно.

Потом местность меняется. Правый берег начинает пучиться сизыми и охристыми горбами холмов, увенчанными небольшими белыми пагодками. Здесь климат уже не так засушлив и над невысокими обрывами появляются зеленые поля земляного ореха, перца и кукурузы. Колоннады пальм с вихрастыми капителями прячут в своей тени небольшие деревеньки. Мир обретает конкретность, марево отступает, голубеет небо, и на нем начинают прорисовываться редкие, почти прозрачные облака.

Непонятное, бесформенное строение виднеется на фоне холмов, полуприкрытое манговыми деревьями. Перед ним расположились небольшой, весь в зелени монастырь, навесы для паломников, пагодки, но все это пропадает, кажется карликовым, ненастоящим рядом с гигантским каменным кубом, стоящим на пяти уменьшающихся террасах.

Раньше здесь стояли львы-чинте – наверное, самые большие в мире скульптуры животных. Каждый лев был ростом тридцать метров. Метровые белые мраморные когти впивались в камни пьедесталов, и метровые площадки мраморных глаз свирепо взирали на копошившихся у ног человечков. Львы были разъярены. И неудивительно: они призваны стеречь самую большую пагоду в мире, самое большое в мире сооружение, а стерегли расколотый уродливый куб. И если бы не летописи, не рассказы монахов из соседнего монастыря, люди так бы и не знали, что случилось в городке Мингун.

...Король Бирмы Бодопая вступил на престол в 1782 году. Предшественник его, король Сингу, был человеком вспыльчивым, невоздержанным и при этом любил выпить. Это не мешало

королю оставаться глубоко верующим буддистом и строить по всей стране пагоды и монастыри. И народ, надо сказать, неплохо относился к своему королю. Дело в том, что Сингу, вступив на престол, прекратил тянувшуюся с давних пор войну с Сиамом, вернул солдат по домам, и в стране наступил долгожданный мир.

Зато плохо приходилось придворным и вельможам. Многие из них лишились головы, не угодив королю, другие рисковали разделить судьбу своих незадачливых собратьев.

При дворе возник заговор. Придворные знали, что король любит уезжать из надоевшего ему дворца, взяв с собой только нескольких солдат, и неделями не появляется в столице.

И вот однажды Сингу уехал в пагоду Хтихад, в трех днях пути от столицы, и долго не возвращался. В одну из ночей к воротам дворца приблизилась группа всадников. Впереди ехал человек в королевских одеждах. Стражники отдали честь и расступились, пропуская его во дворец.

Войдя в тронный зал, король снял надвинутый на глаза шлем и приказал принести таз с водой. Один из его спутников принес воду. Король смыл краску с лица и оказался восемнадцатилетним Маун Мауном, князем Паунга. Сопровождавшие его солдаты были вельможами-заговорщиками. Заговор был продуман до мелочей. В ту же ночь были убиты ближайшие помощники Сингу, и новый король Маун Маун официально занял трон.

Когда новость дошла до Сингу, тот сначала решил бежать за границу, но его мать, приехавшая к нему, уговорила короля попытаться вернуть себе трон, а если не удастся, то умереть, как положено настоящему королю. Сингу послушался.

Он один, без оружия, без стражи, подошел к воротам дворца и сказал скрестившим перед ним копья солдатам:

– Вы не узнали меня? Я – Сингу, законный господин этого дворца.

Стражники расступились и склонились до земли.

Король вошел во двор, и навстречу ему вышел один из главных заговорщиков, бывший его министр. Король бросился к нему с криком:

– Предатель, я вернулся, чтобы снова взойти на трон!

Надо думать, что в эту минуту во дворце царила паника. Придворные лихорадочно соображали, чем кончится эта сцена, чью сторону принять, на чьей стороне сила, на чьей стороне можно остаться живым. Не растерялся только министр-заговорщик. Ему-то уж терять было совершенно нечего. Он вытащил меч и разрубил короля пополам.

Но этим борьба за престол не кончилась. Юный Маун Маун был только игрушкой в руках заговорщиков. В любой момент

наиболее сильный из претендентов мог отнять у него трон. И это случилось на седьмой день царствования Маун Мауна и на третий день после смерти Сингу. Убив Маун Мауна, королем стал Бодолая.

За казнью короля-марионетки последовали казни всех, кто посадил его на престол, затем казнили тех, кто мог претендовать на трон, в том числе всех родственников и жен Сингу. Бодолая не желал повторить участь своего предшественника.

Он царствовал долго, почти тридцать лет, но именно первые дни царствования определили его дальнейшую жизнь. Бодолая поклялся не доверять ни одному из смертных и этому правилу неукоснительно следовал. Никто – ни жена, ни сын, ни брат – не был посвящен в его планы. В течение тридцати лет король ни разу не спал две ночи подряд в одной и той же спальне. И никто не знал, в какой из многочисленных комнат дворца он останется на ночь.

Через год после восшествия на трон Бодолая решил перенести на новое место столицу страны. Это было несчастьем для всего государства. Уже не говоря о том, что жителям полумиллионной старой столицы пришлось за свой счет снести свои дома и построить их на новом месте за десять километров от старого, остальных бирманцев обложили специальными налогами и податями: в новой столице Амарапутре будут строиться новый дворец, новые пагоды, новые монастыри – и все должно быть лучше и богаче, чем в старой столице, Аве. Король хотел прославиться на века; корни душевной болезни – мании величия, которая поразит короля в старости, – прослеживаются уже в первые годы царствования. Страна была обессилена налогами и поборами: все новые пагоды возводились в разных ее местах, и, наконец, Бодолая решил выстроить такую пагоду, какой не знал мир.

Высотой мингунская пагода должна была достичь почти двухсот метров. Даже пирамида Хеопса уступала бы ей пятьдесят метров.

Строила пагоду вся страна: тысячи подвод с камнем и кирпичом съезжались из Таунгу, Прома, Швебо и Шанских гор. Каменщики, согнанные со всех провинций, день и ночь клали слой за слоем кирпичи. Тринадцать лет продолжалась эта немыслимая работа. Первые семь лет король часто приезжал на строительство. Посреди Иравади, на острове, был возведен специальный дворец, в котором король жил, наслаждаясь шумом великой стройки, наблюдая с умилением, как пядь за пядью вырастало его любимое детище.

За тринадцать лет была построена третья часть пагоды. Куб

на пяти террасах возвышался на семьдесят метров. На него пошло больше кирпича, чем на строительство столицы и многих городов. Рядом выросли тридцатиметровые львы.

И тут в измученной непосильной ношей стране все шире и шире стали распространяться слухи об одном предсказании. Где оно родилось, неизвестно. Может быть, в отдаленной деревне, может, в самом дворце, может, и среди рабочих на стройке. Это было одно из тех предсказаний, которых ждут задолго до их появления. И неудивительно, что уже через месяц о нем знал каждый бирманец.

«Если пагода будет построена, погибнет великая страна», – гласило оно.

В предсказании существовала немалая доля истины. Бюджет страны был полностью нарушен, казна пуста, трудовые повинности мешали крестьянам сеять и убирать рис, люди голодали... Еще немного, и весь организм, называемый государством, не выдержит напряжения. В чем это выразится – в крестьянском ли восстании, в поражении в войне с соседом, в дворцовом ли заговоре – неизвестно. Очевидно, это понял, как ни тяжело было признать, и сам король. После тринадцати лет строительства он приказал прекратить его.

Ушли каменщики, оставив груды неиспользованного кирпича, покинули стройку художники, скульпторы и архитекторы, прожившие возле нее несколько лет, закрылись лавки и склады возникшего было по соседству города...

В 1838 году Бирму постигло стихийное бедствие – землетрясение. Сильнее всего пострадала недостроенная пагода. Возможно, повлияло именно то, что она была не завершена, или же в самой конструкции был просчет – такой гигант слишком тяжел, чтобы устойчиво стоять на земле – пагода дала трещину и стала похожа на надломленную буханку хлеба. Рухнули и львы, раскидав по земле метровые когти.

Только отлитый специально для пагоды колокол высотой четыре метра и девяносто тонн весом, величайшее достижение бирманских литейщиков, стоит на каменном постаменте, неподвластный времени и землетрясениям. Это самый большой в мире из «работающих» колоколов (лишь «Иван Великий» превышает его весом и размерами). Его специально отлили таким громадным, чтобы он соответствовал пагоде.

Если подойти к колоколу и ударить в него три раза специально лежащей рядом колотушкой, исполнится заветное желание.

Над памятником тщеславию, стоившим жизни тысячам людей, раздастся низкий, густой гул...

Мандалайский дворец

Последняя причуда короля

Это был прекраснейший и самый большой из дворцов, когда-либо построенных в Бирме. И его не существует. Он не очень давно построен и совсем недавно погиб. История его – одна из самых горьких историй в Бирме.

...Цари Бирмы имели обыкновение переносить столицу с места на место. Города в тропической Азии быстрее растут и быстрее старятся, чем на севере. Почти все дома тростниковые или деревянные. Деревянные даже дворцы. Только пагоды и храмы складывают из кирпича и камня. Через несколько десятилетий город выползает из отведенных ему границ и начинает разрастаться, взбираясь по холмам или залезая в болота, теснясь внутри, сужая улицы и площади, рождая невероятную путаницу и тесноту переулков, сутолоку и вонь базаров, захламленность улиц и закоулков, скученность домов и хижин – благодатную почву для буйных пожаров, для опустошающих эпидемий.

Но, перенося столицу на новое место, бирманские цари никогда не объясняли это заботой о гигиене. Это случалось просто потому, что царь хотел отмежеваться от деяний и дурной славы предшественника, или потому, что ему являлось откровение свыше, или потому, что он хотел своей столицей и своими деяниями перещеголять других владык.

В течение нескольких столетий столица Бирмы гуляла по среднему течению Иравади, то опускаясь к Пагану, то останавливаясь в Сагайне, то перекочевывая в Аву, то кидаясь в Амарapura, чтобы снова вернуться в Аву. Последней столицей королевской Бирмы был город Мандалай, пожалуй больше, чем какой-либо другой бирманский город, известный в Европе – о нем говорили в конце прошлого века во многих странах, туда стремились английские войска во время третьей англо-бирманской войны, после которой Бирма потеряла независимость. А потом Бирма стала английской колонией, о Мандалае бы и забыли, как и о других столицах покоренных Великобританией государств, но город снова всплыл в хорошо известном стихотворении Киплинга. «По дороге в Мандалай...» – начинается оно.

Когда говорят о столице бирманских королей, представляется город, отмеченный печатью восточного долголетия, убеленный сединами храмов и мечетей, отягощенный кольцами ветшающих крепостных стен. А Мандалай совсем недавно отпраздновал свое

столетие.

В 1852 году английские войска во второй раз за четверть века высадились в Рангуне и, разгромив войска бирманского короля Паган Мина, аннексировали богатые южные провинции страны, отрезав Бирму от моря. После этой войны Бирма из большой державы превратилась в изолированное от всего мира гористое королевство, и дни ее были сочтены. Сочтены прежде всего потому, что Великобритания не собиралась останавливаться на достигнутом. Как только у нее появлялась возможность начать наступление на Бирму, сразу находился гуманный предлог – то ли дурное обращение бирманского короля с английскими купцами, то ли денежные споры бирманского правительства с английской фирмой, то ли плохой, жестокий характер самого короля. Великобритания никогда не нападала на чужую страну просто так. Она всегда выступала на стороне высшей справедливости, на стороне слабых и поработанных – будь они английскими купцами или родственниками короля. Англия немедленно снаряжала большую эскадру и на полях сражений учила короля вести себя должным образом.

Через год после поражения Бирмы при дворе Паган Мина созрел заговор. Заговорщики группировались возле Миндона, разумного и просвещенного принца, сторонника реформ и проводника более гибкой политики.

Заговорщики победили, потому что на их стороне были не только реформаторы, но практически и вся знать, чиновничий аппарат, разочарованный в короле, проигравшем войну, и крестьянство, которое сильнее всех страдало от военных поборов.

Вступив на престол, Миндон сохранил старшему брату жизнь, дворец и свиту.

Миндон хотел мира. Он понимал, что отрезанная от моря, отсталая Бирма не выдержит еще одной войны с англичанами, полностью потеряет независимость. Мин¹ дон неоднократно направлял послов к вице-королю Британской Индии с просьбой вернуть отторгнутые провинции и, разумеется, получал резкий отказ. Но это совсем не значило, что он примирился с потерей южных провинций. Миндон полагал, что Бирма, создав настоящую современную армию, промышленность, найдя союзников среди европейских держав, сможет вернуть утраченные области. Он до конца своих дней так и не ратифицировал предложенного англичанами мирного договора, по которому южные провинции объявлялись английскими владениями. Больше того, при дворе всегда находилась группа чиновников, ожидавших того момента, когда можно будет приступить к своим обязанностям на юге страны, – они официально считались

губернаторами, судьями и военачальниками Пегу, Рангуна и Аракана.

Одно время Миндон даже пригласил при дворе христианских миссионеров: он надеялся, что миссионеры помогут ему бороться за справедливость. Король посылал в английскую школу своих сыновей. Сыновья приезжали в школу на слонах, окруженные свитой всадников. Довольно скоро Миндон убедился в том, что миссионеры склонны получать, но ничего не давать взамен. И Миндон потерял к ним интерес.

Несколько лет столицей Бирмы продолжала оставаться Амарapura, связанная с печальной судьбой старшего брата. Миндону все время хотелось передвинуть столицу на новое место: старая уже не вмещала жителей, и король полагал, что для Бирмы нужна новая столица, больше отвечающая надеждам государства.

Наконец, как говорит легенда, королю Миндону приснился вещий сон. Во сне фигурировала гора, вернее, холм, стоящий на берегу Иравади, чуть севернее Амарapura. Туда, подчиняясь вещему сну, и передвинул Миндон свою столицу.

Перенос столицы на новое место происходил следующим образом. Сначала король созвал комиссию из пяти главных министров, и под ее руководством лучшие зодчие страны начали подготовку генерального плана города, который призван был превзойти любую из столиц Бирмы и в то же время следовать тем же принципам и традициям, что и старые столицы.

Центром города должен был стать дворец, обнесенный стеной и рвом. Стена дворца представляла собой правильный квадрат со стороной в 6666 локтей, то есть примерно в два километра. Высота стены, удивительно похожей на московскую кремлевскую стену, достигала десяти метров, и через каждые двести метров на ней располагались башни с многоярусными крышами, украшенными золотыми шпилями.

Перед тем как заложить стену, по старинному обычаю следовало зарыть под угловыми башнями живыми нескольких рабов, чтобы их духи охраняли дворец. Но Миндон запретил этот обряд. Вместо этого в углах стены были сожжены кувшины с маслом и построены у башен небольшие домики со статуями духов-охранителей.

Пока сооружали стены, рабочие начали копать ров вокруг дворца. Ров стометровой ширины способен был остановить любого злоумышленника. Через него к четырем главным воротам были перекинуты разводные мосты.

Когда стены были готовы и ров заполнили водой, в кремль перенесли по частям королевский дворец из Амарapura. Перенесли и золоченые колонны, покрытые тонкой резьбой, и

ажурные крыши, и королевские троны.

Бирманский королевский трон сильно отличается от европейского трона, с которым мы знакомы. Представьте себе круглую платформу, вернее, причудливой формы барабан метра три в диаметре и такой же высоты. По сторонам барабана поднимаются вырезанные из дерева языки пламени. Сзади – пятиметровая спинка трона, обильно украшенная резьбой и инкрустированная цветными стеклами и камнями. В спинке трона – дверь.

Король поднимался на сиденье трона по лестнице, спрятанной за спинкой, и садился, поджав ноги, на барабан. Если посмотреть на старинные гравюры, изображающие короля на троне, может показаться, что мы – жертва оптического обмана. Ведь барабан со спинкой мог быть обычным креслом, если бы король был соответствующего роста. А так вы видите маленького гнома, затерянного на сиденье, на котором свободно могли бы разместиться пять-шесть человек.

Детали Амарapuraского дворца, привезенные в Мандалай, должны были стать составной частью нового строения. Но его очередь еще не наступила.

В 1857 году Миндон со своим двором переехал в Мандалай и поселился во временном дворце. Королю не хотелось оставаться в старой столице.

За королем потянулись придворные, чиновники, торговцы, и не прошло и года, как сотни тысяч жителей Амарapura переменили место жительства. Многим это нетрудно было сделать, особенно тем, кто победнее. Дом можно разобрать: балки положить на арбу, запряженную буйволами, и поверх них навалить грудой бамбуковые и тростниковые маты – крышу и стены дома. Жалко оставлять, правда, садик, колодец, огород, все обжитое и привычное, но чиновники торопят – ослушавшийся будет пенять на себя.

Мандалай – жилые кварталы его – был распланирован заранее, и специальные чиновники указывали место для дома каждому новому поселенцу. Ближе к дворцу, на улицах, ведущих от кремля к реке, и на прямых магистралях, пересекающих их, положено было селиться людям побогаче, дальше, по растянутым ниточкам улиц, встали рядами бедные хижины. Новый город был непривычно правилен и строг. Пыль беспрепятственно носилась по длинным проспектам, и не было ни деревьев, ни кустов, чтобы задержать ее.

Наконец наступил день официального переноса столицы из Амарapura в Мандалай.

«Татанабайн, саядо, поунджи (чины церкви и буддийские

монахи) числом более пятисот прошли длинной процессией, неся статуи Гаутамы-Будды и питаки (священные книги). Большие статуи везли на платформах. Над статуями возвышалось по восемь золотых зонтов, а над питаками – по шесть. Главный саядо шествовал под четырьмя белыми зонтами, а каждый из пятисот монахов – под двумя. Король, королева, вдовствующая королева, наследник престола, все принцы и министры встречали процессию у ворот». Так рассказывает об этом событии бирманская хроника.

Итак, Мандалай стал столицей. Центр Мандалая – его кремль, а центр кремля – дворец, самое великолепное из деревянных строений в Юго-Восточной Азии.

Дворец, оконченный вскоре после переноса столицы, окружали внутренняя стена, а также тын из тиковых бревен высотой семь метров. Он был построен на обширной каменной платформе длиной триста и шириной двести метров и состоял из ста двадцати зданий.

На первый взгляд дворец мог показаться сложным комплексом, в действительности по замыслу он прост. Линия, проведенная посередине, делит дворец на две части: восточная часть – мужская, западная – женская, куда из мужчин мог войти только сам король. Между этими половинами дворца находился «центр вселенной» – тронные залы с восемью королевскими тронами и самый роскошный из них – зал аудиенций.

По обе стороны от зданий, в которых помещались троны, находились казармы королевских телохранителей. Дальше следовали сокровищница, библиотека, дома королей и множество других зданий, одни кипели жизнью, другие по неделям не видели ни души. Во дворце же помещались большие конюшни и стойла для слонов.

Попробуем представить себе, что мы вошли во дворец в день, когда король дает аудиенцию бирманской знати, – это происходило три раза в год.

...Поднимаемся по широким лестницам и входим в высокий зал, ограниченный золочеными колоннами, которые поддерживают тройную крышу. В конце зала возвышается львиный трон – самый большой из бирманских королевских тронов. Львиный трон пока пуст, но места по обе стороны трона уже заняты. Наследник престола сидит, склонившись в сторону пустого трона, на троне, похожем на колыбель. За ним – принцы и принцессы крови, дальше – места министров и высшей знати. Чиновники и придворные рангом ниже заполняют боковые колоннады.

Появление короля возвещается звуками музыки и

равномерным топотом гвардии – мушкетеров. Музыка приближается, становится громче, и все в зале падают ниц. Будто сами собой открываются двери в спинке трона, и король в золотом шлеме и одеждах, усыпанных драгоценными камнями, медленно поднимается по лестнице, ведущей на трон. Справа шествует главная королева, слева – его любимица, младшая дочь. Детей в Бирме любят и никогда не стесняются это показывать. На троне кроме короля и королевы можно находиться и детям.

Король опускается на трон. Тут же из-за колонн выходят придворные брахманы, одетые в белое с золотом, и начинают распевать, вернее, бормотать гимн, восхваляющий короля... Когда брахманы отходят назад, их место занимает «посланец королевского голоса» – герольд. Он говорит о заслугах короля перед страной и о величии его. Это все ритуал, и вряд ли кто-либо из присутствующих прислушивается к происходящему.

После короткой паузы вперед выходит старший из принцев и, распростершись на полу перед троном, клянется в верности королю. Затем через специального чиновника двора принц объявляет присутствующим, какие дары он преподносит королю... За старшим принцем следуют младшие, затем вельможи, губернаторы провинций, князья вассальных племен.

В дальнейшем проведение церемонии в большой степени зависело от настроения короля и его планов на день.

Такие церемонии повторялись из года в год, происхождение их теряется в глубине веков. По крайней мере из надписей на камнях известно, что шестьсот лет назад церемония аудиенции в большом тронном зале была в основных чертах та же, что видели европейские послы в конце прошлого века.

Кроме главного зала во дворце, как уже говорилось, было еще семь тронных залов. Утиный зал с утиным троном: колонны в нем были покрашены в красный цвет, на стенах висели красные ковры, и алым же ковром был устлан пол. В третьем строении находился слоновый трон. Здесь собирался совет министров, король назначал чиновников и объявлял о тех, чьи услуги более не понадобятся государству. Был еще зал с небольшим троном. Этот трон назывался троном улитки. Стены зала были украшены раковинами и расписаны морскими сценами. Этим залом пользовались очень редко – у него было лишь одно назначение: здесь король объявлял наследника престола. Иногда это случалось единожды за царствование.

Что касается самого Миндона, то в его царствование назначение наследника престола вылилось в трагедию, которая в конце концов позволила англичанам найти предлог для окончательного завоевания страны.

Как и другие бирманские короли, Миндон хотел отметить свое царствование сооружением, которое осталось бы в веках. Неподалеку от Мандалая началось возведение очередной гигантской пагоды. Работа продвигалась медленно. Миндон призвал к себе случайно оказавшегося в столице французского инженера и спросил, когда, по его мнению, будет построена пагода. Инженер решил сказать правду:

– Если пять тысяч человек будут строить ее так, как строят сейчас, то работы будут завершены через восемьдесят лет.

Король, говорят, некоторое время размышлял: то ли отрубить голову дерзкому инженеру, то ли отрубить головы тем, кто проектировал пагоду. В конце концов он не сделал ни того, ни другого, а переключил все свое внимание на мраморную статую Будды, которая должна была возвышаться над городом.

Миндон проводил около статуи дни и ночи и даже велел построить около нее временный дворец. А управление Мандалаем и страной передал на время отлучек назначенному заранее наследнику престола, своему младшему брату. Вообще-то говоря, Миндон не хотел назначать наследника: множество королей и принцев грызлись между собой за трон, и, если назначить наследника заранее, возникнет реальная опасность, что его захотят убрать. Но младший брат помог в свое время Миндону занять царский престол, и за это Миндон был вынужден назначить его преемником в обход своих сыновей.

Отлучки Миндона создали благоприятную почву для заговора в Мандалайском дворце. Во главе его стали два старших сына Миндона, которым надоело жить в тени отца и дяди.

И вот 18 июня 1866 года в опустевшем дворце заседали наследник престола с министрами. Они занимались текущими государственными делами. Внезапно вбежал гонец с криком: «В городе пожар!»

Когда наследник выбежал из тронного зала, то увидел, что навстречу, закалывая немногочисленных гвардейцев, бегут вооруженные люди. Уже сам вид вооруженных людей на территории дворца говорил о том, что случилось нечто необычное. Ни один человек, кроме королевских гвардейцев, не имел права появиться внутри дворцовой стены с оружием. За это наказание было одно – смерть.

Через несколько минут наследник престола был мертв. Один из принцев-заговорщиков поднял его отрубленную голову и закричал:

– Мы победили!

Министры и принцы, оказавшиеся во дворце, были убиты, и теперь заговорщикам оставался только один шаг до полной

победы: добраться до пригородного дворца и убить ничего не подозревавшего Миндона.

В городе, подожженном заговорщиками (чуть ли не половина столицы выгорела в тот день), вряд ли кто заметил, что во дворце происходит переворот, и мятежники добрались до временного дворца без всяких затруднений. Там, на его пороге, их встретила стража во главе с министром Кинвун Минджи (крупнейший бирманский политический деятель прошлого века, он впоследствии возглавил два бирманских посольства в Европе для того, чтобы добиться помощи Бирме со стороны Франции и России).

Охрана была перебита, а сам Кинвун потерял от ран сознание, и это его спасло: нападающие решили, что министр мертв. Но несколько минут, в течение которых охрана пыталась задержать заговорщиков, решили судьбу короля. Миндон успел выбежать из пригородного дворца через задний ход и с верными офицерами бросился к городу.

Заговорщики допустили роковую ошибку. Они не оставили отряда в самом Мандалайском дворце.

Миндон успел туда первым. Со всех сторон сбежались слуги, солдаты, чиновники, спрятавшиеся от заговорщиков в бесчисленных помещениях дворца. В несколько минут Миндону удалось организовать оборону дворца, и, когда заговорщики вернулись, было поздно. Штурм был отбит, им пришлось бежать к Иравади, где они захватили пароход и поплыли на нем вниз по реке, грабя прибрежные деревни. А спустя несколько дней, настигнутые верными Миндону частями, они перешли через границу в Британскую Бирму (в южные области, захваченные англичанами). Там они попросили у англичан политического убежища и получили его. Англичанам было выгодно иметь в своем распоряжении претендентов на престол.

После этого печального инцидента Миндон не осмеливался заранее назначать наследника. Он так и умер, не назвав ни одного из принцев, и это привело к открытой борьбе за трон немедленно после его смерти. В этой борьбе победили родственники одного из младших принцев, Тибо, и он, человек слабовольный, игрушка в руках придворных интриганов, занял бирманский трон.

Когда англичане в 1885 году начали последнюю войну против Бирмы, они мотивировали ее жестокостью Тибо, дикими нравами, царящими в Мандалайском дворце, и так далее...

Не успели еще вырасти деревья, посаженные вокруг дворцовых зданий, и запылиться колонны в бесконечных переходах, не успела потускнеть позолота на многоярусных

крышах, как дворец опустел. Бирма потеряла независимость.

Англичане, поднявшись на канонерках вверх по Иравади, сломили сопротивление гарнизонов прибрежных крепостей. Война закончилась в несколько дней: мушкеты и разномастные пушки бирманцев не могли конкурировать с дальнобойными орудиями ее величества.

Беззащитный Мандалай встретил завоевателей настороженной тишиной пыльных улиц. Ворота дворца были широко распахнуты. Английский полковник вошел в зал аудиенций, где на громадном троне ждал его побежденный король. Полковник не желал вступать в переговоры, он приказывал.

В ту же ночь арестованный король Бирмы был увезен вниз по Иравади.

Английские солдаты грабили дворец. Некоторые дворцовые здания были разрушены, другие сгорели, но в целом дворец все-таки сохранился и простоял еще несколько десятилетий, заброшенный, пыльный, но все равно великолепный.

В 1942 году, во время второй мировой войны, обойдя с севера Сингапур, неприступную английскую базу в Юго-Восточной Азии, японские войска ворвались в Южную Бирму. Спустя несколько недель английские войска оставили всю южную часть страны и отступили к Мандалаю. Но и здесь они задержались ненадолго: части англичан спешили к Иравади, к ее главному притоку Чиндвину, к перевалам, ведущим в спасительную Индию.

Однажды утром жители Мандалая проснулись от взрывов бомб и пулеметных очередей. Японская авиация бомбила город. Несколько зажигалок попало во дворец.

Сухое дерево занялось быстро. Громадными, до неба, факелами пылали многоярусные крыши и золоченые колонны тронных залов.

К вечеру дворца не стало.

Копия его, пять на пять метров, построенная из тикового дерева, хранится в Рангунском национальном музее.

Ангкор

В этих краях жили гиганты

Природа, которая в пустыне и сухих степях тысячелетиями хранит законсервированные песками храмы и крепости, совсем по-иному обращается с ними в тропиках, в джунглях. Стоит людям уйти из дома, из города, как уже через год кусты и побеги бамбука раздвинут плиты площадей, лианы оплетут стены домов и зеленые пятна травы разукрасят крышу. Пройдет несколько десятилетий, и стены, разорванные могучими корнями, рухнут, провалятся кровли и быстро разрастающиеся деревья закроют кронами остатки зданий. Еще быстрее зарастают каналы и водоемы, пропадают в кустах дороги и затягивается невидимой плесенью времени людская память.

Так почти исчезли следы монских государств Южной Бирмы и Таиланда, Ченлы, Тьямпы, Фуннани – города их когда-то были населены сотнями тысяч людей, храмы их гордо высились на площадях, и дворцы, позолоченные, обширные, с лабиринтами комнат и залов, казались неподвластными времени.

Есть два исключения в Азии. Это Боробудур и Ангкор. Лишь ступа, построенная тысячу лет назад на Яве, и храмы средневековой столицы Кампучии не сдались перед натиском леса. Только воистину великие строители могли создать эти здания. И величайшие из них творили в Ангкоре.

Еще сто лет назад об Ангкоре почти никто не знал. Ни европейские ученые, ни сами кхмеры. Так надежно спрятали его джунгли.

Французский натуралист Анри Муо, путешествуя по отдаленным областям Кампучии, услышал легенды о «потерянном городе». Легенды эти, обычные в восточных странах, не привлекли бы его особого внимания, не повторяйся они снова и снова с точным адресом города, который видели и охотники, и рыбаки, и крестьяне из приозерных деревень.

Натуралист был настроен скептически, но когда он услышал эту легенду от заброшенного судьбой в эти края миссионера, то согласился пройти вместе с пастырем к городу.

Сначала они путешествовали на лодке, потом шли пешком через лес по узкой тропинке, и в один прекрасный день, раздвинув заросли кустов, француз остолбенел от удивления. Он увидел город, который мы теперь знаем под именем Ангкор.

Исполинские храмы возвышались над самыми высокими деревьями, и даже обвивавшие их лианы и проросшие в стенах узловатые стволы не могли скрыть величественного благородства

башен. Обширные террасы были покрыты чудесными барельефами, и статуи танцующих женщин выглядели из заполненных листвой и сором ниш. Из-под черных порталов вылетали птицы, а под потолками храмов загадочно шуршали летучие мыши.

Французский натуралист не увидел и десятой части города: пробраться по улицам и площадям его оказалось невозможно. Но и то, что он увидел, потрясло его, настолько все здесь было необыкновенно, неповторимо и не похоже ни на что другое в мире. Перед отъездом он долго выспрашивал у жителей ближайшей деревни, знавших о городе в джунглях:

– Кто построил его? Почему люди ушли из города? Когда это случилось?

Но крестьяне отвечали только:

– Город – дело рук царя ангелов Пра-Юна.

– Этот город построен гигантами, которые когда-то жили в наших краях.

– Этот город сам построился, потому что людям это не под силу.

...В 802 году в княжество Индрапуру приехал кхмерский принц. Очевидно, ехал он не просто так: в княжестве, одном из многих маленьких независимых государств страны, у него, возможно, жили родственники, или же престол оказался вакантен, и принц с помощью вооруженного отряда без труда смог им завладеть. Это был на первый взгляд обычный династический переворот в незначительном княжестве, и случился он так давно, что пора бы историкам, даже самым любознательным, о нем забыть.

Принц короновался под именем Джаявармана II. Обеспечив себе власть в княжестве, он принялся увеличивать свои владения. Присоединив соседнее княжество, Джаяварман основал столицу километрах в пятнадцати от того места, где потом будет построен Ангкор. Район этот привлек князя своим выгодным стратегическим положением.

Отсюда он совершал походы. Прошло несколько лет, и Джаяварман почему-то разочаровался в выбранном месте для столицы. Он переехал за несколько километров в сторону и попробовал основать новый город. Но и это место пришлось князю не по вкусу. Тогда он перебрался на гору Пхном-Кулен, где заставил жрецов провозгласить себя живым богом.

Один из его наследников, Яшоварман I, уделял много внимания укреплению, вернее, даже обожествлению царской власти. Это можно было сделать, только заручившись полной поддержкой жрецов. И царь основывает десятки монастырей,

строит храмы различных религий и, наконец, начинает возводить новую столицу, достойную живого бога. Столице дали имя Яшодхарапура. Теперь она известна под именем Ангкор.

Кхмеры прорыли множество каналов, выкопали большие водохранилища, проложили к городу дороги. Город со всех сторон был обнесен высоким валом и занимал шестнадцать квадратных километров. На этой площади обнаружены остатки восьмисот прудов и водоемов.

Четыре широкие мощные дороги вели в город, и по сторонам их стояли дома горожан и дворцы знати. А в самом центре города, там, где сходились дороги, на холме, был построен храм Пхном Бакхенг. Вельможи царства старались не отставать от царя, и через несколько десятилетий все холмы вокруг города были увенчаны храмами знати.

После смерти Яшовармана наступил долгий период междоусобиц и борьбы за власть. И претенденты на престол принялись строить свои столицы, взяв за образец столицу Яшовармана. Двадцать лет Ангкор был в запустении, но новый царь, как гласит надпись, «восстановил священный город Яшодхарапуру и заставил его блистать несравненной красотой, построив дома, украшенные сверкающим золотом, дворцы, мерцающие драгоценными камнями...»

К этому времени относится создание нескольких известных храмов Ангкора, в том числе небольшого, но считающегося архитектурным шедевром храма Бантеай Срей. Однако самые грандиозные храмы Ангкора были построены еще через сто лет, в период расцвета могучей Ангкорской империи.

Если бы строительство Ангкора (по-русски это значит просто «город») закончилось при первых царях, то он бы так и остался одним из многочисленных, затерянных в джунглях городов, которые (если их находят) вызывают живой интерес у археологов и сдержанный – у остальных представителей человеческого рода, занятых своими делами.

Но в 1113 году на престол вступил Сурьяварман II. О нем надпись говорит: «Еще юный, не закончивший своих занятий, он носил в себе жажду царского величия, а был он тогда в зависимости от двух повелителей». В то время, когда Сурьяварман вступил на престол, Ангкорское государство переживало очередной кризис, связанный с борьбой за власть сразу трех претендентов на престол – самым молодым из них был Сурьяварман. Победив соперников, Сурьяварман принес большие дары церкви. «Он, – продолжает рассказ другая надпись, – сделал богатые жертвоприношения и поднес жрецам паланкины, опахала, хлопушки для мух, короны, подвески, браслеты, кольца

и пряжки. Различным храмам он раздал украшения, утварь, земли, рабов и стада...»

Затем Сурьяварман, как и положено настоящему царю, собрал армию и направился завоевывать соседей. Но соседи не желали покоряться Ангкору. Армия, отправленная во Вьетнам, потерпела жестокое поражение и была изгнана оттуда, флот из семисот судов, посланный в следующем году, тоже вынужден был вернуться. Сурьяварман тогда объединился с соседом – государством Тьямпа, но в решающем сражении тямы перешли на сторону врага, и царю пришлось бежать. Царь решил отомстить неверным союзникам. Он пошел против них в поход и захватил их столицу. Отошедшие к югу тямы не только оказали неожиданное сопротивление, но и разбили по очереди все отряды и армии Сурьявармана.

Не добившись военной славы, царь переключился на дела внутренние. Он стал укреплять культ бога-царя и для этого построил Ангкор-Ват – самое крупное религиозное сооружение в мире. Да, Ангкор-Ват больше любого европейского собора, любой мусульманской мечети, зиккурата, пагоды или пирамиды. Причем он построен так прочно, что полностью сохранился.

Храм представляет собой святилище высотой 65 метров, которое стоит на тринадцатиметровой платформе. Под ней еще одна платформа площадью в гектар с четырьмя башнями по углам, соединенными галереями между собой и с центральным храмом. И все это окружено двумя рядами стен с воротами, башенками и лестницами, так что общая площадь Ангкор-Вата – квадратный километр.

Трудно описать сами башни Ангкор-Вата, ибо ничего подобного в мировой архитектуре нет. Пожалуй, они похожи больше всего на обрезанную снизу до половины початки кукурузы или вершины пшеничного колоса невероятных размеров. Раньше они были покрыты золотыми листьями, и барельефы террас разукрашены. Храм был окружен двухсотметровым рвом и отражался в нем, цветастый и величавый...

Имя автора Ангкор-Вата (а может, и нескольких авторов) не запечатлено ни в одной из надписей. Мы называем создателем храма человека, непричастного к высокому творчеству, заботившегося только о прославлении себя любой ценой – завоеванием ли соседних стран, воздвижением ли гигантских храмов. И эта историческая несправедливость, очевидно, никогда не будет исправлена. Узурпатор Сурьяварман II прочно уселся на пьедестал почета истории, как сделали это до него многие другие цари и императоры. Имен же людей, воистину сотворивших Ангкор-Ват, не знают сейчас и вряд ли знали восемьсот лет назад.

Государственная власть не была в этом заинтересована. Больше того, это было выше ее понимания: бог-царь на земле один, по крайней мере в пределах государства. И ни у кого не вызывало сомнения, что строит храм его воля, его казна.

Архитекторам вообще не очень везло в истории. Даже в тех случаях, когда имена их остались в надписях, книгах или в платежных ведомостях, авторство зданий приписывают властителям. Мало кто помнит создателя пирамид или Тадж-Махала, зато имена Хеопса и Шах-Джахана известны. Эта прискорбная традиция сохранилась практически до наших дней: архитектор не расписывается на цоколе здания, как скульптор на пьедестале статуи, не ставит своего имени, как писатель на обложке книги, и дай бог, если ему так повезет, как Эйфелю, и башню назовут его именем. Но это исключение...

Трилистником сказочного растения поднимаются все выше к небу башни Ангкора. По мере того как вы приближаетесь к нему, видны центральная башня и две из тех, что стоят по углам террасы. По сторонам дороги тянутся длинные шеи каменных драконов Нага, которые когда-то смотрели в воду рва. Столбики длинной галереи наружной стены ведут к центру, к пышному portalу входа.

Путь к храму долог. Вы пересекли глубокий ров, вступили под портал входа и оказываетесь во внешнем дворе. Вы проходите его, снова минуете арку и начинаете подъем по широкой лестнице к самому храму. Храм построен таким образом, что поднимающийся к нему человек невольно ощущает нарастание его могущества и даже всесилия. Понятие о боге всегда связывалось у людей с представлением о несравнимости масштабов человеческого бытия и бытия божеского. Даже древние греки, создав богов своего роста и со своим характером, поселили их на Олимпе и в небесах. Когда религия становится государственной, то есть одним из важнейших средств подчинения подданных царю, размеры храмов начинают расти: они олицетворяют не только величие божества, но и величие представителя бога на земле, хозяина жизни, царя. В Ангкоре царь был официально приравнен к богу и храм – дом бога – был и домом царя, в котором царь не жил, жило его божеское начало.

Сурьяварман, потерпевший ряд сокрушительных поражений в военных авантюрах, все силы государства бросил на создание иллюзии своей непобедимости и своего могущества – он не мог позволить себе ограничиться храмом скромных размеров. Скромные храмы создаются религиями чрезвычайно молодыми, не связанными еще с борьбой за мирские блага, в государствах, где новая религия еще не пользуется поддержкой властей.

Храм на Востоке очень часто шел в своих формах от понятия горы. Это связано с ролью священной горы Меру (Олимпа восточного мира) и с функцией гор в мифологии Востока, большей, чем Европы. Гора – символ мощи и величия, и потому как горы индийские средневековые храмы, потому гора – пятиглавый Ангкор-Ват.

Внутри храма Сурьяварман велел установить статую бога Вишну. Лицом Вишну похож на Сурьявармана. Это традиция Ангкора. Цари его не только духовно отождествляли себя с богом, но и считали себя его физическим воплощением.

Постройка храма и его окружения – это только часть работы, проделанной в Ангкоре. Удивительно, сколько талантов скопилось на маленькой кампучийской земле восемьсот лет назад. Достижения древних художников не меньшие, если не большие, в украшении храма, в статуях его и в барельефах.

Эти барельефы очень выразительны. Каждый, кто бывал в Ангкоре, не мог не ощутить всеобщее движение, переливчатость барельефов, точность изображения мира.

Барельефы воспроизводят не только мифологические сцены, но и исторические события царствования Сурьявармана. Особенно выразительны сцены сражений. Вот кхмерские войска нападают из засады на тямов в лесу, и короткая и яростная схватка кипит среди тесных стволов. Внизу – морской бой: сталкиваются боевые галеры с высокими носами, заканчивающимися головами драконов, и упавшие в воду бойцы пытаются удержаться на поверхности. К одному подкрался сзади крокодил, и нога воина уже в челюстях чудовища. А вот сцена отражения нашествия тямов. Разъяренные слоны топчут воинов, которые сцепились в смертельной схватке; потерявшие оружие хватают врага за горло... А вот и сам Сурьяварман. Он сидит на троне под царственным зонтом, вокруг слуги с опахалами, министры, собравшиеся у трона, внимательно слушают, очевидно, мудрые и очень важные слова монарха.

Вообще, во времена Сурьявармана, очевидно, потому, что дела его были не блестящи, придворные, а за ними послушно исполняющие свои обязанности художники и писцы стремились к восхвалению царя. Он был не только «лучшим из царей и букетом достоинств», но даже «во всех науках и во всех видах спорта, в танцах, пении и во всем остальном преуспел настолько, будто сам это изобрел». И, увидев его, бог сказал в изумлении: «И зачем я создал себе в лице этого царя такого соперника?»

Безудержное восхваление царя, как это случалось не только в древней Кампучии, приводило к роковым последствиям. За бахвальство Сурьявармана приходилось расплачиваться его

потомкам. В записках одного арабского путешественника рассказана история, относящаяся к далекому прошлому Кампучии, но ситуация в ней весьма напоминает ту, что сложилась в стране при преемниках Сурьявармана.

Задолго до Сурьявармана на кампучийском престоле (страна звалась тогда Ченлой) сидел молодой и дерзкий царь. Все окружающие говорили ему, что он могуч и непобедим. Однажды царь сказал:

– Есть у меня одно заветное желание, которое мне хотелось бы осуществить.

– Какое, царь?

– Я хотел бы, чтобы передо мной на блюде лежала сейчас голова царя Явы.

Долго ли, коротко ли, но слова царя достигли ушей правителя Явы. Тот оснастил тысячу кораблей и пересек пролив. Подошел к стенам столицы молодого царя и в битве без труда разбил его войска, а царя взял в плен. И сказал ему:

– Ты хотел увидеть мою голову на блюде. Хорошо. Если бы ты еще захотел при этом захватить мою страну, сжечь мои города и взять в рабство моих подданных, то я сделал бы то же самое с твоей страной. Но ты высказал только первое желание. Я возьму с собой обратно только твою голову на блюде. Страну же твою не трону. А министров твоих я попрошу избрать на престол кого-нибудь, кто отвечал бы за свои слова.

Так он и сделал.

Преемники Сурьявармана унаследовали его самомнение. После его смерти тьмы разгромили гордую империю кхмеров и захватили столицу. Страна не смогла сопротивляться: она задыхалась под тяжестью дополнительных налогов и податей, вводимых царем в связи с войнами и гигантским строительством. Деревни обезлюдели: кто ушел в солдаты, кто отрабатывал барщину на строительстве; в стране начались крестьянские бунты. Поэтому нашествие тямов было только последним толчком, который нарушил равновесие колосса на глиняных ногах.

Правда, именно с этим, казалось бы, смертельным ударом для государства связан его новый расцвет. Когда столица была захвачена, жители ее угнаны в рабство и золотые пластины с башен Ангкор-Вата содраны завоевателями, кхмеры, разгромленные, но не покоренные, объединились вокруг Джаявармана VII. Это была любопытнейшая фигура в истории Кампучии.

В свое время он добровольно отказался от престола, который причитался ему по праву, и уехал из столицы, что, согласитесь,

совсем нетипично для царя. И ссылка, как и отказ от трона, в самом деле была добровольной – этому есть доказательства.

Но когда стране грозило порабощение, Джаяварман объединил в горах остатки разбитых отрядов, создал крестьянское ополчение и повел борьбу с захватчиками. В 1181 году он нанес тямам сокрушительный удар, потопил их флот и убил царя.

В том же году Джаяварман короновался на царство. Он предпринимал героические усилия, чтобы спасти страну: сооружал новые каналы, строил водохранилища и дороги, укреплял границы и наводил порядок среди чиновников. Надписи говорят, что он построил сто больниц. Джаяварман восстановил разрушенный врагами Ангкор и обнес его могучей стеной. Отныне эту часть города мы знаем под названием Ангкор-Том – «укрепленный город».

Стена города, длиной более тридцати километров и толщиной восемь метров, квадратная в плане, сложена из камней и сохранилась до сих пор. Вокруг нее стометровой ширины ров, в котором жило множество больших крокодилов, – первый ряд обороны города. Мосты, ведущие к воротам, были шириной пятнадцать метров, и по бокам их вместо балюстрад стояло по пятьдесят четыре гиганта, державших в руках длинную – всем великанам едва под силу – змею Нага. По площади Ангкор-Том, построенный за несколько лет, был больше любого города средневековой Европы.

В центре города, славного храмами, дворцами и знаменитой террасой слонов, был поставлен Байон – новый для Кампучии тип храма. Впоследствии такие же храмы возвели в других частях государства.

Храм Байон представляет собой зрелище фантастическое, странное и противоречивое, как и все, что делал Джаяварман. Он строил больницы и приюты и в то же время обирал крестьян, чтобы вновь и вновь посылать в походы свои армии; вводил более демократический и понятный народу буддизм и сохранял культ царя-бога.

Храм Байон – последнее значительное сооружение Ангкора. И в нем с его сложностью, мрачностью и громоздкостью виден уже закат империи.

Пятьдесят грандиозных башен, устремленных к нему, и на каждой с четырех сторон исполинское изображение лица бодхисатвы Локешвары. Двести лиц, улыбающихся одинаковой загадочной улыбкой, смотрят на город, и все они, если верить преданиям и хроникам, – лицо самого Джаявармана, последнего великого строителя Ангкора.

Джаяварман прожил долго и умер в возрасте девяноста лет. Он оставил наследникам обширную и могучую империю, но с каждым последующим властителем границы ее сжимались и мощь ослабевала. Наконец после одного из набегов сиамцев в 1431 году, которые разграбили город, жители покинули Ангкор.

Еще жили в нем люди, но трава начала пробиваться сквозь плиты мостовых, зарастали травой водоемы и рвы, голодные, забытые всеми крокодилы выбирались на сушу и издыхали среди лиан на улицах мертвой столицы.

Или добирались до глухой лесной речки и приживались там, пугая рыбаков и охотников.

Потом джунгли совсем поглотили город, и дороги к нему были забыты, как был забыт и культ царя-бога. И жители местных деревень, набредая в лесу на улыбающиеся башни, думали, что не люди, а духи создали этот город. Или он сам создал себя.

А город не хотел умирать. Его храмы отталкивали прижимающиеся корни деревьев, стискивали камни, чтобы не пропустить ростки бамбука. Борьба эта была долгой и закончилась победой города.

Город дождался. Вначале сведения об Ангоре перемешивались с легендами и были сходны с легендами. Но за несколько десятилетий упорного труда, раскопок, изучения полустертых надписей историки разных стран смогли накопить такое количество фактов, что ныне мы знаем не только когда правил и с кем воевал тот или иной царь, но и как одевались, во что верили, о чем думали его многочисленные подданные.

Боробудур

Для глаз бога

Километрах в сорока от индонезийского города Джокьякарта, там, где долина, покрытая квадратами рисовых полей, встречается с горами, вершину пологого холма предгорья серым шлемом венчает Боробудур.

Боробудур ни на что не похож. Можно сравнить его со ступенчатой пирамидой, но это сравнение будет очень относительным, натянутым и оно не даст возможности составить себе сколько-нибудь правильное представление о Боробудуре. Он впитал некоторые черты индийского зодчества, в нем можно проследить детали, роднящие его с храмами одного из древнейших государств Юго-Восточной Азии – Фунани. Но при всем этом Боробудур – чудо света, появившееся именно в Индонезии, на острове Ява, и оно не могло возникнуть нигде в другом месте. Боробудур так вписался в пейзаж, так неотделим от зеленых холмов, голубых гор и рисовых полей Явы, что кажется: он испокон веку стоит на этом месте.

Если вам приходилось бывать во Владимире и видеть Церковь Покрова на Нерли, белые стены которой отражаются в тихой старице Клязьмы, то вы наверняка испытывали это чувство неразделимого единства природы и творения рук человеческих, гармонии, порождающей красоту. Разумеется, есть немало чудесных зданий, которые по замыслу архитектора не связаны с природой. Тадж-Махал остался наедине с небом. Деревья и бассейны добавлены к нему, но никогда не смогут стать равноправными с ним. В Японии же все храмы – часть ландшафта. Частью ландшафта в каком-то смысле являются и египетские пирамиды. Попробуйте воздвигнуть такую пирамиду у гор или в нашем лесу – эффекта, какой дает подходящая близко пустыня, не получится. Можно наблюдать такую закономерность: чем разнообразнее ландшафт, тем изысканнее и сложнее формы зданий. Смелые плоскости пустынь, суровость песка и скал рождают лаконичные, монументальные здания, рождают пирамиды, рубленость Вавилона.

Пологие, словно проведенные лекалом линии яванских предгорий помогли стать Боробудуру тем, чем он стал.

Боробудур – ступа, святилище тех времен, когда на Яве господствовал буддизм. Ступа – весьма сложное сооружение, которое, очевидно, произошло от могильного кургана. Это не храм хотя бы потому, что войти в него нельзя. Интересно, что принцип такого сооружения развивался параллельно в разных

частях земного шара. Мы находим сплошное громадное строение в Египте за много веков до нашей эры, в Индии, на Шри Ланке на рубеже нашей эры, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке (зиккураты Вавилона).

В основании Боробудур – правильный квадрат со стороной сто двадцать метров, как у пирамиды Хеопса. Но чтобы подняться на вершину Боробудура, вам придется пройти несколько километров и запастись как временем, так и терпением. Дорога на вершину ступы вьется спиралью, огибая святилище столько раз, сколько в нем террас. Причем высота Боробудура от вершины холма, на котором он стоит, до верхней точки ступы сравнительно невелика – сорок метров.

Поднимаемся на первую террасу. Мы в коридоре, огражденном с одной стороны украшенной барельефами стеной террасы, а с другой – высокой балюстрадой. Сто двадцать метров идешь вдоль стены, не сворачивая, но путь не утомителен и не скучен. Лента барельефа как бы движется навстречу и разворачивает перед вами все новые картины. Стена кончается. Поворот. За углом начинается новый стодвадцатиметровый рассказ в картинах. Еще поворот – и еще рассказ... Наконец, поднимаемся на следующую террасу. Каждая терраса меньше предыдущей на ширину коридора, который огибает ее.

Мы обошли шестую террасу. Коридоры кончаются. Предстоит подъем еще на три террасы, но если шесть пройденных были квадратными, то три верхние – круглые. На каждой разместилось кольцо решетчатых каменных «колоколов» – дагоб. Внутри каждой дагобы заточена каменная статуя Будды. К тому времени, когда мы поднимемся на вершину, мы минуем семьдесят две дагобы. Среди индонезийцев бытует поверье, что, если просунуть руку внутрь дагобы и дотронуться до статуи, исполнится заветное желание.

Вот мы на плоской вершине ступы. Совсем рядом вершины голубых гор. Далеко внизу зеленеют мохнатые шары пальмовых крон, в тени которых прячутся игрушечные домики. Если смотреть на землю сверху, она куда дальше, чем вершина Боробудура с земли. Так бывает почти с каждым высоким сооружением.

Боробудур прославился барельефами шести нижних террас. Общая длина барельефов – примерно два километра. Высота – три метра. Барельефы Боробудура – это шесть тысяч квадратных метров вырезанной на камне скульптуры.

По теме барельефы Боробудура – иллюстрации к жизнеописанию Гаутамы-Будды. Но скульпторы не знали, как жили, во что одевались и как выглядели современники и земляки

Будды в Северной Индии. Поэтому вместо индийского царя на барельефе царь яванский, вельможи, его окружающие, – яванские вельможи, крестьяне и горожане – тоже земляки. Религиозная история была адаптирована. В результате помимо своего художественного значения барельефы Боробудура стали замечательным учебником истории. Можно до самых последних мелочей представить себе жизнь яванцев тех времен... Воины идут строем в бой, большие многопалубные парусные корабли бороздят океаны, крестьяне пашут, князь правит суд...

Но когда же все это было?

...В начале XVI века на Яву в погоне за пряностями пришли португальские конкистадоры.

Через сто с небольшим лет португальских солдат сменили голландцы и англичане. В борьбе за острова победили голландцы. Их уже интересовала не только торговля, им мало было построить крепости на берегах. Они почувствовали, что могут занять всю страну. Что и сделали. Один за другим исчезли яванские султанаты и княжества. Ява стала частью Нидерландской Индии.

Сотни лет оставался Боробудур загадкой, забытым и затерянным храмом... Сквозь трещины в каменных плитах пробивались стволы деревьев и кусты, и Боробудур все больше казался вершиной холма, а не творением человеческих рук.

Голландские ученые обратили внимание на Боробудур сравнительно недавно, в конце прошлого века. Но отсталые, по их мнению, яванцы построить такого не могли. Значит, кто-то приехал и построил им Боробудур. Кто это мог быть? Очевидно, индийцы, ведь и буддизм пришел из Индии. Впоследствии по разным причинам индийцы вынуждены были покинуть Яву, потеряли над ней власть, и яванцы возвратились к примитивному существованию. Эта теория в «чистом» виде могла существовать только до тех пор, пока историки не имели в своем распоряжении фактов о том, что же в действительности происходило в Индонезии до X века, до появления там ислама.

Изучая китайские хроники, историки обнаружили упоминания в них о посольствах из государства Шилифоши (Шривиджайя), прибывавших в Китай начиная с середины VII века. В столице этого государства жило более тысячи буддийских монахов. При сопоставлении китайских сведений с текстами расшифрованных и найденных к тому времени индонезийских надписей удалось выяснить, что государство Шривиджайя находилось первоначально на острове Суматра, но впоследствии настолько усилилось, что захватило другие острова, в том числе и Яву.

Шривиджайя была одним из крупнейших азиатских

государств того времени, и ее правители, Шайлендры, распространяли свою власть на всю Индонезию, Малайзию и, возможно, на часть Таиланда, вернее, на территории, теперь занятые этими государствами.

Шривиджайя поддерживала торговые и дипломатические отношения с Китаем и Индией, ее корабли пересекали Индийский океан и выходили в Тихий. Жители Шривиджайи были лучшими мореходами тогдашнего мира.

История создания Боробудура теперь известна. Он был построен в семидесятых годах VIII века. Буддизм был внедрен на Центральной Яве, на территории подвластного Шайлендрам государства Матарам, в VIII веке и продержался там около ста лет. Затем уменьшилось число паломников, рассыпались дома, окружавшие святилище, и понемногу о Боробудуре все забыли.

Еще не все тайны Боробудура раскрыты. Самой интересной из них является тайна «десятой террасы». Совершенно случайно было обнаружено, что под землей на стенах фундамента Боробудура тоже высечены барельефы, как и на шести нижних террасах ступы. Под землей оказались скрытыми еще полторы тысячи квадратных метров ценнейших барельефов.

Сначала это объясняли тем, что за тысячу с лишним лет храм осел и барельефы, ранее находившиеся снаружи, пропали из виду. Но если это так, кто и зачем тогда прикрыл барельефы, найденные под землей, каменными плитами?

Некоторые ученые считают, что нижний ярус барельефов повествует о загробной жизни и можно полагать поэтому, что он не предназначался для человеческих глаз. Громадная работа была сознательно скрыта от людей, ведь любоваться барельефами могли лишь всевидящие божества. Сторонники этой точки зрения считают даже, что по всему своему плану Боробудур рассчитан на то, чтобы смотреть на него сверху. Террасы его приземисты, и вся красота и смелость архитектурного замысла раскрываются только тогда, когда увидишь Боробудур сверху. Но во времена Шривиджайи не было ни вертолетов (еще), ни сказочных птиц Рух (уже) и летать могли только небожители.

Мне кажется более убедительной другая версия.

Дело в том, что все барельефы верхних террас закончены, чего нельзя сказать о барельефах нижней террасы. На некоторых даже сохранились надписи и знаки мастеров, обозначающие то, что надлежало вырезать на плитах и куда их следовало поставить. Незавершенность барельефов – доказательство того, что работа над нижней террасой была прервана в самом разгаре. К тому же профиль нижней террасы иной, чем у верхних. Если судить по другим яванским храмам, она сооружалась для традиционного и

более высокого, чем Боробудур, храма. Следовательно, современный Боробудур отличается от проекта.

В ходе строительства выяснилось, что мягкая почва холма не выдержит громады храма. Пришлось срочно менять проект. Святилище сделали более приземистым, а незаконченный нижний ярус барельефов заложили каменными плитами, скрыв тем самым его сюжеты и создав почву для многочисленных догадок.

Еще одним свидетельством в пользу этой гипотезы служит современная судьба Боробудура. Впервые он был расчищен и реставрирован голландскими учеными в начале нашего века, а в двадцатых годах были освобождены от внешнего слоя камня барельефы нижнего яруса. Однако эта реставрация принесла памятнику новые беды. Открытые при расчистке швы между плитами стали размываться тропическими ливнями, и храм постепенно сползает по склону холма. Убрав каменное кольцо, которое поддерживало Боробудур снизу, реставраторы не догадались, что оно имеет практическое значение. Сегодня под тяжестью оползающих верхних террас нижний ярус сдвинулся и сильно накренился. К тому же в результате землетрясения осели северная и западная стороны Боробудура.

В 1970 году по инициативе индонезийских археологов создана комиссия ЮНЕСКО по реставрации Боробудура. Специалисты, которые исследовали памятник, пришли к выводу, что временные меры могут лишь отсрочить гибель памятника. Поэтому сейчас разработан проект, согласно которому холм, убрав с него храм Боробудур, покроют железобетонной шапкой. На ней соберут храм вновь. Одновременно решится еще одна проблема: как сохранить раскрытой нижнюю террасу и каменное кольцо. Было решено отодвинуть внешнее каменное кольцо на три метра от нижней террасы. Тогда образуется коридор и можно будет увидеть нижние барельефы.

Заодно при разборе Боробудура будет разгадана его тайна: существует ли в нем реликварная камера, подобная камерам во многих знаменитых пагодах и ступах, и, если она есть, что в ней хранится.

Порой над Боробудуром пролетит рейсовый самолет, и пассажиры, восторгаясь четкостью линий храма, не подозревают, что, глядя на святилище с высоты, они уподобляются богам.

Дуньхуан

Пещеры тысячи будд

История Дуньхуана чем-то сходна с историей долины Гореме в Турции. Правда, пещеры Гореме раскиданы по всей долине, а в Дуньхуане они вырублены в высоком обрыве. В пещерах Гореме обитало множество людей, в Дуньхуане только малая часть предназначалась для жилья. О Гореме мало кто слышал даже в Турции, о Дуньхуане написаны десятки книг, издано множество репродукций и исследований (одно время в КНР функционировал институт по изучению этих пещер). Но и тот и другой памятники создавались в течение многих сотен лет. И в тех и в других пещерах сохранились фрески, уникальные по своему возрасту и ценности.

В Дуньхуане Великий шелковый путь из Китая разветвлялся на две дороги. Одна вела на северо-запад, через пустыню Гоби к Турфану и Персии, другая – пересекала пустыню Лобнор и шла к Хотану, чтобы потом перевалить через горы и достичь Индии.

Здесь издавна останавливались караваны. В последнем перед пустыней большом оазисе, питаемом водами гор Алтынтаг, караванщики проверяли груз и запасались водой. Именно сюда пришел, одолев пустыни и горы, Марко Поло, измученный долгим путем, разреженным воздухом памирских высот, жаждой и пылью.

В древности караванные пути были главными артериями, объединяющими мир. И главнейшей из главных была именно эта – Великий шелковый путь, на концах которого стояли Китай и Рим, а станциями на пути были Персия, Индия, Аравия, Сирия.

Когда человек находится в пути, он узнает новости быстрее, чем тот, кто сидит на месте, он встречает вдесятеро больше людей, он скорее других склонен прислушаться к новому, понять мысли иноземцев. По караванным путям путешествовали и религии. И нет ничего удивительного, что именно Дуньхуан, город и оазис на самом краю Китая, оказался тем местом, где впервые укрепился родившийся в Индии за 500 лет до нашей эры буддизм и откуда он впоследствии разошелся по всей стране. Этим же путем проникает в Китай христианство, манихейство, учение Магомета.

В последние века перед нашей эрой буддизм был в силе среди торговцев, проходивших с караванами через Дуньхуан. Торговцы молились перед началом опасного пути через пустыню, молились и закончив переход, они благодарили богов, которые провели их через страшные пески и защитили от нападений

разбойников, от жажды и холода. Пути караванов были опасны, и некому, кроме богов, вручить свою судьбу.

Буддисты устанавливали здесь, у оазиса, свои первые святилища и статуи Будды, и эти статуи были и западные туристы и путешественники, привлеченные далеко разнесшейся славой пещер. И пещеры, как это часто случалось на Востоке, лишились многих манускриптов и картин, перекочевавших в музеи Европы и в частные коллекции.

Путешественники порой были движимы научными интересами, заботой о спасении рукописей и картин, забытых в обветшавших пещерах, порой ими руководило стремление к славе и даже просто к наживе. Из Дуньхуана было вывезено множество древних рукописей и картин на шелку, купленных за гроши у монахов. Немецкий путешественник фон Ле Кок разыскивал среди пустынь Синьцзяна старинные фрески. И если ему такие попадались, он вырубал их из стен. Точно так же поступил его соотечественник Томанн в Бирме, вырезавший ценнейшие фрески одного из паганских храмов. Такие грабители действовали в Китае почти официально: распадающаяся империя зависела от европейских держав. После того как войска Англии, Германии, России и Франции вступили в 1900 году в императорский дворец в Пекине, мало кто в Китае осмеливался перечить европейцам, тем более что правящим кругам Пекина было не до охраны культурных ценностей страны.

Правда, пещерам Дуньхуана повезло: когда фон Ле Кок в 1905 году уже подъезжал к ним, он неожиданно получил письмо. Его просили приехать в главный лагерь экспедиции, находившийся более чем в тысяче километров от Дуньхуана. Ле Кок некоторое время размышлял, заехать ли ему в пещеры или прямо отправиться в лагерь. Наконец он решил кинуть монетку: орел – пещеры, решка – возвращение. Монета (явно не без помощи потусторонних сил) упала решкой. Ле Кок отправился в лагерь, и фрески Дуньхуана были спасены.

В 1920 году пещеры некоторое время служили убежищем бежавшим из Средней Азии русским белогвардейцам, и до сих пор потолки некоторых храмов закопчены: оборванные и изможденные белые офицеры жгли в храмах костры и жарили баранов.

Но белогвардейцы ушли, растворились среди бесконечных степей Синьцзяна, путешественники перестали бывать в этих краях, далеких и почти недоступных в охваченной войнами стране. Караваны тоже исчезли: дорога Ланьчжоу – Урумчи переняла роль основной транспортной артерии, а она проходит в ста километрах севернее Дуньхуана. Давно миновали времена

многотысячных процессий паломников к пещерам, и опустевшие святилища стали музеем.

Центр каменной стены, от ее подножия до вершины, занимает десятиярусный главный храм Дуньхуана. Он построен сравнительно недавно, но неизменно привлекает к себе внимание, потому что главный храм – единственное строение в дуньхуанской стене, которое не только вырублено в породе, но и выдается наружу. Он похож на гриб-нарост на стволе дерева, только гриб многослойный, многоэтажный. Весь храм, почти до потолка, занимает вырезанная из скалы шестидесятиметровая статуя сидящего Будды. Она не самая древняя из статуй Дуньхуана, ей никак не больше двух столетий, но зато она крупнейшая в Дуньхуане и одна из самых крупных не только в Китае, но и во всей Азии. Перед статуей ряд низких столиков, на которых курятся благовония, и все стены громадной ниши храма расписаны фресками. По сторонам статуи – ниши, в них стоят божества разрядом пониже.

Пещеры Дуньхуана не только памятник раннего буддизма, но, что самое главное, они – история китайского искусства, лучшая и самая полная монография такого рода, сохранившаяся в Китае. Да и не только в Китае – в мире нет другого места, где можно было бы проследить развитие искусства на протяжении тысячи пятисот лет.

Самые ранние фрески находятся в двадцати двух пещерах южной части стены. Пещеры невелики. Они относятся к династии Северных Вэй (386–534). Фрески неплохо сохранились, краски их довольно яркие и чисты. Основные цвета здесь – малахитовый, зеленый, голубой, черный и белый. Фон фресок чаще всего темно-красный. Рисунок еще часто примитивен, фигуры статичны. Статуи кажутся большими, чем на самом деле, потому что по сторонам их вырезано рядами множество «микроний» – каждая сантиметров десять-двадцать, и в каждой помещается раскрашенная фигурка. У потолка пещер изображены «счастливые души». Души блаженно улыбаются, сидя на прозрачных облаках, и их легкие одежды развеваются под нежным, райским, ветерком.

Двадцать две древнейшие пещеры – большая часть сохранившихся произведений искусства вэйского периода. Интересны они не только для искусствоведа и специалиста по буддизму. Значение их неопределимо для историков. Ярким примером тому может служить пещера 285, относящаяся к первой половине VI века. На потолке ее изображена большая многофигурная сцена – битва с разбойниками. В окружении встревоженных демонов ветра и грома скачут закованные в латы разбойники. Для каждого человека, для каждого коня найден

свой, неповторимый ракурс, часто настолько современный и необычный, что трудно поверить, что это древние фрески, а не искусная, талантливая шутка нашего современника. Тут же и город, и встревоженные жители, и служанка, поднявшаяся на террасу, чтобы сообщить хозяевам страшную новость, и малочисленные защитники города, старающиеся сдержать нападающих.

За пещерами вэйского времени начинаются пещеры времен династии Суй (589–618) и Тан (618–907). Это трехсотлетие – золотой период китайского искусства, расцвет пещерного города: императоры покровительствовали буддизму, и сотни монахов осели в оазисе. Пещер династий Суй – восемьдесят семь, танской эпохи – сто семьдесят семь.

Пещерные храмы этого времени похожи друг на друга. Они строились по довольно жестким образцам: небольшое квадратное помещение площадью шесть-восемь квадратных метров, у задней стены которого стоят группой различные разукрашенные статуи, представляющие собой бодхисатв. Многие из скульптур несут на себе влияние греческой и персидской культур. Великий шелковый путь функционировал очень активно, и так называемые эллинизированные государства Северной Индии и Персия косвенно влияли на развитие китайской скульптуры, особенно на западной границе Китая.

На боковых стенах – сцены из жизни Гаутамы-Будды и изображения «Западного рая», обитатели которого блаженствуют у изящных павильонов на берегах прозрачных озер. Много в пещерах и портретов. Это дарители, на чьи деньги вырублена и расписана пещера. Им тоже досталось место среди небожителей и святых.

Дарители степенно гуляют в окружении своих слуг. Они модно одеты и держатся непринужденно и уверенно. Художник хотел польстить дарителям и их семьям, и потому по женским фигурам, например, мы можем судить об образцах женской красоты Китая полторы тысячи лет назад. Красивые женщины должны были быть тонкими, высокими и стройными. Длинные платья с высокой талией свободно падали до пола, волосы собраны в большой пучок на затылке.

Все смелее становятся сюжеты фресок и скульптур. Художники уже не удовлетворяются заданными сюжетами и «житиями» Будды. Образцом живописи этого времени служит пещера 220, которая оказалась в более выгодном, чем ее соседи, положении. Ее фрески лет через сто после того, как были написаны, чем-то не понравились неизвестному нам буддисту. То ли изменилась мода, то ли он нашел лучшего, по его мнению,

художника, и вот он приказал замазать еще почти не тронутую годами фреску и написать поверх нее новую. И только лет двадцать назад кусок позднего слоя отвалился, и под ним обнаружилась фреска периода ранних Танов.

Можно смело утверждать, что нигде в мире в то время не было живописи, равной живописи пещер тысячи будд. Рим погиб, и традиции его забывались. Аджанта и Паган подчинялись довольно жестким канонам. В Дуньхуане же художники экспериментировали, и от пещеры к пещере видно, как и когда совершались открытия в живописи, которые потом, через тысячу лет, снова будут открывать живописцы Возрождения. Вот изображена перспектива, картины становятся все глубже и живее, реки, текущие со снежных гор, разливаются среди облетевших деревьев на первом плане, пилигримы останавливаются на ночь на постоялом дворе, перед крепостью, на фоне далеких холмов, тренируются в фехтовании воины. Говорливой и живой толпой сбились у трона-лотоса придворные и слуги...

И вдруг провал – сто лет, как не строятся новые пещеры и не подновляются старые: могучий Тибет захватил западные земли, и пещеры почти забыты – нет богатых дарителей, опустели караванные пути.

Где-то уже в IX веке искусство, так бурно развивавшееся в предыдущие века, замедляет свой бег и останавливается. Интересная черта говорит об этом: все чаще фрески начинают копировать шелковые ширмы. Художник боится смелых, широких мазков, он тщательно выписывает створки ширм и даже потертость шелка. Искусство становится изнеженным и все больше замыкается в каноны, все больше подчиняется выработанным классическими мастерами правилам. Сто пещер осталось от династии Сун (960 – 1279), и среди них очень мало оригинальных. Кажется, что расписывал их один и тот же художник, куда более скучный и послушный правилам человек, чем его прапрапрадед.

Разница между танскими фресками и фресками поздних эпох отлично видна в тех пещерах, в которых живопись нанесена по слою старой фрески. Она отваливается большими кусками, рассыпается по полу, и видишь рядом две половины стены, расписанные с промежутком в двести-триста лет. Нижние слои побеждают. Здесь случилось примерно то же, что в свое время с русской религиозной живописью. Пока она была молода, пока она была единственным путем для художника проявить себя, сказать что-то людям, создавались шедевры, творили Рублев и Дионисий. Когда же церковь сложилась в окостеневшую организацию, задавила художников узкими схемами и правилами письма,

иконы стали вырождаться, а художники, лучшие из них, стали искать другие способы выражения и обратились к светской живописи.

С пещерами Дуньхуана связано одно из интереснейших открытий нашего времени. Оно не имеет прямого отношения к фрескам или скульптурам, и потому в восторженных описаниях пещер о нем обычно не упоминается.

В конце прошлого века один буддийский монах, наслышанный о прискорбном состоянии пещер, решил восстановить их. Монах довольно слабо представлял себе масштабы задуманного им предприятия, но был человеком решительным и настойчивым. Несколько лет он ходил по городам Китая и собирал милостыню на это благое дело. В 1900 году монах приехал в Дуньхуан и принялся за работу.

В одной из пещер штукатурка частично отвалилась, и монах решил сбить ее совсем, чтобы затем оштукатурить пещеру заново. Под слоем штукатурки вместо скалы обнаружилась вдруг заложенная кирпичом дверь. За ней – небольшая сводчатая комната, заваленная рукописями.

Рукописи монаха интересовали постольку поскольку. Он оставил их в пещере и только некоторые из них отнес в соседний монастырь. Но и там они не понадобились. Большинство их было настолько старыми, что никто не смог их прочесть.

Когда через семь лет английский путешественник Стайн исследовал пещеры, он узнал о комнате с рукописями и разобрал часть из них. Он понял, что рукописи были сложены в пещере не позже чем в XI веке, в один из смутных периодов в истории края, когда ученые буддийские монахи опасались, что библиотека Дуньхуана может погибнуть. Здесь и скопилось и сохранилось в идеальном состоянии несколько тысяч совершенно бесценных трудов на десятках языков Востока. Ведь Дуньхуан был перевалочным пунктом, где встречались караваны из Средней Азии, Китая, Индии. И книги, привезенные туда через перевалы и пустыни, оставались в пещерах на радость ученым монахам.

Ученые всерьез занялись кладом Дуньхуана и обнаружили, что наиболее интересна «Алмазная сутра» – индийский труд, переведенный на китайский язык в IX веке. Это свиток, состоящий из шести склеенных листов текста и листа с изображением сидящего Будды. В конце написано, что свиток сделан в 868 году мастером Ван Чи «бесплатно для увековечения памяти усопших родителей».

Ценность бумажного свитка не в его содержании («Алмазная сутра» встречается и в более ранних списках), не в картине, изображающей Будду, – в той же комнате можно насчитать

десятки лучших картин. Но именно этот свиток – первая в мире печатная книга.

Мастер Ван Чи, о котором больше ничего не известно, вырезал на шести деревянных досках зеркальное изображение иероглифов и, намазав доски краской, накладывал на них листы бумаги. Это случилось в 868 году, тысячу сто лет назад, за шестьсот лет до первой книги Гутенберга.

Китайская стена

Самое большое чудо

«...Несмотря на то, что она сооружена с полным презрением к законам фортификации, она настолько солидна и неприступна, башни и ворота ее настолько разумно расположены, что даже современная армия, первоклассно вооруженная для штурма крепостей, может остановиться перед ней, при условии, правда, если будет сделана хоть какая-нибудь попытка для ее обороны» – так говорил во второй половине прошлого века английский генерал Вильсон. Генерал был трезвым человеком, он смотрел на Великую китайскую стену, уже тогда ставшую памятником архитектуры, только как на фортификационное сооружение. Генерал подсчитывал количество солдат, требуемых для штурма стены, и видел ее в разрывах снарядов и вспышках выстрелов...

Существует закономерность: пока государство сильно, неприступные твердыни ему не нужны, соседи не смеют напасть на него. Когда же государство слабеет, никакие крепости не могут долго держаться. И как бы ни были отважны их защитники, как бы ни были полны кладовые и глубокие колодцы, пройдет месяц или год, и – в результате слабости, предательства, подкопа, взрыва – крепость обязательно падет. Пала Рязань под натиском Батыя, пали Вавилон, Иерихон, не выполнили своих функций линия Мажино и линия Зигфрида... В Азербайджане, неподалеку от деревни Чукуюрт, на отвесной скале, возвышаются руины замка. Несколько лет молодой учитель местной школы искал пути на неприступную вершину. Только на третий год он добрался до первой площадки, усыпанной обломками черепицы, осколками стеклянных браслетов и глиняных горшков. Здесь когда-то укрывались от Сасанидов местные князья. Но не спаслись...

Великая китайская стена – памятник трагический, рассказывающий о сказочном богатстве, спеси и могуществе китайских императоров, о невероятном трудолюбии и терпении китайских мастеров и о напрасности бесчисленных жертв, ибо стена так и не выполнила отведенной ей роли.

В древности и в средние века степи и пустыни Северного и Западного Китая были населены непокорными кочевниками. В периоды усиления китайской империи ее войска захватывали и временно подчиняли жителей тех мест, но династия слабела, Китай раскалывался на враждующие области, крестьянские восстания добивали слабеющего колосса, и тогда роли менялись: северные и западные кочевники вторгались во внутренние

области, уводили пленных и скот, а порой захватывали столицу и возводили на престол своего ставленника. Так основывались монгольские и маньчжурские династии. Китай же впитывал в себя победителей, растворял их в миллионных массах китайцев, учил своей культуре, своей религии и через несколько десятилетий вновь обретал независимость... либо забывал о том, что на престоле сидят потомки недавних завоевателей.

Но даже в мирное время кочевники представляли опасность для районов, граничащих со степью и пустынями. Чжоу и особенно гунны периодически опустошали приграничные районы. Уже за тысячу лет до нашей эры племена чжоу разгромили Иньское государство, и вожди чжоу, основав династию, взяли в свои руки власть в Китае. В период Сражающихся царств китайские князья и губернаторы пограничных районов пытались найти средство против набегов: государства, на которые был разделен Китай, не могли выделить достаточного количества войск для охраны длинной границы.

Известно, что кочевники не могли штурмовать город. Они не имели собственных городских поселений и привыкли воевать в седле. Умение штурмовать крепости придет позднее, когда потомки и родственники их двинутся на запад, покоряя азиатские, русские и европейские княжества и государства.

Правители китайских государств начали строить в IV–III веках до нашей эры крепостные стены у перевалов и на традиционных путях, по которым кочевники проникали в Китай. Эти стены, вернее, сначала земляные валы достигали порой внушительной длины – тянулись на десятки километров.

Вполне возможно, что отряды кочевников останавливались перед валами и даже отступали. Однако здесь сахмое время вспомнить слова английского генерала, сказанные через много столетий. Уже первые валы при всей их мощи обнаружили слабость: их некому было охранять. Занятые междоусобицами, правители Китая забывали о западных границах. Валы обнаружили и другую слабость: их можно было обойти.

В IV веке до нашей эры среди враждующих царств выделилось государство Цинь. Царство быстро укреплялось, и этот процесс связан с именем министра Шан Яна, который реорганизовал всю страну на военный лад. Каждые пять семей объединялись в одно «у», десять семей – «ши». Внутри этих подразделений была введена круговая порука. Если совершал проступок член любой из семей, ответственность несло все «подразделение». Таким образом (а это имеет прямое отношение к созданию Великой китайской стены), вместо одного преступника государство получало сразу несколько.

После ряда войн в 318 году до нашей эры правитель Цинь нанес поражение объединенной армии других государств и их союзников – гуннов. Только царство Чжао, как уверяют хроники, продолжало сопротивляться. Войсками Чжао командовал дотоле непобедимый генерал Линь Во. Через семьдесят лет после разгрома коалиции, когда уже ничто, казалось, не могло остановить войска циней, Линь Во выступил во главе объединенной полумиллионной армии. Войска встретились у пограничного города царства Чжао. Несколько недель цини ничего не могли поделать. Все их попытки вызвать Линь Во на бой в открытом поле проваливались. Генерал отмалчивался, предпочитая отсидеться за надежными укреплениями и, выбрав наиболее выгодный момент, самому перейти в наступление.

Тогда цини изменили тактику. Там, где не помогает военная сила, должны помочь интриги. Цини не жалели денег и подарков для придворных и вельмож царя Чжао. Те же честно отрабатывали взятки: стоило им увидеть царя, как они начинали поносить последними словами старого генерала, уверяя монарха, что тот отсиживается в крепости из трусости. Наконец царь поверил придворным и убрал командующего, заменил его молодым генералом, отважным и быстрым в действиях. Молодой генерал, спеша отличиться, вывел войска в поле и тут же попал в окружение. Хотя и велика была армия Чжао, но армия циней была вдвое больше. Сорок дней билась армия Чжао в окружении. Несколько раз солдаты пытались прорвать кольцо, но царь циней, призвавший в армию всех своих подданных мужского пола старше пятнадцати лет, добился, как теперь говорят, подавляющего перевеса в живой силе. Наконец остатки разгромленной армии Чжао были взяты в плен и частично перебиты, а частично уведены в рабство (что также имеет самое прямое отношение к Великой китайской стене).

В 246 году до нашей эры на престол в циньской державе вступил Чжэн, который продолжал укреплять молодое государство и через несколько лет, покорив последние независимые княжества Китая, объявил себя «первым императором Цинь». Он вошел в историю под коронационным именем – Цинь Шихуанди.

Это был человек неумной энергии и тщеславия. При нем велось колоссальное строительство. Правда, от построек Цинь Шихуанди практически ничего не сохранилось, однако известно, что во дворце императора, на втором этаже, находился зал, в котором могло разместиться десять тысяч человек, а зал нижнего этажа того же дворца был так высок, что стоявшие там мачты с флагами достигали высоты в пятьдесят локтей.

Успел Цинь Шихуанди построить себе при жизни и мавзолей высотой в пятьсот локтей. а в окружности более пяти тысяч локтей. На потолке мавзолея были изображены созвездия, а на полу текли реки из ртути, вливавшиеся в ртутные моря.

Для такого строительства требовалось множество рабочих. Эту проблему Цинь Шихуанди также разрешил с присущим ему размахом и простотой. Цифры, которыми приходится оперировать при рассказе о строительстве, сродни астрономическим, что особенно поражает, если вспомнить, когда все это происходило – две тысячи лет назад.

На строительстве мавзолея было занято семьсот тысяч человек. На строительстве дворца, ирригационных сооружений и Великой стены – миллионы. При наборе такого количества людей императору помогли как его войны (сотни тысяч военнопленных), так и деление государства на «у» и «ши». Если нарушал закон один человек, в рабство попадали десять семей. И десять семей отправлялись на великие стройки Цинь Шихуанди.

Там из людей выжимали все, что возможно: мавзолей, дворцы, каналы и в первую очередь Великая китайская стена построены буквально на костях рабочих. Ежедневно погибали тысячи, десятки тысяч людей, но на их место приходили новые. Неудивительно, что сын императора, унаследовавший его жестокость, но не унаследовавший его силы, поплатился жизнью за политику отца. Империя Цинь рухнула и рассыпалась в пыль, просуществовав чуть больше полувека.

Цинь Шихуанди успел выстроить основу Великой китайской стены, величайшего в мире фортификационного сооружения, которое так и не смогло выполнить предназначенной ему роли противостоять набегам гуннов, зато потребовало столько сил и человеческих жертв, что ни одна война не смогла бы сравниться с потерями при ее строительстве.

Первоначально Великая китайская стена объединила в одно целое существовавшие ранее валы, построенные губернаторами и князьями. Кроме того, на ней был сооружен ряд башен. Все это многокилометровое сооружение называется Внутренней китайской стеной.

После падения династии строительство временно прервалось и возобновилось уже при следующих императорах, когда стало ясно, что набеги не прекращаются и кочевники обходят стену с юга и севера или преодолевают на тех участках, которые не охраняются.

За тысячелетия строительства стена приобрела сложную ветвистую форму. Когда мы сегодня говорим о Китайской стене, то подразумеваем Внешнюю китайскую стену, более позднюю,

законченную при династии Мин в середине XVI века.

Как только в Китае приходила к власти более или менее сильная династия, способная мобилизовать несколько сот тысяч человек на это строительство, к стене снова тянулись караваны и умирали от голода и болезней рабы и согнанные со всех провинций крестьяне.

А в промежутках между этими династиями стена своей задачи не выполняла. Преодолевали ее и отряды алтайских тюрок в VII веке, и монголы как в XIII веке, так и в 1449 году, когда Эсен, вождь монгольского племени ойратов, подошел к стенам Пекина.

Последняя война заставила императоров минской династии поспешить с завершением стены. Императоры были убеждены, что, как только стена станет настолько длинной, что ее нельзя будет обойти с флангов, и как только в ней не останется ни одного слабого места, которое могут преодолеть кочевники, Китай будет в безопасности.

Наконец стена протянулась непрерывной линией на две тысячи семьсот километров, а общая длина ее со всеми отроутками, ветвями и параллельными валами достигла шести тысяч километров.

...И не прошло полувека со дня ее окончательного завершения, как ее преодолели маньчжуры и, воспользовавшись развалом императорской армии и несогласованностью действий крестьянских вождей, захватили Пекин. Причем важно отметить, что еще до окончательного покорения Китая маньчжуры нередко пересекали Великую стену и уводили пленных и скот. В одном из таких набегов увели с собой четверть миллиона человек и полмиллиона голов скота.

Изображения Китайской стены, известные каждому с детства, создают не совсем правильную картину. Они все относятся к участкам неподалеку от Пекина, где стена хорошо сохранилась или подреставрирована. Это позднейший ее участок. Здесь стена достигает стандартной высоты – 15 метров и ширины – 4 метра, с таким расчетом, чтобы по верху ее, скрываясь за зубцами, могли проехать повозки или пройти отряды солдат. Через каждые 100–120 метров над стеной поднимаются квадратные невысокие башни, господствующие над окружающей местностью. С башен простреливается ближайший участок стены. Кое-где в стене встречаются ворота. Их немного. Они расположены на караванных путях и возле городов.

Пять основных ворот на пяти основных караванных дорогах считались воротами в Китай. Одни из них находятся неподалеку от Пекина, у города Шайхайгуань. Сюда и по сей день привозят

китайцев, скончавшихся в «застенных областях». До сих пор в сознании многих китайцев области, не ограниченные стеной, не являются Китаем. Города у пяти ворот обязательно имеют обширнейшие кладбища.

Однако вдали от больших городов, не на главных направлениях, стена не выглядит так внушительно, как у Пекина. Кое-где она представляет собой просто полуразрушенный земляной вал. Особенно это относится к ее отросткам и ветвям, построенным тысячу, а то и две тысячи лет назад. Лучше всего сохранились части стены из голубоватого кирпича и камня с земляным заполнением.

Но и в тех местах, где стена осыпалась, стоят башни. Когда-то башен было шестьдесят тысяч, по крайней мере так утверждают китайские историки. Сейчас их насчитывают около двадцати тысяч – тоже цифра внушительная.

Подсчитано, что на строительство стены пошло семьсот миллионов человеко-часов, сто восемьдесят миллионов кубометров земли и шестьдесят миллионов кубометров камня и кирпича. Я уже не говорю о количестве рабочих, умерших там, – их сотни тысяч. Ни одному египетскому фараону и не снился такой объем работы.

И сейчас, как и тысячу лет назад, стена бежит через весь Китай, встречая на пути гору, она не огибает ее, а поднимается на вершину, чтобы так же спуститься с другой стороны, она пересекает сухие степи и проходит вблизи городов. Она удивительна и, по-моему, трагична. Это величайший в мире памятник многовековому труду целого народа, но одновременно и памятник человеческому горю, несправедливости и бесполезности начинания, остановиться в создании которого никто не смог и не захотел.

Тодайдзи

Дерево, бронза и камень

Культуры народов неизбежно встречаются, «обмениваются опытом», сливаются. Архитектуру и искусство развивали по свету купцы и паломники, ученые монахи и беглые солдаты... Завоеватели приносили с собой нормы красоты и заставляли побежденных воздвигать на площадях храмы своим богам. Возвращаясь домой из похода, цари привозили рабов, и среди них испокон веку самыми ценными считались ученые и художники. В рабстве художники продолжали работать, и в чужом городе храм или дворец приобретал новые черты. Влияние взаимно, и с ходом времени привнесенное извне растворяется в опыте народа, обогащая, но никогда не заменяя его культуры.

Когда-то в Китай и Японию вместе с буддизмом проникли понятия о структуре буддийских храмовых помещений. Китайские паломники побывали в Индии, и индийские купцы доходили до восточных пределов Поднебесной. Но буддийские доктрины в архитектуре и искусстве, обживаясь на китайской и японской земле, теряли многие чисто индийские черты, непонятные здесь, и вливались в русло японской культуры, зародившейся задолго до появления на свет учения Будды.

Ступа, дагоба в Индии, происходившая от могильного кургана, продвигаясь к востоку, вытягивалась вверх от ланкийского полушария к бирманскому конусу, тайским «кеглям» и к многоярусным башням-пагодам Китая и Японии. Впоследствии она вернется в Бирму из Китая и будет сосуществовать с пагодой, заимствованной из Индии, только изменит несколько свой вид и свои функции: вместо каменной станет деревянной и внутри ее, под навесом, будут, как в храме, стоять статуи будд.

Дерево. В нем заключается основная разница между архитектурой Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Разумеется, и в Китае и в Японии есть немало каменных зданий, храмов и крепостей, но все-таки, если себе представить японский храм, то воображение немедленно выдаст сложившийся образ деревянные столбы, топкие стены и большая с загнутыми концами черепичная крыша, может, даже несколько крыш, уменьшающихся одна над другой. Воображение подскажет и обязательный аккуратный сад вокруг с камнями (разбросанными на первый взгляд случайно, а на самом деле по тщательно продуманному плану), мохом и изогнутыми невысокими соснами.

Если архитектура Индии родилась из скал и пещер и

сохранила следы этого на многие века, то архитектура Японии – архитектура народа, близкого тесу, природе лесистых долин и морскому ветру.

Индийский храм плотно ограждает человека от остальной природы, замыкает его в себе. Стены храма – надежная преграда, и двери его узкие, как бойница.

Японские же зодчие задалась целью сделать строение как бы частью природы. Японский храм – лес, столбы его, тонкие и легкие, – стволы деревьев, крыша, обширная и пышная, – крона, а внутри просторно, светло и чисто. Сад – неотъемлемая принадлежность каждого строения – разбит так, чтобы казаться не делом рук человека, а частью природы. Интересно и характерно в этом отношении учение о камнях в архитектуре Японии. Камень рассматривается в нем как живое существо, но только до тех пор, пока он не отесан. Обработанный камень мертв. В садовой архитектуре Японии известны десятки «типовых» названий для камней: камень Черепашьей головы, камень Лунной тени, камень Тени для играющих рыб, камень Покрывала тумана, камень Ущелья с тиграми... Существует тип сада, который называется «садом идущих вброд молодых тигрят». Один из камней побольше других – это тигрица, остальные вытянулись за ней неровной вереницей. Камни эти «пересекают вброд» площадку, засыпанную ровным песком. Камни в саду играют такую большую роль, что один из японских архитекторов XV века дает в своем труде пример образцового сада, где вообще нет ничего, кроме камней и песка. Через песчаные площадки проложены тропинки. Они выложены валунами на расстоянии шага. По сторонам площадок расположены деревья, пруды, небольшие строения, все это вместе, весь комплекс – одно целое с домом, храмом или дворцом.

Можно долго рассказывать об архитектуре Японии, о ее искусстве, но здесь речь о чудесах света. И она пойдет об одном из них – о храме Тодайдзи в Наре и о статуе Будды, ради которой этот храм был построен. Все, что говорилось выше, относится к этому храму в такой же, если не в большей степени, как и к другим храмам Японии. Отличается он от них только тем, что это – крупнейшее деревянное здание в мире и в нем находится крупнейшая в мире бронзовая статуя.

...Буддизм появился в Японии, придя из Китая и Кореи, в VI веке. Появление его и внедрение не прошло гладко. Сложная философия буддизма имела не только сторонников, но и яростных противников, особенно среди тех жрецов, которые ведали старыми, привычными богами.

Однако вскоре спор был решен все-таки в пользу буддизма. К

VIII веку, то есть через двести лет после своего появления в Японии, буддизм достиг там вершин.

И этот расцвет связан с городом Нара. В течение семидесяти четырех лет Нара была столицей Японии. За это время на царском престоле сменилось семь императоров, один из которых, Шому, объявил в середине VIII века буддизм государственной религией.

В то время Япония поддерживала довольно тесный контакт с Китаем, и оттуда все время поступали «подкрепления» буддизму. Чтобы утвердить новую религию, император не жалел ни средств, ни усилий. Он решил создать в своей столице памятник, равного которому (так и положено мыслить императорам – с таким явлением мы уже неоднократно на страницах этой книги сталкивались) в мире не будет.

В октябре пятнадцатого года эры Темпью (743 год) император Шому издал рескрипт, предписывавший создание огромной бронзовой статуи Будды. Было выбрано место недалеко от столицы, где мастера начали строить деревянную модель статуи, и после четырех лет непрерывного труда была изготовлена статуя в шестнадцать метров высотой. Ее по частям перевезли в столицу; статуя была так велика, что жители Нары и сейчас говорят: «Можно пройти в ноздрю статуи, не сложив зонта». Отливка статуи заняла еще два года. Во всех концах империи медные рудники поставляли металл, и, говорят, сам император принимал участие в работах и носил в широких рукавах своего кимоно землю для опок.

Наконец в октябре первого года эры Темпью-Шохо, то есть в 749 году, работы были завершены, и мастера-литейщики отлили, а скульпторы окончили доводку монумента, загладив заусенцы и сведя на нет и без того ниточной толщины зазоры между слоями – кольцами, из которых была составлена бронзовая статуя. На изготовление Будды пошло более пятисот тонн бронзы, и работа заняла ровно шесть лет.

Сверкающий чистотой и еще не обветренным и не омытым дождем металлом, Будда сидел на холме, скрестив ноги и положив на колени левую руку раскрытой ладонью вверх, что означает исполнение молитв. Правая рука поднята и протянута ладонью вперед. Этот жест означает освобождение от суеты и волнений. Глаза его, прикрытые широкими веками, кажутся устремленными вдаль, и четко очерченный рот с чуть приподнятыми уголками губ изогнут неуловимой улыбкой. Будда загадочен и спокоен.

Шестнадцать метров – выше пятиэтажного дома возвышался над Нарой бронзовый исполин. Но как укрыть его от непогоды, сберечь?

И по повелению императора вскоре началось сооружение храма, в котором мог бы поместиться Будда.

Еще шесть лет возводился над Нарой храм Тодайдзи – дом бронзового бога. И наконец храм был построен. Высота его – сорок восемь метров, длина и ширина – пятьдесят. Если продолжать сравнения с современностью, то храм равен по высоте современному шестнадцатизэтажному дому. Площадь его – две с половиной тысячи квадратных метров. И ни единого камня не пошло на его строительство.

По замыслу императора храм и статуя в нем должны были подчеркнуть величие новой религии, обеспечить ему и его дому вечное царствование в Наре...

Но ничего подобного не случилось. Недолго продержалась династия. Недолго продержались храм и сама статуя. Храму была уготована удивительная и драматическая судьба. Ему суждено было дважды гибнуть и дважды восставать из пепла.

К концу VIII века укрепились позиции японских феодалов. Все более ограничивали они власть императоров, пока наконец не ликвидировали совсем. Последние императоры династии были почетными пленниками сильного феодального рода Фудзивара, а столицу перенесли из Нары в город Киото (тогда Хэйан-ке). Там тоже возводились храмы и статуи, и говорят, что статуя Будды в Киото, не сохранившаяся до наших дней, превышала размерами нарского Будду.

Нара, остававшаяся крупным городом, была лакомой приманкой для феодальных клик. В междоусобной войне религиозные соображения часто отступали на второй план: и монастыри и храмы интересовали феодалов скорее как места, где можно пожить.

Двадцать восьмого декабря 1180 года, во время штурма города армией клана Тайры, над Нарой вспыхнул колоссальный костер. Горело самое большое в мире деревянное здание. Просохшие за столетия отборные бревна пылали, как спички. Балки сваливались и разбивались в искры о бронзовую голову Будды и во всплесках пламени спокойное и отрешенное лицо его оживало и, казалось, гримасничало.

Пожар не был случайностью. Агенты Тайры донесли, что жрецы храма Тодайдзи находятся в секретном союзе с соперничающей кликой Минамото. Для разрушения гигантского храма был отправлен отряд в сорок тысяч солдат. Они выполнили приказ. От храма осталась груда пепла, которую солдаты тщательно сровняли с землей. Солдаты и те, кто отдал приказ, были буддистами. Это не играло никакой роли.

Среди пепла и углей возвышалась громада почерневшей от

огня бронзы – обезглавленная, изуродованная статуя.

Уничтожение храма Тодайдзи было одним из последних подвигов армии Тайры. Вскоре войска Минамото разгромили их, и глава клана Ёритомо Минамото, отстранив практически от дел императора, стал править страной, перенеся столицу в Камакуру. Камакура – «ивовая столица» – была городом самураев, славившимся простотой нравов и строгостью законов. Здесь была возведена другая бронзовая статуя Будды – она сохранилась и поныне и даже больше известна, чем статуя в Наре, потому что стоит она под открытым небом, и многие туристы, попадающие в Японию, привозят домой фотографии этой статуи, всегда окруженной толпой.

Но Минамото не ограничились восславлением буддизма в собственной столице. То ли в благодарность за поддержку, оказанную им жрецами Тодайдзи, то ли заботясь о религии вообще, сёгун, правитель страны, приказал восстановить храм в Наре. Храм был отстроен снова, правда, он стал немного меньше, чем раньше, ведь голова у Будды расплавилась, а новую ему делать пока не стали; бронза ушла к сопернику – к Будде в Камакюре.

Снова храм стал одним из важнейших центров буддизма в Японии, понемногу были восстановлены и другие здания вокруг. Монастыри и храмы богатели и расширяли свои владения...

Новое несчастье обрушилось на храм неожиданно. Правда, неожиданность была обычного свойства. Опять в окрестностях Нары шел бой между феодалами, и солдаты перебегали, укрываясь за деревьями храмового парка. Одна из стрел с горящим наконечником вонзилась под стропила храма. И не успели жрецы, стоявшие наготове у бочек с водой, добраться до кровли, как храм занялся. Ведь прошло уже триста лет со дня второго рождения Тодайдзи и бревна успели отлично просохнуть... Это случилось в 1567 году. Храм снова сгорел дотла. И снова обезглавленный, потрепанный битвами и пожарами Будда возвышался над пожарищем.

На этот раз храм долго не могли восстановить, в стране не было сильной централизованной власти, способной пойти на такие расходы.

Сто пятьдесят лет жрецы справляли службы в небольших храмах по соседству, избегнувших огня, а искалеченный Будда зарос кустами и высокими деревьями, которые скрывали руки и торс великана.

Второе и последнее восстановление храма-феникса приходится на 1709 год.

Мало что изменилось за тысячу лет, прошедших со дня

первого рождения храма. Япония в 1709 году была таким же замкнутым в себе, отрезанным от внешнего мира государством. Пройдет еще сто пятьдесят лет, прежде чем революция 1868 года сметет феодальную старину и Япония, проснувшись, бросится догонять остальной мир.

Храм был построен точно таким же, как и в прошлые разы. И не только потому, что архитекторы хотели восстановить древнюю святыню. И в XVIII веке по всей Японии возводились храмы, похожие на Тодайдзи.

В 1709 году к обожженному телу Будды была приварена новая голова. Но не будет никакой ошибки, если написать, что храм Тодайдзи, тот самый, что стоит на окраине Нары, построен не в XVIII, а в VIII веке.

Правда, внимательный глаз обнаружит, что голова статуи несколько новее, чем туловище и руки, а некоторые малые храмы и строения, окружающие Тодайдзи, выглядят куда древнее, чем большой храм.

Помимо храма со статуей в Наре немало других чудесных памятников. В парке площадью тридцать шесть гектаров, принадлежащем храму, расположено около ста различных архитектурных и скульптурных памятников, которые объявлены национальным достоянием Японии. Здесь находятся и старинная сокровищница, и Нандаймон – большие ворота комплекса, а также интереснейшие статуи бодхисатв, божественных стражей и других членов буддийского пантеона.

Об этих статуях Илья Эренбург писал: «В музее Нары рядом с изумительной головой Бодхисатвы стоят статуи его учеников: каждая статуя – это биография, раскрытие характера и судьбы. Я не знаю, существовало ли в седьмом веке слово «реализм», но реализм существовал – достаточно посмотреть скульптуру Нары».

...Если сегодня прийти в парк, окружающий храм Будды, пройти сквозь высокие деревянные ворота, крыша которых повторяет крыши храмов, миновать стену, выложенную из необожженного кирпича, то неизбежно окажешься перед громадой главного храма. Двухъярусная крыша его увенчана по краям золочеными коньками, но, кроме этих коньков, ни грамма краски не положено на его стены или крышу. В отличие от Китая японские зодчие не любили скрывать под слоем яркой краски фактуру материала – будь то дерево, ткань или камень. Японцы давно постигли истинную прелесть вещей в их естественности и дорожат ею.

В одном из небольших зданий по соседству вы сможете посмотреть на старинные статуи: стражи неба одеты в латы средневековых японских феодалов, они злы, воинственны и

непреклонны. Возможно, художник исполнял здесь специальный заказ: прихожанин, чувствующий связь между стражами неба и стражами и вершителями его судьбы на земле, становится послушнее. Хранители свысока, опустив вниз уголки губ, смотрят на людей. Туристов они недолюбливают.

А у храма вы встретите оленей. Некоторые поклонники Нары уверяют, что город и храмы его потеряли бы половину очарования, не будь там оленей. Олени бродят по парку, забегая в храмы, и спокойно обгоняют на улицах автомашины. Олени знают, что хозяева в городе они, а не муниципалитет, многочисленные туристы или жрецы.

Олени появились в Наре одновременно с великим Буддой и делят с ним первое место среди достопримечательностей города. Рядом с Тодайдзи построен небольшой храм Касуга. Он был святилищем рода Фудзивара. Если верить древней легенде, божество, которому посвящен храм Касуга, приехало в Нору из далеких земель верхом на олене. Поэтому члены могучего феодального рода почитали оленей за священных животных и отловили нескольких животных, чтобы поселить их при храме. Олени понравились жителям, к ним привыкли, и они свободно жили в городе примерно на тех же правах, что и коровы в Индии. В средние века к оленям относились даже лучше, чем к людям. Известно, что несколько сот лет назад один из жителей Нары был обезглавлен за то, что убил оленя... Даже высокие чиновники выходили из носилок и кланялись встретившимся животным.

В Наре рассказывают такую историю, вернее, легенду, очень правдоподобную и пожалуй, скорее печальную, чем смешную. Говорят, что жители Нары вставали раньше всех остальных обитателей Японии. Но не потому, что были более трудолюбивыми. Просто каждый спешил на рассвете убедиться, нет ли рядом с его домом сдохшего за ночь или убитого кем-нибудь оленя. Умирать из-за того, что рядом с твоим домом лежит мертвый олень, никому не хотелось... А если случалось, что олень и в самом деле лежал перед дверью, то хозяин дома спешил оттащить его к дверям своего злейшего врага.

Олени спокойно прожили более тысячи лет, но за последние сто лет они были дважды почти истреблены.

Впервые угроза их существованию пришла в 1868 году, в год революции Мэйдзи. После падения феодальных властителей авторитет поддерживавшей их религии быстро упал. Жители Нары начали мстить ни в чем не повинным оленям, связывая с ними недавнее не очень приятное прошлое. Оленей убивали кому не лень, тем более что животные были ручными и привыкли считать людей своими друзьями. Через десять лет после

революции из тысячи животных осталось только тридцать восемь. Тогда губернатор провинции издал специальный декрет, охранявший оленей, и остатки стада были спасены. К началу второй мировой войны их число снова достигло нескольких сотен. Однако в войну о запрете забыли: люди голодали и браконьерствовали в парках. Все-таки олени пережили и эти годы. Несколько животных, одичавших, не подпускавших близко людей, остались в живых. После войны было создано общество по охране нарских оленей, и сегодня их стадо насчитывает тысячу голов.

Как это ни парадоксально, но судьба оленей в Наре чем-то близка судьбе храма Тодайдзи. И олени и храм появились в Наре тысячу двести лет назад. И дважды их уничтожали, и дважды они возвращались в город.

...Храм Тодайдзи поднимается над старинным городом, простой и красивый. Он прекрасен и днем, и вечером, и на рассвете. Но всего прекраснее Нара 15 января, когда здесь проходит фестиваль сожжения горы Вака-кусы.

Эта гора, вернее, холм высотой немного менее полукилометра возвышается горбом над городом. На ней нет деревьев – только густая высокая трава покрывает ее склоны. И вот в январе издавна, уже несколько сот лет, жрецы приходят на гору и поджигают на ней траву. На фоне оранжевой горы черными силуэтами возвышаются храмы, и искры, взлетающие ракетами к небу, рождают сказочный фейерверк.

notes

Примечания

Шри Ланка – древнее название острова Цейлон, оно было возвращено ему несколько лет назад, и теперь это официальное название островной республики.